

П. Н. КОЖЕМЯКО

Р АННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА И ПОСЕЛЕНИЯ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Фрунзе — 1959

П. Н. КОЖЕМЯКО

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА
И ПОСЕЛЕНИЯ ЧУЙСКОЙ
ДОЛИНЫ

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
АН Киргизской ССР*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории раннесредневековых городов и поселений, в связи со слабой изученностью феодального периода на территории современной Киргизской ССР, имеет важное значение для воссоздания истории этого периода. Средневековые города Чуйской долины были экономическими и политическими центрами, центрами развитого ремесла и торговли.

Города эти, стоявшие на важном отрезке большого торгового пути из Средней Азии в Китай, с их ремесленной культурой и развитыми торговыми связями, являлись довольно значительным фактором в процессе сглаживания племенных различий как в области языка, так и в области культуры в процессе формирования народностей. Это обстоятельство приобретает еще большее значение в связи с тем, что на этой территории совместно существовали различные в этническом отношении оседлые и кочевые элементы. Изучение истории раннесредневековых городов важно также и для разрешения общей проблемы—раскрытия процесса становления и развития феодального способа производства в истории Киргизии.

Не менее важное значение для данного вопроса имеет изучение хозяйственной округи городских центров.

Известные в настоящее время науке сведения исторических письменных источников о городах и поселениях Чуйской долины очень редки и отрывочны. В большинстве случаев это только лишь названия городов и селений с указанием иногда расстояний между некоторыми из них; там нет никаких сведений ни о внутренней жизни поселений, ни о их внешнем виде.

Поэтому особое значение для изучения средневековых поселений приобретают источники, полученные путем археологических исследований этих поселений. Особенности топографии средневекового города соответствовали его экономической и классовой структуре. Выяснение размеров города, его населенности, расположения и планировки отдельных его центров—административного, торгового и ремесленного—установление связей города с его округой, исследование характера оборонительных сооружений поможет разрешению ряда положений общественной истории средневековья.

Для разрешения некоторых из этих вопросов дореволюционной археологией, и особенно советскими археологами, накоплен уже значитель-

ный фактический материал, собраны известные о них данные письменных источников, разбросанные по многочисленным сочинениям средневековых историков и географов. Большая заслуга в этом принадлежит В. В. Бартольду, М. Е. Массону, П. П. Иванову, А. И. Тереножкину, непосредственно обследовавшим развалины поселений.

Очень много было сделано для изучения средневековых поселений Семиреченской археологической экспедицией и особенно ее руководителем А. Н. Бернштамом.

С 1953 г. на городище Ак-Бешим ведутся стационарные раскопки, обнаруживающие очень интересные данные (руководители Л. Р. Қызласов и Л. П. Зяблин).

В 1952 и 1953 гг. автором настоящей работы по тематике Исторического музея АН Киргизской ССР, а в 1954 и 1955 гг. отдельным отрядом под его руководством в составе комплексной археолого-этнографической экспедиции производилась полевая работа по изучению средневековых поселений Чуйской долины. Были собраны данные по топографии 18 городищ с длинными стенами и 44 небольших поселений и укреплений, проведены стратиграфические раскопки.

Раскопочные работы отряда строились с учетом перечисленных выше обследований предшествующих исследователей. Только на одном городище (Краснореченском), прежде подвергавшемся раскопкам, был сделан разрез вала и поставлен шурф на расположенном близ вала холме. В остальных случаях производились раскопки тех развалин, которые прежде не раскапывались.

Всего нами стратиграфически изучено 12 городищ с длинными валами и 15 развалин небольших поселений и крепостей. С этой целью произведено 56 стратиграфических раскопов и 16 разрезов оплывших стен. На всех городищах, не подвергавшихся раскопкам, обследованы естественные обнажения и собран подъемный материал.

Кроме материалов, собранных автором, в работе использовались данные, полученные Семиреченской экспедицией в 1938—1940 гг.; учтены результаты работ экспедиции археологического надзора на строительстве Большого Чуйского канала в 1941 году; использованы материалы большого стратиграфического раскопа на городище Ак-Бешим, выполненного под руководством автора в составе Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг., а также другие материалы Чуйского и Ак-Бешимского отрядов.

Наблюдения за топографической структурой и данные раскопок как наши, так и предыдущих исследований, были обработаны, дополнены сведениями из письменных исторических источников и оформлены в виде отдельных разделов этой работы.

Настоящая работа, в силу охарактеризованного выше состояния письменных источников, представляет собой историко-топографический очерк раннесредневековых поселений Чуйской долины, созданный преимущественно на основании археологических источников (историко-топографические наблюдения, данные раскопочных работ и подъемный материал) с привлечением литературных сведений.

Автор не ставит себе целью разрешение вопросов, касающихся внутреннего содержания жизни, ныне мертвых городов и поселений, общественной жизни прежних их обитателей, так как для этого необходимы обширные и разнообразные материалы, которые можно будет получить лишь после многолетних работ, связанных с длительными стационарными археологическими исследованиями целого ряда крупных городищ. Настоящая работа не является также исчерпывающей и в исследовании топографии по-

селений, многие элементы которой не могут быть решены на основе материалов, имеющихся на данной стадии изучения. Для решения комплекса вопросов топографии также необходимы более широкие раскопочные работы стационарного типа. Вместе с тем собранный материал уже теперь позволяет сделать целый ряд новых общих заключений о раннесредневековых поселениях и городах Чуйской долины. Дальнейшие археологические исследования и новые материалы по топографии дадут возможность проверить высказанные суждения, дополнить и глубже осветить рассматриваемую тему.

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Полузамкнутая Чуйская долина ограничена с юга снежным хребтом Киргизского Ала-Тоо, а с севера Чу-Илийскими горами. Оба эти хребта соединяются на востоке, замыкая долину, где через узкое Боомское ущелье в нее выходит р. Чу, берущая начало в Центральном Тянь-Шане. К западу хребты уклоняются друг от друга: Киргизский хребет выдерживает широтное направление, а Чу-Илийские горы отклоняются на северо-запад. Река Чу, протекающая ближе к Чу-Илийским горам, недалеко у их подножий, также уклоняется от направления Киргизского хребта. Левобережная часть долины намного превосходит по территории правобережную, составляя как бы ее основу. На западе долина открыта и постепенно переходит в пустынные пространства Казахстана. Западной границей земледельческой полосы Чуйской долины можно считать течение р. Курагаты (левого притока р. Чу), за которой простираются пески Муюн-Кум.

В очерченных границах размеры долины с запада на восток около 250 км, с севера на юг—в восточной части 20 км, в западной—до 80 км.

Поверхность долины постепенно снижается от подножий Киргизского хребта и Чу-Илийских гор к пойме р. Чу, а также по течению реки с востока на запад, имея у подножий Киргизского хребта высоту около тысячи метров, а в северо-западной части, на расстоянии 50 км от Киргизского Ала-Тоо, только пятьсот пятьдесят метров.

Киргизский хребет почти на всем своем протяжении превышает линию вечного снега, достигая в отдельных местах высоты 4 800 м. Вдоль хребта со стороны долины идут две параллельные боковые гряды. Первая из них (ближайшая к хребту) значительной высоты, а вторая представляет невысокие холмистые предгорья. Нижние склоны Киргизского хребта и обе гряды покрыты разнообразной растительностью степного типа.

Левобережная сторона Чуйской долины, в противоположность прилегающей к Чу-Илийским горам, пересечена большим количеством рек, выходящих из ущелий Киргизского хребта и составляющих притоки р. Чу. На протяжении 250 км от Боомского ущелья до самой западной речки Курагаты их насчитывается более 20. Наиболее многоводные из них: Курагаты, Мерке, Аспара, Кара-Балты, Ак-Су, Сокулук, Аларча, Иссык-Ата. После выхода из ущелий все они текут по сильно наклонной поверхности долины, в значительной части своей длины в неглубоких руслах и чрезвычайно удобны для устройства простых водозаборных сооружений. Водный

режим рек благоприятен для развития орошаемого земледелия. Большинство рек берет начало в ледниковых областях Киргизского хребта, и поэтому период их летнего многоводья, связанный с таянием высокогорных вечных снегов (гораздо более длительный, чем весенний период многоводья от таяния низких снегов), совпадает с наиболее засушливыми месяцами в долине, когда высревают все посевы и сады, нуждающиеся в поливах. Сами ущелья, из которых вытекают речки, являются очень богатыми и удобными местами для летних выпасов скота.

В левобережной части Чуйской долины есть значительное количество рек и ручьев, берущих начало из подземных ключей. Ключи эти обязаны своим происхождением фильтрационным водам главным образом из горных рек, в их верхних течениях. Особенно много ключей в полосе несколько севернее шоссе на дороге, пересекающей долину в широтном направлении. Эти водостоки отличаются устойчивым водным режимом и также играют определенную роль в удовлетворении запросов орошаемого земледелия.

Чу-Илийские горы представляют собой сложную систему небольших хребтов. Наибольшая высота их достигает немногим более тысячи метров. Для этой горной группы характерны выравненные, почти горизонтальные поверхности. Хребты довольно резко обрываются к долине реки Чу. Орошение района Чу-Илийских гор незначительно. В начале лета реки и источники пересыхают. Пригодных участков для земледелия почти нет. Горы покрыты богатой степной растительностью и удобны для ведения скотоводческого хозяйства.

Вся Чуйская долина характеризуется засушливым, степным, резко-континентальным климатом. Осадков выпадает от 100 до 400 мм в год. Средние температуры лета превышают $+20^{\circ}$. Безморозный период составляет до 160 дней в году.

В долине преобладают сероземы, характеризующиеся высоким плодородием. Климат и почвы долины благоприятствуют возделыванию при искусственном орошении широкого круга сельскохозяйственных растений вплоть до теплолюбивых технических культур и фруктовых деревьев. На землях, расположенных на прилавках гор и близ склонов хребтов, возможно ведение богарного земледелия.

К Чуйской долине географически относятся бассейны двух рядов идущих правых притоков р. Чу—Большого и Малого Кеминов, впадающих в Чу сразу по выходе ее из Боомского ущелья. Неширокие долины рек располагают значительными возможностями для земледелия и, особенно животноводства.

Таким образом, весь комплекс природных условий — теплый климат, плодородные почвы, наличие рек, удобных для устройства несложных ирригационных сооружений — говорит о том, что в Чуйской долине земледелие могло зародиться очень рано. Общая мощность рек и ручьев была достаточной для орошения значительных по тому времени территорий, и поэтому не было надобности использовать большую многоводную реку Чу, требующую постройки сложных водозаборных сооружений. Об этом говорит отсутствие на обследованной нами территории древних крупных магистральных каналов, выходящих из поймы р. Чу.

Земледельцы в силу обилия удобных и богатых зимних и летних пастбищ не могли не заниматься и скотоводством.

О раннем зарождении в Чуйской долине оседло-земледельческой жизни говорят археологические данные и письменные сообщения.

Возникновение и развитие крупных оседло-земледельческих и торго-

во-ремесленных поселений в Чуйской долине, как это устанавливается по письменным источникам и археологическим данным, относится к VI—XII вв., когда политическое господство здесь находилось в руках тюркских кочевых народов.

К середине VI века из объединения различных племен и народов на территории Монголии сложилось государство кочевников—тюркский каганат, власть которого распространялась на страны Средней и Центральной Азии, в том числе и Чуйскую долину.

Уже с 80-х годов VI в. начинается кризис каганата, который приводит к распаду его на два государства: западнотюркский и восточнотюркский каганаты.

История Киргизстана оказалась связанной с западнотюркским каганатом, политический расцвет которого относится ко времени с конца VI и до середины VII вв., когда в его состав входили и Согд, и Восточный Туркестан. Долины рек Чу и Таласа, Центральный Тянь-Шань и Иссык-Куль находились в центре владений западных тюрков. Столица их—Суяб была в долине Чу. Западнотюркский каганат не был централизованным государством, а скорее является конфедерацией десяти тюркских племён, из которых пять (нушеби) жили к западу от р. Чу, а пять (дулу)—к востоку. Основным богатством кочевых племен были стада лошадей, овец, крупного рогатого скота, верблюдов. Во главе западных тюрков стоял хан, сосредоточивавший в своих руках огромные личные богатства в виде скота. В политическом отношении власть кагана опиралась на знать племён и целую систему чиновников (бююруки, тарханы, тугуки и др.). Основной ячейкой родоплеменной организации была большесемейная патриархальная община, в состав которой кроме членов семьи входили клиенты и рабы.

Тюркские тексты намогильных стелл, а также описания Сюань Цзана свидетельствуют о непрерывных смутах у тюрков, усиливавшихся из-за увеличения разрыва между богатейшей в бесчисленных войнах племенной аристократией и бедневшей массой рядовых кочевников. Кочевая аристократия, захватывая огромную военную добычу, эксплуатируя военнопленных и рабов, постепенно распространяла власть и на свободную массу рядовых кочевников. Это вызывало восстания, которые привели к упадку оба каганата.

Политическая история западнотюркского каганата характеризуется междоусобными войнами феодализирующейся знати, усугублявшимися вмешательством китайского двора, заинтересованного в ослаблении тюрков.

С начала VIII в. власть в Семиречье переходит к тюркешским племенам, прежде входившим в каганат западных тюрков. Почти все сведения о тюркешах находятся в китайских источниках и очень немногие сведения дают орхонско-енисейские тексты. В эту пору противоречия между каганским родом, аристократией и массой кочевников все усиливаются. Частые междоусобия среди племён тюркешей ослабляли их. Положение осложнялось тем, что тюркешам приходилось выдерживать борьбу с арабским наступлением. Все это позволило китайскому двору покорить тюркешей в 741 году. И арабы, дошедшие в 751 г. до Таласа, встретились с китайскими войсками. Победа арабов ослабила позиции Китая в Семиречье. Ослабление тюркешей и китайцев выдвинуло в середине VIII в. на первый план карлуков, одно из тюркских племен, пришедших с Алтая через Восточный Казахстан, господство которых продолжалось до середины X в.

Наиболее точные сведения о карлуках дает анонимная рукопись конца X в.—«Худуд-Ал-Алем».

В истории кочевых племен Семиречья в конце карлукского периода отмечаются два очень важных момента. Один из них—бурное развитие феодальных отношений в кочевом обществе, вызванное внутренним процессом развития производительных сил. Второй, непосредственно вытекающий из первого — переход неимущей части кочевников к оседлой жизни. Этот процесс, имевший место и раньше, теперь усилился в связи с изменениями, происходившими внутри кочевого общества. Растущий товарообмен между кочевниками и оседлыми жителями ускорял процесс классового расслоения кочевого общества. Выгоды торговли побуждали кочевую аристократию увеличивать свои стада, захватывать лучшие пастбища. Беднейшие слои окончательно разорялись и переходили на оседлый образ жизни.

Карлукский период в Семиречье характеризуется отсутствием единой власти.

В тюркский период Согд прочно входил в состав западнотюркского каганата, а в периоды относительной автономии находился в тесных экономических и культурных связях с Семиречьем. В карлукское же время Семиречье не подчинялось саманидам, господствующей династии Мавераннахра. Всего один район его, Исфиджаб, входил во владения саманидов, но и его подчинение было номинальным, так как его владетель не платил хараджа саманидам. Саманиды неоднократно предпринимали походы в Семиречье. Так, еще в 840 г. Нух ибн-Асад завоевал Исфиджаб, а в 893 г. Исмаил Саманид овладел городом Таразом.

Во второй половине X в. в Семиречье образовалось караханидское государство. Обстоятельства его возникновения не выяснены из-за полного отсутствия сведений по этому вопросу. Но известно, что к девяностым годам X в. в его состав входили территории от Кашгара до Исфиджаба. К концу X в. караханиды захватили и весь Мавераннахр, ликвидировав династию саманидов.

С ликвидацией саманидов в Мавераннахре пало централизованное государство. Караханиды ввели на всей территории удельную систему управления. Все завоеванные земли считались собственностью караханидского дома. Глава династии, носивший титул «хана ханов», обладал номинальной верховной властью. Отдельными уделами управляли члены караханидского дома с титулами илек-ханов. Крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких. Борьба за власть главы государства очень часто вызывала распри. Частые междоусобицы были и среди мелких владетелей.

Многие исследователи отмечают важное для Семиречья обстоятельство, связанное с его пребыванием в составе караханидского государства. Караханидские ханы высоко ценили значение земледельческих поселений и городских центров. Эта тенденция, нашедшая свое отражение и в литературном памятнике того времени «Кудатку-Билик», сыграла немалую роль в развитии оседло-земледельческой жизни в Чуйской долине.

С караханидами связано утверждение феодальных норм землевладения и окончательное сложение феодальных отношений в Средней Азии. К этому же времени относится принятие ислама феодальной верхушкой общества и объявление его государственной религией.

Около середины XII в. государство караханидов пало под ударом кара-китаев, живших ранее в Монголии и Северном Китае. Завоеванную империю караханидов кара-китай не делили на уделы, а, обложив населе-

ние подворными податями, назначили в разные пункты своих сборщиков данн.

Буддисты кара-китан отличались веротерпимостью, но покровительствуя христианству, не стесняли мусульман. Они внесли в культуру Средней Азии элементы китайской культуры. При них расширились экономические и культурные связи в сторону Дальнего Востока, что документируется археологическими материалами.

Государство кара-китаев просуществовало немногим более полустолетия. Уже в начале XIII в. оно пало, и власть ненадолго захватили найманские племена (под руководством Кучлука), бежавшие от преследований Чингис-хана. Положение узурпатора было весьма непрочным из-за восстаний в Восточном Туркестане и враждебных отношений с владельцем Самарканда.

В 1218 году в Семиречье вторглись войска Чингис-хана. С нашествием монголов связаны огромные разрушения и уничтожение производительных сил в странах, подвергшихся завоеванию. Все эти явления имели место и в Семиречье. Уже в середине XIII в. путешественники, проезжавшие по этим местам, подчеркивали полное запустение здесь оседло-земледельческой жизни. С этих пор в Семиречье надолго утвердилось кочевое скотоводство.

История изучения остатков поселений Чуйской долины делится на два периода, коренным образом отличающихся друг от друга: дореволюционный и советский. Для первого мы можем отметить только самое общее знакомство с памятниками, выражавшееся в осмотре и кратком описании наиболее примечательных из них, без какой-либо связи с известиями письменных источников и тем более с историческим процессом.

До 80-х гг. XIX в. имеется всего два упоминания о памятниках оседлой культуры в Чуйской долине: в трудах IV археологического съезда в России, проходившего в 1877 г., да краткая газетная заметка.¹

Мало сведений содержится и в литературе последующих лет. Археологическая комиссия только регистрирует находки монет и монетных кладов² и случайные находки вещей³. Известно всего два случая раскопок на поселениях: в 1885 г. на городище Бурана⁴, а в 1889 г. на одиночном сырцовом сооружении близ с. Ленинского, которое было принято за курган.⁵ Археологического материала из этих раскопок не сохранилось. В «Туркестанских ведомостях» публикуются заметки о находках монет и др. предметов, а также чрезвычайно краткие сведения о некоторых развалинах поселений.⁶

Краткие сведения об отдельных памятниках до 90-х гг. были собраны в работах В. Флоринского.⁷

¹ М. А. Терентьев. О развалинах крепости Турткуль в Токмакском уезде. Труды IV археологического съезда в России. Казань, 1884, стр. XIV; В. Д. Смирнов. О колонии при реке Бурана в Токмакском уезде и соединенных с этим легендах киргизов и сартов. Там же. Археологические памятники в Семиречье и Кульджинском крае. «Туркестанские ведомости», 1879, № 43.

² ОАК за 1882—1888 гг., стр. СС1; ОАК за 1895 г., стр. 75.

³ ОАК за 1889 г., стр. 90; ОАК за 1897 г., стр. 71—72.

⁴ Н. Ядринцев. Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака. Записки Академии наук, т. 52, кн. 2, СПб., 1886, стр. 154—159.

⁵ ОАК за 1889 г., стр. 75, 112.

⁶ Внутренние известия. «Туркестанские ведомости» № 37 за 1887 г.

⁷ В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск, 1894. Его же. Археологический музей Томского университета. Томск 1888, стр. 59.

В археологическом изучении городищ Чуйской долины в дореволюционное время особое место занимает поездка в Среднюю Азию В. В. Бартольда, который в течение 1894 г. осмотрел большинство развалин крупных поселений Чуйской долины и опубликовал в «отчете» краткие описания городищ Ново-Николаевского, Ключевского, Толекского, Ашпара, Ак-Бешим, Шиш-Тюбе, Бурана. Им упомянуты городища Краснореченское, Каиндинское, Степнинское, Кара-Джигач¹.

Не будучи археологом, В. В. Бартольд дал самые краткие сведения о развалинах поселений, не привел четких их описаний и планов развалин. Археологические материалы им совсем не привлекались.

Большая заслуга В. В. Бартольда состоит в том, что он впервые ввел в научный обиход данные письменных исторических источников и привлек их к изучению остатков поселений².

Предложенные В. В. Бартольдом отождествления древних городов с современными развалинами встретили возражения Н. Ф. Петровского³.

С поездкой В. В. Бартольда в 1893—1894 гг. связано оживление археологических исследований, начало деятельности в Средней Азии Туркестанского кружка любителей археологии. Члены кружка собрали много сведений о памятниках различных областей Средней Азии. Но в Чуйской долине деятельность членов кружка не имела сколько-нибудь значительных результатов. Известно лишь описание башни Бурана, городища, в котором она стоит и городища Ак-Бешим⁴. В других сообщениях описываются находки вещей⁵. При осуществлении проектных работ по орошению Чуйской долины некоторые городища были занесены на планы⁶.

Резюмируя результаты изучения развалин поселений Чуйской долины в дореволюционное время, следует подчеркнуть, что это изучение дальше накопления фактов путем простого ознакомления с памятниками не шло. Редкое исключение составили работы историков (В. В. Бартольд, Н. Ф. Петровский), которые после ознакомления с археологическими памятниками привлекали к их изучению и письменные источники. Центральные научные учреждения проявляли к древностям Чуйской долины крайне незначительный интерес, в результате чего далеко не все развалины поселений были выявлены. А для известных поселений не было даже формальных описаний. Изучение находок отдельных предметов носило чисто вещеведческий характер.

Советский период в истории изучения археологических памятников имеет принципиальные отличия, ибо его характеризует новое содержание и направление, ему присуща плановость и широкие масштабы, которые явились базой небывалого расцвета археологической науки в нашей стране.

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 18—41.

² В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб., 1893, стр. 15. Отд. отт. из ЗВОРАО, т. VIII.

³ Н. Ф. Петровский. К статье о христианстве в Туркестане. ЗВОРАО, т. VIII. 1893—1894, СПб., 1894, стр. 150—151. Его же. Еще заметка о статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период». Там же, стр. 354—357.

⁴ ПТКЛА за первый год его деятельности. Ташкент, 1896, стр. 42—43.

⁵ Сообщение Н. Н. Пантусова о находке кувшина у с. Дмитриевского Пишпекского уезда (ПТКЛА, год 9, Ташкент, 1904, стр. 11) и о находке отдельных предметов при строительстве Ивановского и Георгиевского каналов в Пишпекском уезде (ПТКЛА, год 11, Ташкент, 1907, стр. 3).

⁶ В. А. Васильев. Проект орошения долины р. Чу в Семиреченской области. Атлас чертежей. Вып. 1. Район «Б» Краснореченский, Петроград, 1915, табл. 2—7.

Но главная причина успехов советской археологии заключается в творческом применении в археологических исследованиях марксистско-ленинской диалектико-материалистической методологии.

Советские археологи отказались от безыдейного вещеведения и отвлеченного искусствоведческого анализа произведений искусства, поставив перед собой задачу возможно более полного восстановления быта и культуры древних племен и народов, с целью воссоздания истории народов СССР.

Уже в 1917—1919 гг., в разгар гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией Советское правительство предприняло ряд важных мероприятий в области охраны и изучения археологических памятников. 18 апреля 1919 г. декретом Совнаркома учреждена Российская Академия истории материальной культуры. Параллельно с этим центральным научным учреждением на местах также создаются научные учреждения, цель которых — охрана и изучение памятников материальной культуры. В 1920 г. в Ташкенте был создан Туркестанский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, позже Средазкомстарис).

Со времени национального размежевания Средней Азии (в 1924 г.) начинается быстрый рост исследовательских работ по истории отдельных республик. В 1926 г. Киргизия была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую республику. С этого момента здесь начинают возникать местные научно-исследовательские учреждения.

В 1926 г. организован Краеведческий музей Киргизской ССР, в котором начали постепенно накапливаться археологические коллекции. В 1928 г. был создан Научно-исследовательский институт краеведения.¹

Однако в течение 10—12 лет после Октябрьской революции археологические исследования в Киргизии носили характер непродолжительных командировок работников центра и Средазкомстариса с целью производства реставрационных работ на архитектурных памятниках и археологических разведок.² В этом немало сказалась тяжелая обстановка восстановительного периода, когда республика залечивала раны, нанесенные гражданской войной.

В эти годы М. Е. Массон проводил работу по регистрации и изучению монетных находок в Киргизии.³ Известна серия газетных и журнальных заметок об охране и ремонте архитектурных памятников с их описанием⁴ и о случайных находках единичных вещей.⁵

В сводных работах по архитектурным памятникам Средней Азии помещаются данные о единственном сохранившемся в Чуйской долине архитектурном памятнике—башне Бурана.⁶

¹ Сб. «Наука в Киргизии за 20 лет». Фрунзе, 1946, стр. 111 и 174.

² Изв. Средазкомстариса, вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 18—42. и вып. III, 1928, стр. 128.

³ Монетные находки в Средней Азии 1917—1927 гг. Изв. Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 280—293.

⁴ Газеты: «Голос Семиречья», 1919 г., 7 ноября, № 106, г. Верный; «Советская Киргизия», 1928 г., 5 июня, № 125, г. Фрунзе.

⁵ Газеты: «Крестьянский путь», 1926, 26 апреля, № 64, г. Пишпек; «Советская Киргизия», 1927, 30 января, № 11, 1927, 10 октября, № 19; 1928, 8 января, № 6; 1928, 19 января, № 16; журнал «Семь дней», 1927, № 42.

⁶ Б. Ден и к. Искусство Средней Азии. М., 1927, стр. 15. Б. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. Сборник центральных государственных реставрационных мастерских, М., 1928, стр. 284.

В 1927 г. М. Е. Массон производил обследование городищ Бурана и Ак-Бешим, сделав схему развалин Ак-Бешима¹.

К этому же периоду относится разведочная поездка П. П. Иванова в Чуйскую долину и на Иссык-Куль, во время которой он обследовал городища Ключевское, Краснореченское, Кысмычи, Чумышское I и Чумышское II².

Поселения Чуйской долины в 1929 г. были подвергнуты разведочному изучению А. И. Тереножкиным, который посетил большую серию развалин: Краснореченское, Ак-Бешим, Ключевское, Беловодскую крепость, Чумышское I, Кысмычи, Полтавское, Бурану, Миянфан, Малый Ак-Бешим, Сынташ, Ново-Покровское II и Ново-Николаевское.³ При этом следует отметить, что большинство обследованных памятников не было описано и снято на план. Подъемные материалы, переданные в Краеведческий музей, не сохранились полностью и потеряли паспорта. В дневнике и отчете рисунков вещевых материалов нет⁴.

К этому времени относятся первые после Октябрьской революции специальные раскопки городищ Чуйской долины, к сожалению не получившие отражения в литературе. Находки, поступившие в Краеведческий музей, не инвентаризованы⁵. Первые археологические разведки в Чуйской долине производит и Научно-исследовательский институт краеведения Киргизской ССР⁶.

По-прежнему публикуются газетные заметки о случайных находках и дается информация об археологических и архитектурных работах, проводится регистрация монетных находок в Чуйской долине⁷.

В рукописном фонде Отделения общественных наук АН Киргизской ССР хранится несколько рукописей, содержащих сведения о поселениях Чуйской долины. Так, например, есть упоминание о раскопках близ башни Бурана в 1928 г.⁸, краткое описание Беловодской крепости и распросные сведения о Сретенском городище⁹, сжатое описание трех городищ у с. Ново-Покровского¹⁰ и разрозненные материалы о раскопках на Краснореченском городище в 1930 г.¹¹

¹ Изв. Средазкомстариса, вып. III. Ташкент, 1928, стр. 265—275; М. Е. Массон. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. Труды САГУ, новая серия, выпуск LXXXI, Исторические науки, книга 12, Ташкент, 1956, стр. 23.

² П. П. И в а н о в. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. III, Фрунзе, 1957, стр. 102—106. Его же. Материалы по археологии долины Иссык-Куля. Рукописный фонд Отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. 1714, стр. 78—89.

³ А. И. Т е р е н о ж к и н. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. ПИДО, 1935, № 5—6, стр. 139—150.

⁴ А. И. Т е р е н о ж к и н. Дневник разведки. Рукописный фонд Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 7.

⁵ А. Н. Б е р н ш т а м и А. С. М о р о з о в а. Отчет о командировке в Среднюю Азию. ПИДО, 1934, № 6, стр. 100.

⁶ А. Н. Б е р н ш т а м. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 95; Газета «Советская Киргизия», 1930 г., 4 июля, № 153.

⁷ Газета «Советская Киргизия», 1929 г., 14/VIII, № 182; 23/X, № 242; 1930, 24/IV, № 94; Журналы: «Наука и техника», 1929, № 24, стр. 21; «Семь дней», 1929, № 4, стр. 134.

⁸ И. А. Ч е к а н и н с к и й. Рукописные материалы. Рукописный фонд Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 10.

⁹ В. Л. В а с и л ь к о в. Результаты археологической разведки в Беловодском р-не Киргизской ССР. Там же, инв. № 85.

¹⁰ А. В. И н о г р а д о в а. Черновые материалы археологических исследований в р-не с. Н-Покровки Фрунзенского кантона Киргизской АССР. Там же, инв. № 9.

¹¹ Материалы о памятниках Киргизской ССР. Там же, инв. № 4 и 84.

Археологическое изучение Киргизии в части оседло-земледельческих поселений, начиная с 1933 г., связано с именем А. Н. Бернштама, который начал свою работу с разведочной поездки 1933 г.¹, а затем стал руководителем постоянных экспедиций, организовывавшихся Комитетом наук при СНК Киргизской ССР и ЛО ИИМК. Результаты этих экспедиций публиковались в разных научных изданиях и в периодической печати. Существуют также работы, обобщающие отдельные этапы и дающие общие итоги исследований².

О памятниках оседло-земледельческой культуры Чуйской долины имеются сведения в работах по архитектуре и лингвистике³, в сводках об археологическом изучении Средней Азии и Киргизии⁴, а также в публикациях периодической печати об отдельных памятниках⁵ и о случайных находках⁶.

Специальное изучение городищ Чуйской долины проводилось Семиреченской археологической экспедицией в период с 1938 по 1940 г. Экспедиция занималась изучением исторической топографии, а также производством раскопок разведочного и стационарного типов на наиболее характерных объектах. Были обследованы городища: Аспара, Шиш-Тюбе, Среднское (Ак-Тюбе), Ключевское, Краснореченское, Кысмычи, Ак-Бешим, Малый Ак-Бешим, Бурана, Новороссийское, а также городище у с. Советского. На трех городищах, а именно: Краснореченском, Ак-Бешиме, Кысмычи были произведены раскопки. На Новороссийском городище было заложено два небольших разведочных шурфа.

Экспедицией собран обширный археологический материал, имеющий большую историко-культурную ценность. Материал характеризует хозяйственные занятия, ремесло, строительную технику, архитектуру, искус-

¹ А. Н. Бернштам, А. С. Морозова. Указ соч. стр. 100.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; Его же. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943. Его же. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, СА, XI, 1949; Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» составлены под руководством А. Н. Бернштама. МИА. № 14, М.—Л., 1950. См. там же библиографию вопроса.

³ Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, М.—Л., 1939, стр. 24; А. Нялло, Г. А. Суятыгин и С. Я. Шейх. Киргизская архитектура. В кн. «Искусство Советской Киргизии», М.—Л., 1939, стр. 45; Фрейман А. А. Древнейшая согдийская надпись, ВДИ, 1939, № 3/8, стр. 135—136; Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 39, 46, 55, 66, 73, 76—77; Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на средневековых терракотах. Тр. Института истории и археолог. АН УзССР, т. II, 1950, стр. 15, 17, 43, 52.

⁴ А. И. Тереножкин. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии. ВДИ, 1938, № 1/2, стр. 204—205. А. Ю. Якубовский. ГАИМК-ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет. КСИИМК, VI, М.—Л., 1940, стр. 20—21; В. И. Авдиев. Историко-археологическое изучение Средней Азии. В кн.: Двадцать пять лет исторической науки в СССР, 1942, стр. 75—76; С. Ильясов. История, археология и этнография Киргизии в трудах русских ученых. Изв. Кирг. ФАН СССР, II—III, Фрунзе, 1945, стр. 89—93. Его же. Археологическое изучение Киргизской ССР — газета «Советская Киргизия», 1945, 18/III, № 53. Его же. Историческая наука в Киргизии за 20 лет. В кн.: Наука в Киргизии за 20 лет, 1926—1946 гг. Фрунзе, 1946, стр. 173—178; А. Н. Бернштам. История изобразительного искусства Киргизстана. В кн.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отд. истории и философии. М., 1947. (Академия наук СССР), стр. 77—78. Его же. Среднеазиатская древность и ее изучение за XXX лет, ВДИ, 1947, № 3, стр. 83—94. Его же. Советская археология Средней Азии. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 5—17. А. К. Кирилов. Археологическое изучение Киргизии. Изв. КирФАН, 1954, вып. II (XII), стр. 59—60.

⁵ Газета «Советская Киргизия», 1936, 24/VIII, № 196; 1937, 3/XI, № 254; 1937, 28/VII, № 172; 1938, 2/XI, № 253; 1940, 22/I, № 18; 1941, 20/IV, № 93; 1945, 23/IX, № 188.

⁶ Газета «Советская Киргизия», 1936, 10/IX, № 210; 1936, 23/XI, № 271; 1941, 16/V, № 113; 1941, 16/XI, № 272; 1943, 30/VI, № 135; 1944, 11/XI, № 204; 1954, 4/VI, № 131.

ство, идеологические представления жителей изучавшихся поселений с V по XIII вв. Прделана большая работа по сбору письменных сведений о городах; произведен анализ и критика этих сведений. На основе изучения письменных известий VII—XV вв. и археологических данных было проведено отождествление развалин с некоторыми древними городами.

Наибольшего объема достигли раскопки на Краснореченском городище, отождествляемом А. Н. Бернштамом с средневековым городом Сарыгом. Здесь было заложено два раскопа на шахристане близ цитадели, один раскоп на наиболее укрепленном турткуле центральных развалин. Раскопы на центральных развалинах показали, что внизу их лежат слои, характерные для времени тюркского каганата. Обнаружены здесь также слои карлукского (VIII—X вв.) и караханидского (X—XII вв.) периодов.

На холмах, к югу от центральных развалин, представляющих собой остатки одиночных построек, произведено 5 раскопов. Один из них вскрыл согдийский замок V—VII вв., второй—отдельную усадьбу X в., третий—культурные наслоения, начиная от V до XII в. Два последних раскопа не были доисследованы.

На основании материалов из раскопок Краснореченского городища проф. А. Н. Бернштам излагает процесс развития жизни на этом поселении следующим образом. В V—VII вв. здесь были одиночные укрепленные усадьбы («виллы»-кешки) согдийских переселенцев—рабовладельцев, которые были почти самостоятельными замкнутыми хозяйствами. В период, близкий ко времени арабского завоевания (не ранее VII в.), эти кешки опустели в связи с развитием поселения городского типа, представленного и в настоящее время центральными развалинами. Расцвет шахристана города падает на IX—X вв. К этому же периоду относится сложение рабада.¹

Несколько меньшие раскопочные работы проведены Семиреченской археологической экспедицией на городище Ак-Бешим, которое отождествлялось А. Н. Бернштамом с городом Баласагуном, бывшим в караханидское время столицей Средней Азии. Здесь был заложен ряд шурфов, затронувший лишь верхние слои. На шахристане близ цитадели (во дворе ее) — два шурфа, вскрывшие завалы строительного мусора, один шурф—на большом холме к югу от шахристана. Основные работы были сосредоточены на территории, прилегающей к шахристану с востока и обнесенной валом, получившей в этой экспедиции название «киданьского квартала». Здесь также было заложено несколько шурфов. На большом холме близ восточной стены шахристана шурф прорезал культурные слои, относящиеся, по А. Н. Бернштаму, к VII—XII вв. В большом турткуле, в центре «киданьского квартала» на невысоком бугре, шурф вскрыл слои XI—XII вв., а на небольшом холме в юго-восточном углу «киданьского квартала» дал находки киданьского времени XI—XII вв. В «киданьском» же квартале были раскопаны два здания—буддийская часовня и буддийский монастырь, которые А. Н. Бернштам сначала относил к XI—XII вв., а в одной из последних работ—уже к IX в.² Следует отметить, что если на Краснореченском городище за пределами центральных развалин было 5 раскопов, то здесь только один, на холме, представляющем отдельную постройку или замок.

Руководитель экспедиции на основе анализа подъемного материала и данных раскопочных работ связывает возникновение и этого города с сог-

¹ МИА, № 14, стр. 14, 20.

² А. Н. Бернштам. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. Сборник «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 295.

дийской колонизацией. Развитие его шло по такому же пути, как и Краснореченского городища¹.

Наименьшие по размерам раскопки были произведены на городище Кысмычи. Здесь на шахристане произведено два раскопа. Собранный раскопочный материал свидетельствует о том, что городище в VIII в. уже существовало (находки тюргешских монет). Есть свидетельства о существовании жизни на городище и в XI—XII вв.² Оно отождествлялось А. Н. Бернштамом с Якалыгом письменных источников.

Городище у с. Новороссийского отождествлялось с городом Суябом и датировалось А. Н. Бернштамом VII—XII вв.³ На нем были заложены два шурфа.

На остальных городищах, обследованных Семиреченской археологической экспедицией, раскопок не производилось, собран только подъемный материал. С целого ряда развалин были сняты планы и установлены хронологические рамки жизни для отдельных городищ. На городище Бурана собран материал в основном карахадинской эпохи⁴. Для городища Аспара установлено время существования с VIII по XV в.⁵ Зарождение городища Шиш-Тюбе по конструктивным формам отнесено к времени согдийской колонизации. Замирание жизни на нем, как на крупном центре, было датировано X в.⁶ Городище Ак-Тюбе (или Чалдывар), отождествляется с городом Харан-Джуван и относится по характеру и местоположению развалин к IX—X вв.⁷ Городище у с. Ключевое, отождествляемое А. Н. Бернштамом с городом Джуль⁸, отнесено к IX—XII вв. Остатки поселения, перекрытого современными постройками с. Орловка, отождествлены с городом Невакетом, упоминаемым письменными источниками с VII по XI в.⁹ Ряд мелких городищ относится к рибатам и каравансараям. Материалы из раскопок хранятся в Историческом музее АН Киргизской ССР.

В 1941 году во время строительства Большого Чуйского канала за земляными работами на всей его трассе осуществлялся археологический надзор. Организованной для этого экспедицией также руководил А. Н. Бернштам. Трасса вскрыла во многих местах культурные наслоения, в том числе и слои некоторых средневековых поселений, средневековые кладбища и т. п. На большом протяжении, начиная от юго-восточной окраины Ивановки и до села Краснореченского, трассой канала во многих местах были прорезаны небольших размеров тепе, давшие материалы, начиная с VIII—X вв. и до XI—XII вв. В трудах экспедиции эти тепе считаются остатками поселений, располагавшихся на древней караванной дороге, впоследствии большей частью покинутые жителями, переселившимися в рабад города Сарыга.¹⁰ К югу от с. Ново-Покровка найден ряд предметов, принадлежащих жителям сельских поселений IX—XI вв. Сами поселения не были найдены.¹¹

¹ МИА, № 14, стр. 13 и 14.

² Там же, стр. 27, 58.

³ Там же, стр. 19, 21—22.

⁴ Там же, стр. 11.

⁵ Там же, стр. 23—24.

⁶ Там же, стр. 24, 102.

⁷ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 71; МИА, № 14, стр. 24.

⁸ Там же, стр. 25.

⁹ А. Н. Бернштам. К исторической топографии Чуйской долины. ВДИ, 2(11), 1940, стр. 193; МИА, № 14, стр. 19.

¹⁰ Там же, стр. 88.

¹¹ Там же, стр. 91.

В центре села Аламедин зарегистрировано городище размером 400×200 м. В этом районе и в черте г. Фрунзе, в районе Алма-Атинской улицы, были вскрыты остатки сельских поселений, датируемых XI—XII вв.¹

Северо-восточнее с. Ново-Павловки полностью был снесен один турткуль (68×67 м), определенный как культовое буддийское здание. В здании были найдены фрагменты глиняных раскрашенных статуй. Второй вскрытый турткуль (в 300 м к востоку) был связан с первым. Оба они датируются VIII—X вв.² и связываются с комплексом Ключевского городища. Трасса канала прорезала значительное по размерам городище, расположенное на берегу р. Сокулук. Сокулукское городище дало очень большое количество разнообразных находок, датируемых V—XII вв.³ Значительный материал собран на Александровском городище (северо-западная окраина с. Александровки), датируемом караханидским и кара-китайским временем⁴. Здесь для насыпки дамб канала, проходящего через глубокий сай, была срыта часть центральных развалин и многие бугры — развалины одиночных построек. К северу от центра с. Сталинского канал прорезал городище, называемое Беловодской крепостью и относящееся, по найденным материалам, ко времени перед монгольским нашествием⁵.

На пространстве между селами Петровкой и Полтавкой (к северу от них) зарегистрировано большое количество бугров, расположенных компактно. Они интерпретировались как остатки сельских поселений⁶. Площадь, занимаемая ими, с севера на юг 100 м и с востока на запад до 800 м. В районе с. Петровки зарегистрирован турткуль, состоящий из двух площадок.

К северу от с. Петропавловки отмечена группа холмов, также принятая за остатки сельских поселений XI—XII вв.⁷ Очень большой комплекс развалин обследован к северу от с. Калининское в районе городища Шиш-Тюбе. Весь этот комплекс считался остатками сельских поселений⁸. В 5—6 км к северо-западу от Шиш-Тюбе отмечен комплекс развалин, давший серию керамики с поливой и росписью⁹.

Огромная коллекция материалов, собранная археологическим надзором, хранится в Историческом музее АН Киргизской ССР. Специфика работ на строительстве привела к тому, что они представляют нечто среднее между случайными находками и раскопочными материалами. Но увязка их со стратиграфическими данными раскопок 1938—1940 гг. позволила создать первую периодизацию керамики поселений Чуйской долины¹⁰.

Впоследствии, до нашей разведочной поездки 1952 г., исследований этих поселений не производилось. В 1953 г. была создана трехлетняя Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция АН СССР и АН Киргизской ССР, работавшая в 1953—1955 гг. В составе этой экспедиции был создан Чуйский археологический отряд, производивший исследо-

¹ МИА, № 14, стр. 91—92.

² Там же, стр. 92.

³ Там же, стр. 93—97.

⁴ Там же, стр. 98.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 99, 102.

⁷ Там же, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 99, 102.

⁹ Там же, стр. 103.

¹⁰ Там же, стр. 71—83 и 110—141.

вательские раскопки на городище Ак-Бешим (руководитель Л. Р. Кызласов).

В 1953—1954 гг. Чуйским отрядом были произведены работы на пяти объектах городища Ак-Бешим. На шахристане изучался большой стратиграфический раскоп, прорезавший всю толщу слоев города (7,5 м) до материка. Раскоп дал богатейшую коллекцию керамических материалов от VI до X вв., хорошо датированную монетами, и позволил заключить, что верхний слой шахристана относится к IX—X вв.

В восточной пристройке к шахристану была вскрыта христианская церковь VIII в., к югу от шахристана—остатки замка VI—VII вв., а к западу—погребальный комплекс VII—VIII вв. с остатками сырцовых сооружений типа наусов. Особое значение имеют раскопки большого буддийского храма VIII в., давшие важные материалы по строительной технике, архитектуре, скульптуре и живописи (росписи).

В первый год работ Чуйского отряда Л. Р. Кызласов, опираясь на мнение А. Н. Бернштама, полагал, что Ак-Бешим является древним Баласагуном¹. Однако материалы раскопок 1953—1954 гг. и пересмотр материалов, добытых в 1938—1940 гг. А. Н. Бернштамом, позволили сделать вывод о том, что городище Ак-Бешим было населенным городом лишь в VI—X вв. (и не позже), и следовательно, не могло быть историческим Баласагуном—столицей караханидов XI—XII вв., городом, просуществовавшим, согласно письменным источникам, вплоть до XIV века².

В 1955—1957 гг. на городище продолжал (начатые в 1953—1954 гг.) работы Ак-Бешимский отряд, под руководством Л. П. Зяблина, которому за этот срок удалось раскопать объект № 6—второй буддийский храм—с южной стороны за пределами шахристана, датированный также VIII в.³

Таким образом, по средневековым поселениям Чуйской долины и до наших работ имелся уже значительный материал. Прорезаны до материковых слоев значительные площади и на центральных частях развалин (Ак-Бешим, Александровское и Сокулукское городища, Беловодская крепость) и за их пределами (Краснореченское, Ак-Бешим, Александровское, Шиш-Тюбе и Полтавское городища), а также собран в большом количестве керамический материал с других памятников. Были собраны многочисленные данные по топографии городищ; сделано описание целого ряда руин.

Однако не все еще развалины поселений были открыты (так, из шестидесяти двух городищ в литературе имелись сведения лишь о двадцати девяти) и, кроме того, большинство известных городищ было обследовано или совсем недостаточно (о некоторых из них имеются только самые краткие сообщения), или совсем не обследованы, а только отмечены.

Неполнота обследования особенно сказалась на представлениях о планировке и размерах древних городов.

В подавляющем большинстве обследованных ранее развалин поселений говорится только о центральных частях, отождествляемых с шах-

¹ Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXVI, М.—Л., 1957, стр. 88—96.

² Л. Р. Кызласов. Раскопки древнего Баласагуна. Вестник МГУ, серия общественных наук, 1953, № 11, стр. 159—160.

³ Его же. Работы Чуйского археологического отряда..., стр. 95—96.

⁴ Л. П. Зяблин. Археологические работы на Иссык-Куле и Ак-Бешимском городище в 1955 г. Рукописный фонд Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 1743.

ристаном. В некоторых комплексах упоминались рабады (Краснореченское¹, Сокулук², Александровское³), но их границы точно не определяют. Для ряда развалин рабады не выделялись (Ашпара, Ключевское, Среденское), а остатки строений, расположенных за пределами центральных развалин некоторых городищ, считаются сельскими поселениями (Шиш-Тюбе⁴, Полтавское⁵). Длинные валы, известные полностью у Ключевского городища, П. П. Иванов относил к оборонительным сооружениям домонгольского времени⁶. А такие же валы у городищ Ашпара и Кысмычи А. Н. Бернштам связывает с восстановлением городов Тимуром, готовившим промежуточные базы для своего похода на Китай⁷. Отмеченные в некоторых случаях отдельными отрезками длинные валы приняты за остатки ирригационной сети⁸.

Отдельные городища с длинными валами (Беловодская крепость) принимаются за хисны, крепости со сравнительно небольшим гарнизоном⁹, другие (Бурана) за рибаты, крепости, оборонявшие подступы к большим поселениям¹⁰.

Следует отметить еще ряд неточностей в регистрации городищ. Так, размеры восточной части центральных развалин городища Ак-Бешим, приведенные в описании, не соответствуют промерам на плане¹¹. Для южной части центральных развалин Шиш-Тюбе в одном случае приведены размеры 200 м в стороне¹², а в другом—530×540 м¹³. Южная же часть совсем не отмечена. Местоположение центральных развалин Краснореченского городища указано на правом берегу р. Чу¹⁴. В комплексе Сокулукского городища отмечена только небольшая часть центральных развалин¹⁵. В Александровских руинах приведены меньшие, чем действительные размеры центральных развалин, и неверно указано местоположение цитадели в юго-восточном углу¹⁶. В Беловодской крепости также неверно определено местоположение цитадели, форма и размеры центральных развалин¹⁷. Ошибочно указаны размеры центральных развалин Ключевского, Новороссийского и Тарсуйского городища¹⁸.

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк, стр. 74, ср. МИА, № 14, стр. 20.

² Его же. Историко-культурное прошлое..., стр. 23, 30 и 43.

³ МИА, № 14, стр. 139.

⁴ МИА, № 14, стр. 99.

⁵ Там же, стр. 25, 99 и 102.

⁶ П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Труды Института истории АН Кирг. ССР, вып. III, стр. 102—106.

⁷ А. Н. Бернштам. Культура древнего Киргизстана, Фрунзе, 1942, стр. 18. Его же. Археологический очерк... стр. 84, 102.

⁸ Его же. Историко-культурное прошлое..., стр. 25. МИА, № 14, стр. 99.

⁹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 71. Его же. Основные этапы истории культуры... СА, т. XI, 1949, стр. 376.

¹⁰ Там же, стр. 376.

¹¹ МИА, № 14, стр. 11 и табл. XVIII.

¹² Там же, стр. 24.

¹³ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 70.

¹⁴ А. Н. Бернштам. Историческая топография. Чуйской долины ВДИ, 1940, № 2, стр. 191.

¹⁵ МИА, № 14, стр. 93 и табл. IV, 6.

¹⁶ Там же, стр. 98.

¹⁷ Там же, стр. 98.

¹⁸ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 72, 77. МИА, № 14, стр. 19, 25 и табл. III, 2.

ГЛАВА II

ВОПРОСЫ ДАТИРОВКИ ПОСЕЛЕНИЙ

Датировка сохранившихся в Чуйской долине поселений по письменным источникам может быть сделана в весьма общих чертах, так как сведения о них чрезвычайно краткие и относятся к периодам, разделяющимся большими промежутками времени. Никакой преемственности между отдельными свидетельствами нет.

Одним из наиболее ранних упоминаний о поселениях в Чуйской долине является сообщение китайского паломника Сюань-Цзяна, проехавшего здесь в 630-х годах. Сюань-Цзянь не приводит названий поселений, не называет их местоположения, не сообщает никаких подробностей об их внешнем виде и внутреннем устройстве, но в его словах содержатся вместе с тем очень интересные сведения: он говорит о значительном количестве поселений и указывает, что во главе каждого из них стоят начальники независимые друг от друга, но все подвластные тюркам¹. К этому же времени относится маршрут, который приводится в «Истории династии Тан»². Для VIII в. сведений о поселениях этой области пока неизвестно. К IX в. относится дорожник арабского географа ибн-Хордадбеха,³ где дается маршрутное перечисление десяти поселений без каких-либо подробностей. В X в. аналогичные сведения встречаются в сочинении арабского чиновника Кудамы ибн-Джафара.⁴ У ряда других арабо- и персоязычных авторов IX—X вв. (ал-Хорезми, ал-Якуби, ал-Белазури и др.)⁵ упоминаются некоторые из поселений Северной Киргизии без указания их местоположения и маршрутной связи.

В конце X века очень большой список населенных мест округа Исфиджаба также без локализации приводит арабский географ Макдиси.⁶ После Кулана и Мирки он называет ряд мест, среди которых есть поселе-

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 17. Его же. О христианстве в Туркестане в домонгольский период..., стр. 3.

² Там же, стр. 4.

³ Там же, стр. 14—15; Л. З. Писаревский. Извлечения из «Китаб ал-Масалик ва-л-Мамалик» ибн-Хордадбеха. Рукопись фонда Отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 1820, стр. 7.

⁴ Его же. Извлечения из «Китаб ал-Харадж» Кудамы ибн-Джафара. Там же, стр. 12—13.

⁵ С. Воллн. Сведения арабский, персидских и тюркских источников IX—XVI вв. о долине Таласа и смежных районах. Рукопись Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, № 30, стр. 1—6.

⁶ Л. З. Писаревский. Извлечения из «Ахсан ат-таксим фир'арифат ал-акалим Абу-Абдаллаха Мухаммеда ибн-Абу-Бекра, ал-Мукаддаси (ал-Макдиси). Рукопись фонда Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, № 1820, стр. 30.

ния, упоминаемые в дорожниках ибн-Хордадбеха и Кудамы, но в этом перечне встречается и ряд новых названий. По-видимому, все это населенные пункты, находившиеся в Чуйской долине. Если для поселений Таласской долины у Макдиси есть некоторые данные о их структуре и размерах, то для поселений Чуйской долины этого нет, за исключением упоминания стены и цитадели в Харран-Джуване.

К этому же времени относится безымянная рукопись «Худуд-ал-Алем», в которой содержатся интересные сведения о племенах карлуков, а о поселениях так же, как и в сочинениях Макдиси, только упоминается.

В XI—XII вв. отрывочные сведения сообщают Гардизи, Махмуд Кашгарский, Самани, Якут и др., но они ничего не добавляют к более ранним известиям.¹

Таким образом, по письменным источникам можно составить лишь самые общие представления о хронологическом развитии оседло-земледельческих поселений Северной Киргизии. Ничего конкретного о каком-либо из них мы из этих источников извлечь не можем, тем более, что их содержание не дает оснований для убедительного отождествления древних названий с современными развалинами.

Попытки связать некоторые названия поселений письменных источников с сохранившимися городищами делались неоднократно. Впервые данные письменных источников привлек для этого В. В. Бартольд.² Особенно много было высказано мнений о местоположении Баласагуна и отождествлении его с существующими развалинами.³ Отождествление всех поселений, упоминающихся в дорожниках ибн-Хордадбеха и Кудамы, с сохранившимися городищами позднее предложил А. Н. Бернштам.⁴

Мы считаем, что этот вопрос на данной ступени изученности поселений Чуйской долины должен остаться открытым. А. Н. Бернштаму не были известны такие городища с длинными стенами, как Каиндинское, Степнинское, Тюлекское, Полтавское, Ново-Покровское, Чумышское, Грозненское. В настоящее время в пределах территории, на которой дорожники IX—X вв. называют всего 10 поселений, известно 18 больших городищ. Расстояния между некоторыми из них имеют значительные расхождения с расстояниями, указанными в маршрутных IX—X вв. Например, расстояние между городами Ашпара и Нузкет по маршруту равно 8 фарсам, или 48 км, а между развалинами, отождествляемыми с этими городищами, не превышает 30 км; расстояние между городами Харран-джуван и Джуль по маршрутникам равно 4 фарсам, или 24 км, а между городищами, которые связываются с ними даже по прямой, равно 32 км.

Часть поселений возникла позже составления маршрутников ибн-

¹ С. Волин. Сведения арабских, персидских и тюркских источников... стр. 21—28.

² В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане... стр. 16—17. Его же. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. СПб., 1894, стр. 25—39.

³ В. В. Григорьев. Караханиды в Мавераннахре. Труды ВОРАО, часть XVII, СПб., 1874, стр. 21; Н. Ф. Петровский. К статье «О христианстве в Туркестане в домонгольский период». ЗВОРАО, т. VIII, 1893—1894, СПб., 1894, стр. 150. Его же. Еще замечка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период». Там же, стр. 354—357. Его же. Башня Бурана близ Токмака. Там же, стр. 351—354. См. то же в «Туркестанских ведомостях» № 26 от 7(19) апреля 1894 г. Б. Шпряев. Мертвые города «Семь дней», 1929, № 4, стр. 134. М. Е. Массон. Краткий очерк изучения Средней Азии в археологическом отношении. Труды САГУ археология Средней Азии, новая серия, вып. LXXXI, исторические науки, кн. 12, Ташкент, 1956, стр. 23.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 69—86. Его же. Историко-культурное прошлое..., стр. 20—25; МИА, № 14, стр. 7—30.

Хордадбега и Кудамы, что подтверждается раскопочными данными. И все-таки городищ, дающих материалы VI—X вв., больше, чем названий поселений в дорожниках.

Поэтому решить с достоверностью, какие современные развалины соответствуют названиям поселений, приводимым в дорожниках IX—X вв., можно будет только после детального изучения каждого из сохранившихся городищ. В этом отношении исключение составляет городище Ашпара, географическое положение которого позволяет связывать его со средневековой Ашпарой.

Для отождествления новых названий поселений, упоминаемых впервые в списке Макдиси, с ныне существующими развалинами в настоящее время нет никаких данных. Чтобы с уверенностью делать это, в еще большей степени нужны раскопки в широких масштабах.

Таким образом, очевидно, что без привлечения археологического материала вопросы датировки поселений Чуйской долины не могут быть решены. Поэтому наши раскопочные работы на большой серии городищ преследовали цель: получить на возможно большем числе развалин поселений (до сих пор совершенно не подвергавшихся раскопочному изучению) стратиграфические разрезы и вещевые материалы для составления предварительного суждения о росте отдельных частей каждого изучаемого поселения. Шурфы закладывались на разных частях руин так, чтобы прорезать и самые мощные толщи центральных развалин и одиночные постройки в усадьбах на окраинах поселений. Из этих соображений мы отказались от выполнения более или менее значительных раскопок, предпочитая им метод исследования небольшими шурфами, площадью от 6 до 10 м². Большие раскопы явятся следующей стадией исследования, когда появится возможность перейти к стационарному изучению серии развалин.

Из городищ с длинными стенами нами произведены раскопки на следующих объектах: Каиндинском — два шурфа и два разреза валов, Шиш-Тюбе — четыре шурфа и два разреза валов, Степнинском — два шурфа и два разреза валов, Толекском — четыре шурфа и два разреза валов, Сретенском — пять шурфов, Полтавском — три шурфа, Ключевском — три шурфа и два разреза валов, Ново-Покровском — три шурфа и одна зачистка размытого вала, Бураинском — пять шурфов и три разреза стен, Краснореченском — один шурф и один разрез вала, Чумышском I — один разрез вала.

Таким образом, из 18 развалин этого типа раскопками (предшествовавших экспедиций и нашими) охвачено 15. Только три городища не подвергались раскопкам: Ашпара, Грозненское и Чумышское I (на последнем из-за больших планировочных работ совершенно не сохранилось места, где можно было бы проследить стратиграфию).

Из 28 мелких долинных поселений, до наших работ совсем не изучавшихся раскопочным путем, были обследованы тем же методом восемь: Ново-Покровское II — два шурфа, Ново-Покровское III — два шурфа, Ново-Покровское IV — один шурф, Ново-Покровское V — один шурф, Токолькошское I — один шурф, Токолькошское II — один шурф, Гавриловское — два шурфа, Милянфанское — один шурф и один разрез вала.

Из 15 поселений в ущельях (никем не изучавшихся) нами стратиграфически обследованы семь: в ущелье Шамси II — два шурфа, в ущелье Шамси III — два шурфа, близ с. Советского — два шурфа, в ущелье Кегеты — один шурф, в ущелье Сокулук — два шурфа, в ущелье Ак-Су — два шурфа, Новороссийское — четыре шурфа.

При анализе собранных автором новых материалов были учтены данные предшествующих археологических работ, в том числе результаты раскопок и строительных разрезов на 9 городищах.

На городищах Чуйской долины за всю историю их изучения выполнено свыше семидесяти разрезов культурных наслоений с очень точной фиксацией стратиграфии и находок. Наиболее важное значение в этом плане имеет большой стратиграфический раскоп Чуйского отряда на городище Ак-Бешим, работы на котором под руководством автора продолжались в течение двух сезонов (1953—1954 гг.). Культурные наслоения, достигающие 7,5 м, были прорезаны на площади 84 м². Они очень хорошо датируются временем с VI по X в. стратиграфической последовательностью и монетами, которых найдено свыше двух десятков¹. Для датировки материалов XI—XII вв. такое же значение имеет раскоп V на Краснореченском городище, площадью свыше 500 м², в котором найдено большое количество монет Арслан-хана.²

Как показали раскопки, керамика является основным и количественно преобладающим материалом, а часто и единственным критерием для датировки культурных слоев средневековых поселений. Вещи из других материалов крайне малочисленны и не всегда имеют хорошую сохранность. Наиболее надежный датирующий материал—монеты встречаются весьма редко, особенно в стратиграфических раскопах.

Керамические материалы обладают устойчивостью к разрушительным силам природы. Их массовость объясняется сравнительно простой техникой изготовления, а также повсеместным наличием природного сырья—глины. Изделия из обожженной глины представлены в нашем материале многочисленными формами посуды, столиками для еды, очажками, очажными подставками, оссуариями, светильниками, облицовочной резной терракотой, глазурованными плитами, водопроводными трубами, обожженными кирпичом, кровельной черепицей и т. д.

Все изученные городища характеризуются большой продолжительностью и непрерывностью жизни на некоторых частях и связанной с этим обстоятельством их многослойностью. Слои, накопленные в отдельные периоды, не разделялись стерильными прослойками. Мы имеем ничем не разграниченные, сплошные толщи. Больше того, присущее Средней Азии своеобразие возведения глинобитных стен построек и стен из сырцового кирпича без фундаментов позволяло возводить новые сооружения прямо на остатках предшествовавших. При таком строительстве и при различных хозяйственных работах вещевой материал, содержащийся в более ранних слоях, попадал наверх и затем включался в последующие слои. Поэтому за ведущие типы керамики для того или иного слоя брались наиболее многочисленные и наиболее поздние для него типы.

В силу перечисленных особенностей залегания стратиграфических слоев на городищах, а также еще недостаточной разработанности схемы хронологической классификации керамики Семиречья, в этой главе не могут быть определены её узкие хронологические рамки. Очень живучие производственные традиции в гончарстве обуславливают то обстоятельство, что

¹ Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. И. Шербак. Монеты из городища Ак-Бешим (Кирг. ССР). Ученые записки ИВАН СССР, вып. XVI, М.—Л., 1958, стр. 514—561;

Л. Р. Кызласов. О работе Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 88—96.

² МИА, № 14, стр. 43—46.

при характеристике керамики Чуйской долины можно пока только наметить основные этапы, совпадающие с этапами совершенствования технического производства, связанного, в свою очередь, с развитием общественных отношений.

Анализ керамики с поселений Чуйской долины проводился в сравнении с керамикой других районов Средней Азии и Казахстана (Таласская долина, среднее течение Сыр-Дарьи, Ташкентский оазис, долина Зеравшана и реже Ферганская долина). В этой связи были просмотрены собрания керамики в Музее истории АН Узбекской ССР, Центральном музее Казахской ССР, в Отделе Востока Государственного Эрмитажа и фондах ЛО ИИМК.

В основу хронологической классификации керамики положена историческая периодизация, принятая в 1-м томе «Истории Киргизии» (Фрунзе, 1956). Весь керамический материал можно распределить на следующие хронологические группы: керамика времени тюркского каганата VI—VIII вв., керамика карлукского периода VIII—X вв., керамика времени господства караханидов X—XII вв.

Керамика VI—VIII вв. Основная масса керамических изделий этого периода являлась продуктом домашнего производства и изготовлялась ручным способом. Вместе с тем известна ремесленная посуда, изготовленная как от руки, так и на гончарном круге. Она отличается высоким качеством, а также искусной орнаментацией, говорящей о том, что ее изготовлял мастер-художник с большими навыками изобавления по глине. Особо примечательны в этом отношении ручки крышек с украшениями в виде птиц, головы человека и фигурок животных. Количество посуды, изготовленной на круге, еще очень незначительно.

Преобладание лепной посуды объясняется, на наш взгляд, уровнем развития производительных сил, когда население удовлетворяло свои потребности в различных изделиях домашними способами.

Лепная керамика представлена различными формами посуды, а также рядом других бытовых предметов.

1. Котлы и котелки составляют значительную долю лепной кухонной посуды. Все они из грубо приготовленного хрупкого глиняного теста с большим количеством крупной дресвы и шамота, красновато-желтого, часто неоднородного обжига. Размеры и формы их слабо варьируют. Все они приземистые и различаются в большинстве случаев только оформлением верхней части (венчик, шейка), формой ручек и орнаментом. По перечисленным признакам можно выделить несколько групп котлов:

а) с широким сферическим туловом, по плечикам расположены горизонтальные петлеобразные ручки круглые в сечении (табл. I, 1);

б) на трех или четырех высоких конических ножках (табл. I, 2). В нашем материале сохранились только две разрозненные ножки с частью тулова. Ножки сильно закопчены. Высота ножек 21 см, диаметр 1,8—4,5 см;

в) на коротких ножках, имевших как бы «витые» надрезы (табл. I, 3);

г) котлообразные сосуды с носиком (табл. I, 4). Они круглодонные и с широким верхом, венчик резко отогнут наружу, шейка слабо выражена. Высота 15,5 см, диаметр наиболее широкой части 21 см. Носик наклеплен на плечиках, его длина 4 см, диаметр 2 см, конец носика тупой, обрезанный.

Основной орнамент на котлах—налепной жгутик с защипами и вмятинами, наложенный вдоль плечиков или неровной дугообразной линией, или углами. Единично отмечен массивный налеп в виде лепестка, а также налепы со вмятинами.

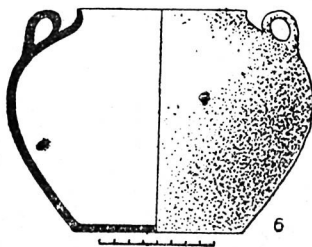
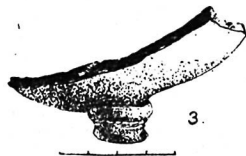
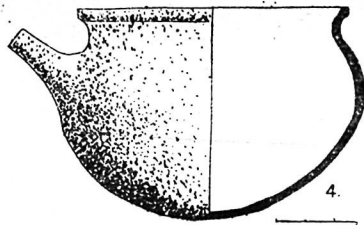
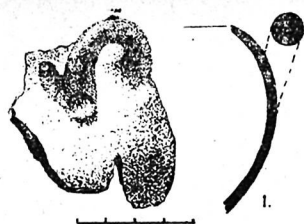

Табл. I. Лепная керамика VI—VIII вв.

В коллекциях Семиреченской археологической экспедиции есть несколько подобных сосудов, в том числе сосуды с цилиндрическим носиком на плечиках и котелок на высоких ножках. Налепной орнамент там еще богаче.¹ Орнамент налепным жгутиком с вмятинами и насечками широко известен в Южном Казахстане² и в древнем Таразе.³

2. Горшкообразные сосуды составляют одну из наиболее распространенных категорий кухонной посуды, служившей для приготовления и хранения пищи. Сделаны они из плохо промешанного глиняного теста с примесью дресвы, песка и шамота. Обжиг высокий, красновато-серый и красновато-желтый. На многих сосудах следы копоты.

Одним из очень распространенных типов являются горшки значительных размеров (табл. I, 5). Конусовидный низ их составляет основную часть тулова, переход к верхней части плавный. Последняя резко загибается внутрь, венчик выражен закруглением и утончением края посуды с помощью небольшого желобка по внешней стороне, на плечиках две горизонтальные глухие ручки в виде налепных полулуний и две имитации ручек в форме горизонтальных жгутов с пальцевыми вдавливаниями, дно плоское. Диаметр дна 20 см, горловины—14 см, тулова—32 см, высота сосуда—18 см, толщина стенок 1 см.

Второй распространенной формой были широкогорлые горшки с шаровидным туловом (табл. I, 6). Венчик утончен и имеет плавный отгиб края наружу. На плечиках две вертикальные, симметрично расположенные, петлеобразные ручки. Глина с обильной примесью песка. Тесто хрупкое, шероховатое в изломе. Диаметр тулова—20 см, венчика и дна—12 см, высота—16 см, толщина стенки 0,5 см.

Другие типы горшков, встреченные в раскопах, в общем сходные с вышеописанными, различие отмечается лишь в формах ручек и орнаменте.

Так, были еще горизонтальные глухие, полулунные ручки, в сечении имеющие вид поднятых усов, петлеобразные круглые и с нарезками под витые, петлеобразные вертикальные. Реже встречаются ручки в виде прямого налепа и прямого налепа с краями, загнутыми вверх под прямым углом. Орнамент немногочислен по своим видам. В основном это, как и на котлах, различные вмятины, но только не на жгутиках, а на ручках и венчиках. Наиболее типичны вмятины в виде четырехугольников неправильной формы и миндалевидных углублений. Встречены также круглые налепы на венчике.

Налепные глухие ручки встречаются на сосудах этого же времени в Южном Казахстане.⁴

3. Кувшины наряду с горшкообразными сосудами являются одной из самых распространенных категорий посуды. Они служили в основном для переноски и хранения воды, запасов жидких продуктов и возможно сыпучих тел. Их характеризует наличие высокой узкой горловины и вертикальной коленчатой ручки, идущей от венчика к плечикам. Формы туловища стабильны, а горловин и ручек сильно варьируют.

¹ МИА, № 14, стр. 120, табл. LXXIX, рис. 1 и 2.

² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, том V, Алма-Ата, 1958, стр. 171.

³ Таласская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. Рукопись Института истории археологии и этнографии АН Каз. ССР, инв. №—320, стр. 184—189, 191—194.

⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... стр. 172—173, рис. 90.

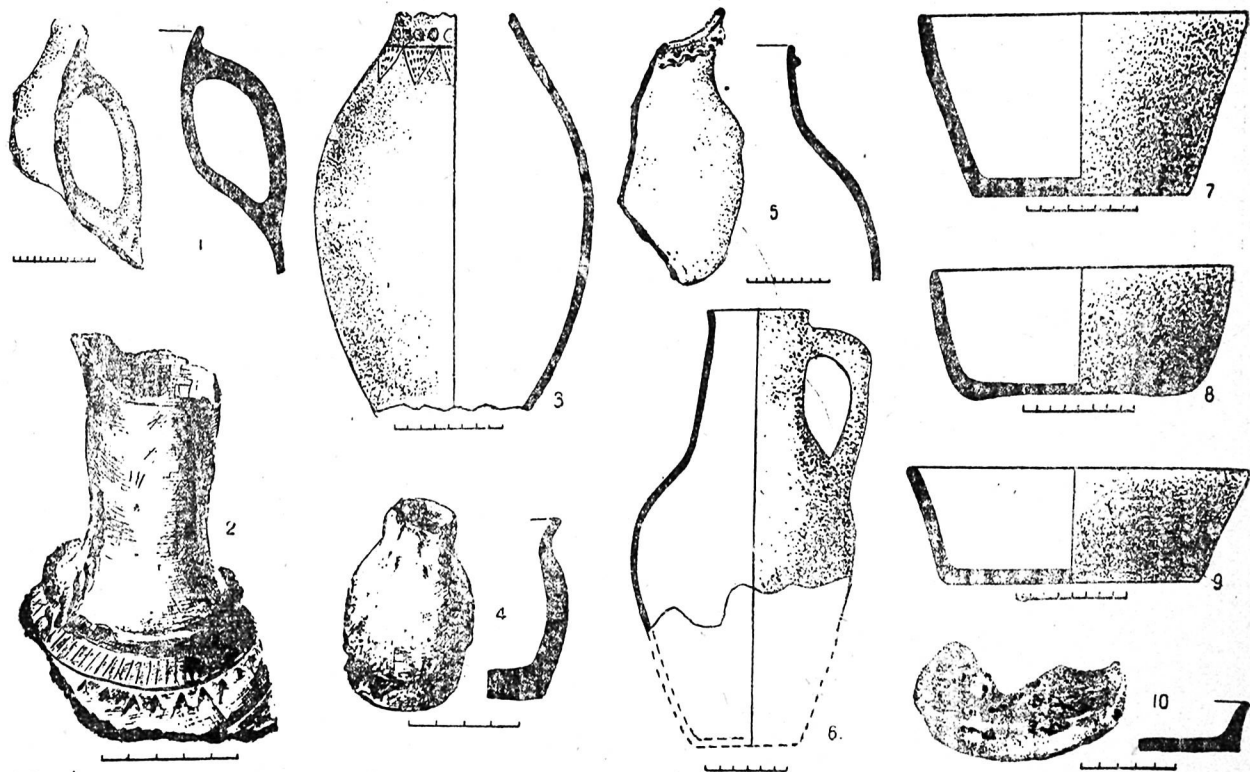

Табл. II. Лепная керамика VI—VIII вв.

Наиболее характерны для наших раскопок следующие формы: очень большой кувшин с высокой горловиной и коленчатой ручкой (табл. II, 1) (Сретенское городище) от него сохранилась горловина с ручкой и часть плечиков. Лепка грубая, тесто с примесью дресвы. Высота горловины—20 см, диаметр—14 см, диаметр тулова около 32 см, общую высоту восстановить трудно.

На Ключевском городище найдена горловина диаметром 6—8 см с частью тулова кувшина диаметром 14 см (табл. II, 2). Горловина слегка расширяется кверху. На краю желобчатый слив, у венчика след отбитой вертикальной ручки. На линии слива вниз по горловине до плечиков спускается треугольный в сечении налп с косыми насечками по обеим сторонам. Нижний конец вертикального налпа соединяется с таким же, но более высоким и без насечек расположенным вокруг по плечикам. Под ним идет полоса косых насечек, также опоясывающая сосуд, затем узкий желобок, а еще ниже поясok из вдавлений угольником. Под пояском видны следы процарапанного криволинейного орнамента. Остальная часть сосуда не сохранилась.

По технике изготовления столь же архаичен кувшин из Каиндинского городища (табл. II, 3). Он отличается большими размерами: диаметр тулова 21 см, высота свыше 25 см, обжиг сосуда неравномерный, отчего сверху образовалась красная прослойка, а внутри серая. По внешней поверхности плотный кремевый ангоб, по плечикам — орнамент из вдавленных кружков, заключенных между двух желобков. К нижнему желобку примыкает поясok из треугольников, опущенных вниз вершинами. Внутреннее пространство треугольников заполнено клиновидными углублениями. Аналогии описанным кувшинам есть в коллекциях Семиреченской экспедиции¹ и в материалах из Тали-Барзу.²

К этой группе изделий относятся миниатюрные глиняные сосудики, широко распространенные как в курганных погребениях кочевников, так и в оседлых поселениях. В наших раскопках встречена серия таких изделий. На городище Ключевском найден маленький небрежной лепки кувшинчик из глиняного теста с известковой примесью (табл. II, 4). Донце у него несколько закругленное. Венчик в виде валика выражен утончением и отгибом края наружу. Диаметр горловины — 3 см, тулова — 5 см, поддона—4 см, высота сосуда—5,5 см, толщина стенки—0,8—1 см.

Еще больше таких сосудов известно в коллекциях Семиреченской экспедиции. А. Н. Бернштам относит эти сосуды к культовым предметам и детским игрушкам³.

4. Чаши встречаются довольно часто; они служили столовой посудой и использовались для приема пищи. В основном это высокие чаши больших диаметров, значительно разнящиеся по формам. Тесто с примесями шамота, дресвы и песка. Чаша с Каиндинского городища (табл. II, 7) с наклонными прямыми стенками, без венчика — стенка кончается плоским срезом. Диаметр по верху — 24 см, диаметр дна — 16 см, высота чаши—10,5 см.

Чаша из Сретенского городища имеет крутые, слегка загнутые во внутрь стенки с утончающимся краем (табл. II, 8). Диаметр у края — 22 см, у дна — 18 см, высота — 8,2 см, толщина стенки — 0,5—

¹ МИА, № 14, стр. 121, табл. LXIV, 6, табл. LXIX, 4 и др.

² Отдел Востока Гос. Эрмитажа. Инв. СА 7280.

³ МИА, № 14, стр. 128, табл. LXVIII.

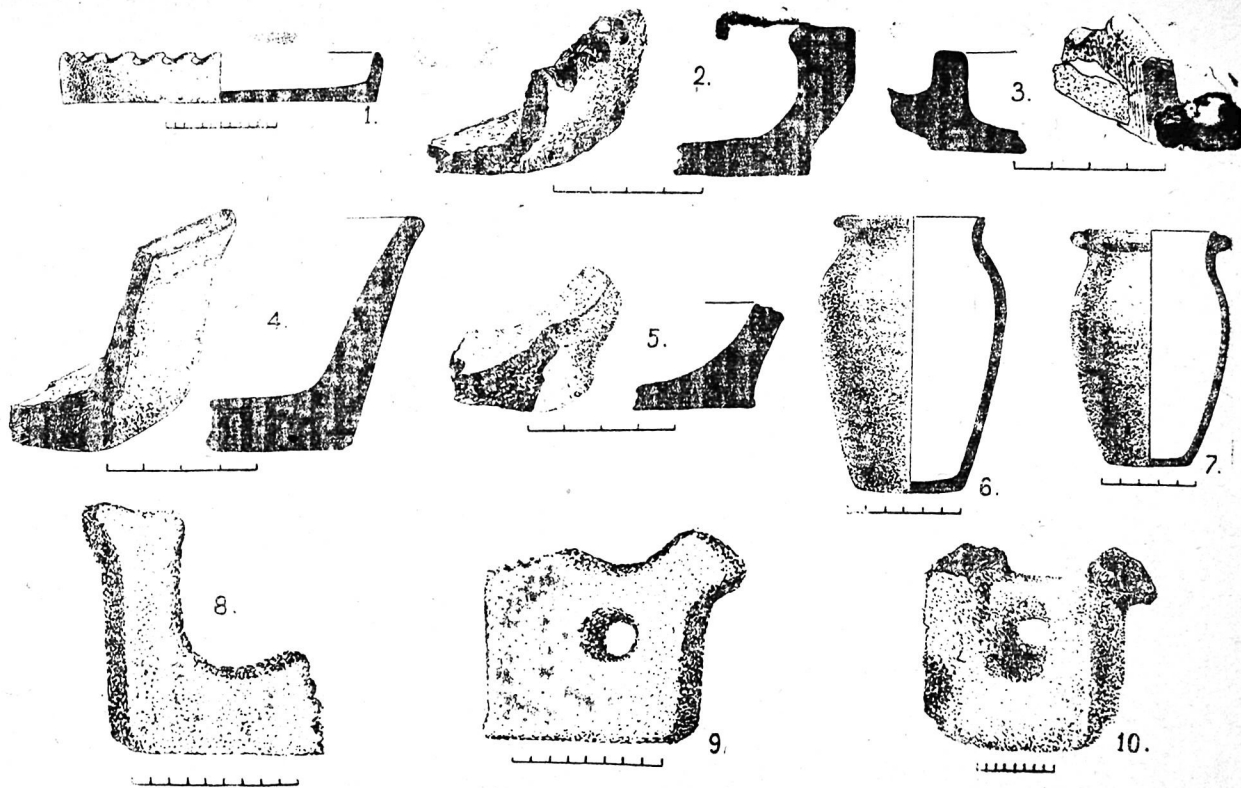

Табл. III. Лепная керамика VI—VIII вв.

0,9 см. У второй чаши с этого же городища (табл. II, 9) стенки более пологие и выгнуты наружу. Край закруглен. Диаметр у края—36 см, дна—30 см, высота—10,5 см.

5. Жаровни-сковороды (табл. III, 1, 2, 3, 4, 5) использовались в хозяйстве многообразно. Возможно, что они служили как сковородки, но обнаружение копти с внутренней стороны на некоторых экземплярах говорит о том, что они употреблялись для хранения тлеющих углей. Сделаны жаровни-сковороды обычно из теста серого, реже красновато-серого обжига с очень большим количеством крупной дресвы или других примесей. Это обычно большого диаметра сосуда с низкими бортиками — краями. Дно часто бывает тонким, а закраина — толстой. Разнятся они величиною диаметров (от 20 до 40 см), а также величиной и формой бортиков, которые бывают прямыми (с закругленным краем), плавно отогнутыми наружу или слегка загибающимися внутрь, а также поставленными под углом по отношению к дну, кроме того есть прямые у основания и отогнутые, или загнутые вверх. Высота бортиков колеблется от 2 до 5 см. Некоторые сковородки имеют плоские наклепные ручки и очень редко петлеобразные. Наши жаровни аналогичны таким же сосудам из раскопок на Ак-Тепе под Ташкентом¹, и из поселений Южного Казахстана².

6. Сосуды баночной формы. Известно всего несколько целых форм. Это сосуды значительных размеров, со стенками слабой кривизны. Диаметр головы больше диаметра дна. Приведем описание двух форм из городища Ак-Бешим. Один из желто-серой глины с вытянутым туловом (табл. III, 6). Венчик утолщен, шейка невысокая, плавно переходящая в тулово. Венчик имеет по краю четыре симметрично расположенных выступа прямоугольной формы. Второй сосуд меньше по размерам (табл. III, 7). Тулово его еще больше приближается к баночной форме и имеет крутые плечики, разница размеров дна и тулова незначительна, шейка невысокая, венчик прямой. По краю вертикальные вдавленные линии. Такой же сосуд с массивной вертикальной петлеобразной ручкой найден нами на Сретенском городище диаметром 7 см, сохранившаяся высота—12 см.

7. Мелкие небольшие плошки составляют малочисленную группу посуды. Целых форм несколько. Одна плошка из Сретенского городища (табл. II, 10) с слегка отгибающимися низкими стенками. Диаметр ее 10 см, высота 1,8 см.

8. Крышки для кухонной посуды встречаются часто и носят на себе следы копти на нижней плоскости. В литературе высказано мнение, что эти крышки являлись принадлежностью зароастрийского культа и связаны с ритуалом поддержания неугасимого огня.³ Такое назначение крышек не исключено, но оно не было основным, за это говорит массовое распространение, а также характер расположения копти на нижней поверхности значительного количества их. Крышками закрывались различных размеров сосуда во время приготовления пищи на открытых кострах. Копоть при этом покрывала только выступающие за горловину сосуда края крышки, а остальная поверхность ее не имеет.

Для рассматриваемого периода характерны крышки, изготовленные из грубого теста с примесями, отличающиеся небрежной лепкой, несиммет-

¹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 117.

² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана..., стр. 173.

³ МИА, № 14, стр. 115—116, табл. LVII—LIX.

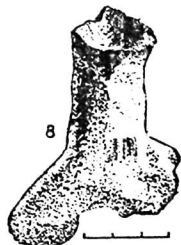
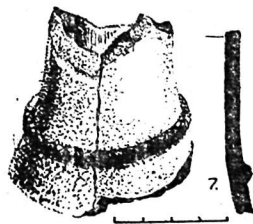
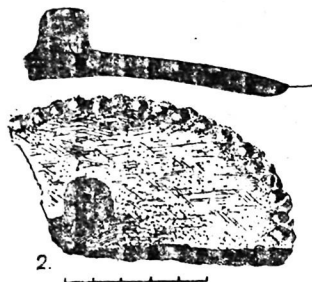
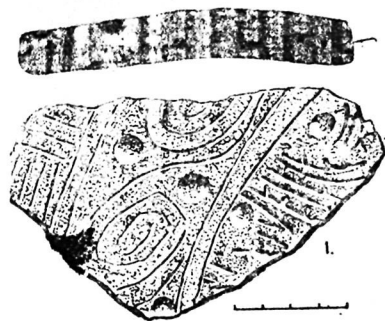

Табл. IV. Лепная керамика VI—VIII вв.

ричностью дисков и примитивностью нанесения орнамента, состоящего из процарапанных кривых линий, покрывающих всю поверхность и вмятин пальцами по краю и около ручки.

Крышка из Каиндинского городища (табл. IV, 1) конической формы, из глиняного теста с примесью крупного песка неровного обжига (диаметр 2,5 см, толщина 1,5 см). На внешней поверхности процарапан орнамент в несколько поясков. Вдоль края пучки прямых штрихов, идущих вдоль и поперек, от остального поля их отделяют две узкие концентрические бороздки, ближе к центру—пояс из волнообразных кривых, составляющих как бы «восьмерку», между ними овальные вмятины. Далее идут две концентрические бороздки и следующий пояс из тонких кривых и прямых бороздок с короткими насечками в обе стороны под «елочку». Между ними такие же, как во втором поясе, вмятины. Ручки, расположенные в центре диска, имеют форму петли, стерженька или изогнутого налепа (табл. IV, 2). Отдельную группу составляют зооморфные ручки (табл. IV, 3, 4, 5) в виде схематизированных головок животных, на которых видны острая или подквадратная мордочка с глазами в виде круглых налепов и торчащими ушами, а также схематизированных изображений птиц с глазами в виде налепов.

Ближние аналогии нашим крышкам мы находим в керамике VI—VIII вв. Южного Казахстана.¹

9. Сосуды, поверхность которых покрыта густым красным ангобом, а затем затерта или залощена, выделяются в особую группу, формы их разнообразны. На некоторых экземплярах это покрытие настолько плотно, что по внешнему виду напоминает лак.

В Согде лощеная керамика известна с более раннего времени. Считается, что она прекратила свое существование со времени арабского завоевания². Для Семиречья А. Н. Бернштам отмечал существование согдийских форм и в карлукское время.³

В Южном Казахстане подобная посуда отмечена начиная с первых веков н. э. и до VIII—X вв.⁴ Характерна она и для городищ Таласской долины.⁵

Стратиграфия находок этой керамики позволяет нам относить верхнюю границу ее вплоть до XI в. Например, на городище Шиш-Тюбе сосуды с красным лощением в ряде случаев встречены в верхних слоях вместе с поливной караханидской керамикой. Это по преимуществу изящно оформленные экземпляры парадной посуды.

Большинство сосудов с лощением из коллекций Семиреченской экспедиции опубликовано.⁶ Наши раскопки дали небольшое количество фрагментов и несколько неполностью сохранившихся сосудов, о форме которых все же можно говорить с достоверностью.

а) горловины кувшина со следами отбитой вертикальной ручки (табл. IV, 6). Горловина раструбом в оба конца, ручка начинается несколько ниже венчика. Венчик выражен утолщением края в обе стороны и овальным выступом по верхней плоскости. По средней части горловины три концентрических желобка;

¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана..., стр. 174—175, рис. 92.

² М. Н. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Труды АН Узбекской ССР, Термская археологическая экспедиция, т. 2, Ташкент, 1945, стр. 41.

³ МИА, № 14, стр. 120.

⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана..., стр. 169, 171, 178.

⁵ Таласская долина..., стр. 192.

⁶ МИА, № 14, стр. 119—123, табл. LX; LXIV—LXVI.

б) часть горловины сосуда с большим раструбом внизу (табл. IV, 7) из рыхлого теста с дресвой. По плечикам—налепной жгут с насечками крест-накрест. Диаметр горловины 5—8 см, толщина стенки 0,5 см;

в) боковина сосуда из глиняного теста кремового цвета без примесей, с гофрированной поверхностью. Светло-серый ангоб с лощением. Видны 4 гофры, составляющие одну треть окружности сосуда;

г) узкогорлый кувшин, хорошо профилированный. Сохранился только верх горловины диаметром 4 см, толщиной стенки 0,5 см. На верхней поверхности имеется толстый слой плотного красного ангоба, отстающего корочкой.

10. Небольшую группу составляют подставки под вертел или под сосуда при приготовлении пищи в открытых очагах. В наших коллекциях есть несколько типов глиняных подставок. Наиболее распространенные среди них—в форме перевернутой буквы «Г» (табл. III, 8). Сосуд или вертел, возможно, опирался на ту или другую сторону, в зависимости от необходимости. Такие подставки очень устойчивы. В сечении они имеют размер 9×5 см и высоту до 13 см. Интересны подставки, основание которых составляет массивный четырехугольник сечением 10×6 см, а верхняя часть оформлена в виде фигурки животного (табл. III, 9, 10) от них сохранились только головка без какой-либо проработки деталей, хвостовые же части отбиты (высота подставки 11 см). Для удобства пользования в центре их сделаны круглые отверстия.

Очажные подставки в Средней Азии и Казахстане отмечаются с очень раннего времени и встречаются до VI—VIII вв.¹

11. Глиняные светильники были необходимой принадлежностью быта жителей поселений. Освещение ими производилось с помощью животного жира и опущенного в него фитиля. В ранее собранных коллекциях светильников много. Значительная часть их относилась к предметам, связанным с зороастрийским ритуалом поддержания неугасимого огня.² То обстоятельство, что мы для этого периода не знаем других форм светильников, которые можно было бы отождествить с бытовыми, заставляет считать, что ритуал поддержания неугасимого огня был не единственным их назначением, скорее всего они применялись и в повседневном быту.

Наши стратиграфические раскопки дали всего несколько экземпляров светильников:

а) цилиндрическая подставка на трех ножках и часть резервуара светильника (табл. IV, 8). Высота подставки с ножками 8,5 см, без ножек — 3,5 см, резервуар, вероятно, был чашеобразный;

б) небольшой чашеобразный резервуар, плавно переходящий в массивную круглую ножку (табл. IV, 9). Диаметр резервуара 6,3 см, высота сохранившейся части—4 см. На ножке под резервуаром орнаментальный налп в виде трехлистника.

Довольно близкое сходство с нашими светильниками имеют светильники из Пенджикента.³

12. Хумы встречены только в очень мелких фрагментах. Поэтому о форме их можно говорить предположительно, но некоторые детали обри-

¹ Г. В. Григорьев. Каучи-Тепе, Ташкент, 1940, стр. 23, стр. 27—28, стр. 24, рис. 29—30. Его же. Келесская степь в археологическом отношении. «Изв. АН Каз. ССР», серия археологическая, вып. 1, 1948, № 46, стр. 72, табл. XI, рис. 85., Е. И. Агеева; Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана..., стр. 167, рис. 86, стр. 176, рис. 97.

² МИА, № 14, стр. 118—119, табл. LV, LVI.

³ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента. МИА, № 37, стр. 141—142, рис. 10.

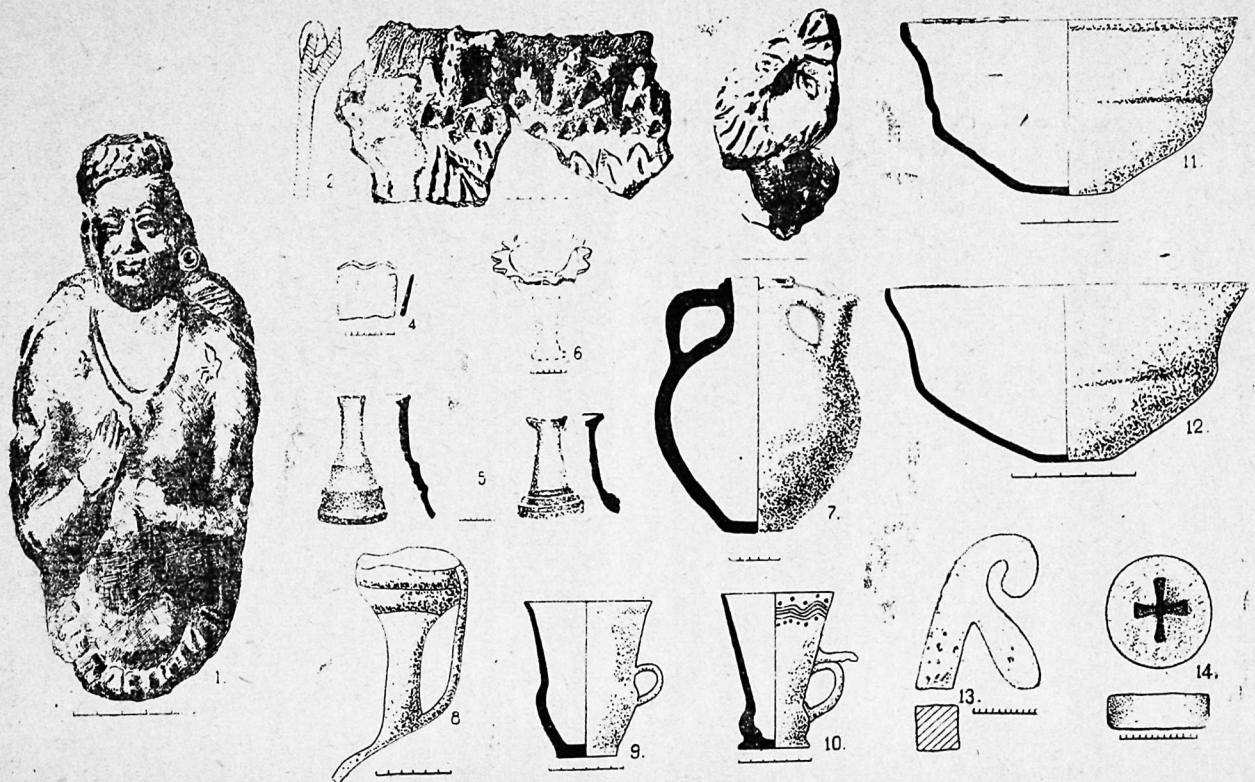

Табл. V. Керамика VI—VIII вв. 1—3—части оссуариев; 4—12—станковая керамика; 13—14—архитектурные кирпичи.

совываются довольно ясно. Днища плоские и небольших размеров (15—20 см в диаметре). Тулова были двух форм: широкие яйцевидные и вытянутые. Шеек у хумов нет. Горловины широкие, образованные резким выгибом стенки наружу. Венчики массивные, в виде утолщенного валика, но есть и хорошо профилированные квадратные в сечении или миндалевидные с врезными желобками по внешней стороне. Хумы хорошего обжига, но ввиду значительной толщины стенок их остались серые непрокаленные прослойки. Тесто приготавливалось довольно тщательно, в нем отмечены только незначительные естественные примеси. Лепились хумы по частям: низ, две части тулова и горловина.

13. Оссуарии составляют интересную категорию лепных керамических изделий VI—VIII вв. Служили они для погребения костей умерших. В наших материалах есть два образца оссуариев, до сих пор не встречавшихся в Северной Киргизии. Они происходят из восточных окрестностей Краснореченского городища.

а) Часть овальной формы оссуария с глубоким врезным орнаментом из широких желобков, расположенных по три вместе и, вытянутых замкнутых овалов, разделенных желобками по длинной оси на части. Оставшаяся между желобками площадь покрыта мелкими насечками.

Но наиболее примечательно украшение этого оссуария уникальным налепом в виде поясного изображения женской фигуры (табл. V, 1). Изображение оттиснуто штампом по частям. Ясно заметно, что голова примазывалась к телу. Возможно, что и руки ниже локтя оттискивались отдельно, об этом говорят следы приклеивания жидкой глиной и значительный отрыв правой руки от туловища. На голове фигурки высокий тюрбанобразный убор из материи, концы которого ниспадают на спину и плечи, в левом ухе большая спиралевидная серьга, тело обнажено, на шее ромбовидный медальон. На обоих плечах маленькие стилизованные веточки какого-то растения. Левая выпуклая грудь открыта, правая прикрыта ладонью правой руки. Левая рука с полуподжатыми пальцами лежит на верхней области живота. Ниже пояса фигурка окаймлена овальным бортиком, с поперечными неглубокими вмятинами.

Оссуарии с изображением человеческих фигур известны в Чуйской долине¹, на городище древнего Тараза² и в Мавераннахре³.

б) От второго оссуария (табл. V, 2) сохранился верхний боковой край. Его поверхность была покрыта процарапанным орнаментом и налепными украшениями. Вдоль края оссуария идут длинные насечки. Ниже пояса насечек под углом к стенке расположен налепной зубчатый бордюр. Зубья трапецевидной формы—узкие и более широкие чередуются через один. Часть узких зубьев сделана уступчатыми по типу «сасанидских городков» за счет мелких вырезов. На широких же зубьях были наклеплены стилизованные фигурки животных (собаки?), головки и хвосты у которых не сохранились. На нашем фрагменте оссуария есть две фигурки и явный след третьей. Тела животных покрыты штрихами, имитирующими шерсть. Фигурки наклеплены так, что обе левые конечности видны, а обе правые находятся между налепным зубчатым бордюром и стенкой оссуария.

С этого же кладбища оссуарных захоронений нами собрано еще несколько оссуариев с орнаментом в виде стилизованных растительных мо-

¹ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ИРАИМК, т. II, М.—Л., 1922, стр. 18—19.

² Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, 69, стр. 103—104.

³ А. А. Потопов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, 1938, № 2, стр. 127—137. А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на Бианайманских оссуариях. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 39—41.

тивов, совершенно аналогичных орнаментам на оссуариях из раскопок Семиреченской экспедиции¹ и Чуйского археологического отряда на Ак-Бешиме.² Это сходство определяет их датировку. По-видимому, к оссуарию следует отнести ручку с городища Шиш-Тюбе, у которой наверху в виде схематизированного лица человека (таб. V, 3). Контуры лица даны в форме ромбовидной фигуры. Нос прямой, длинный, выступающий. Глаза большие миндалевидные, со зрачками, изображенными вдавлениями, таким же вдавлением изображен рот. Усы, борода и волосы на лбу изображены редкими короткими штрихами. Близкую аналогию описанной ручке крышки оссуария представляют ручки оссуариев VIII—IX вв. с городища древнего Тараза³ и крышка оссуария с мужской головой из Самарканда⁴.

Венчания крышек оссуариев в иной манере (человеческими фигурами известны для античного времени Хорезма).⁵

14. Особого упоминания заслуживает часть ножки какого-то изделия (табл. IV, 10). Ножка круглая в сечении, но с ребристым налетом, украшенным вдавленными кружками диаметром 0,7 см, со стерженьком в центре. Этот налет сверху заканчивается двумя расположенными друг над другом круглыми резервуарчиками глубиной 1,5—1,7 см, диаметром 3,5 и 5 см. Края резервуарчиков плоские с мелкими вдавленными кружками. По сторонам под резервуарчиками помещено два налета. Один в виде прорезанного жгута, изогнутого под углом, второй представляет сильно схематизированное изображение зайца. Более ясно изображены голова, уши. Все тулово представлено в виде разветвляющегося жгута, прорезанного бороздкой. Длина его 8 см, ширина—0,7—1,0 см.

Станковая посуда в слоях VI—VIII вв. изготовлена из теста с применением подсыпки из песка и отличается лучшим качеством глиняного теста, плотностью черепка, высоким равномерным обжигом, меньшим количеством примесей. Фрагментарность находок в наших раскопках не дает возможности определить достаточно полно технику изготовления гончарной посуды.

Количество гончарной посуды меньше, чем лепной, большинство повторяет формы лепной керамики. В рассматриваемый период гончарная посуда находится в стадии становления. Поэтому, чтобы не повторяться при описании, характеристику ей мы дадим в следующем хронологическом периоде, где ее значительно больше. Здесь же упомянем наиболее распространенные формы, которые встречаются только в слоях VI—VIII вв.

1. Миски с волнистым краем (городище Ак-Бешим, стратиграфический район, табл. V, 4). Полностью формы и размеры их не могут быть восстановлены из-за фрагментарности находок. Нижняя часть тулова коническая, с прямыми стенками. Края мисок изогнуты несколькими изгибами, так что в плане получается шестилепестковая розетка. Полные аналоги этим мискам имеются в коллекциях из Пенджикента, где они датируются VI—VIII вв.⁶

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 57—59, табл. IV—V; МИА, № 14, стр. 110—111, табл. XIV.

² Л. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, № 3, 1938, стр. 155—159.

³ Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, 69, стр. 103—107, рис. 38 и 40; История Казахской ССР, т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 104—105.

⁴ Записки Вост. отд. РАО, XXIII, вып. 1, табл. VI, рис. 2.

⁵ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской экспедиции СЭ, 1957 г. № 4, стр. 51.

⁶ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента, стр. 139, рис. 6.

2. Кубки на высоких ножках (табл. V, 5) с того же городища. Сохранились полностью ножки, резервуары же только в нижних своих частях. Ножки кубков цилиндрические, полые, с конической или круглой подставкой внизу. Некоторые подставки ножек имеют уступчатую поверхность, большинство же гладкую.

3. Вазы также найдены только во фрагментах. Венчики у них утолщенные и оттянутые либо наружу, либо внутрь. Тулово резервуаров шаровидное. На одном фрагменте край резервуара вырезан зубцами. Судя по сохранившимся частям, вазы были на ножках (табл. V, 6).

4. Кувшины встречаются довольно редко. Они двух форм. Первые (табл. V, 7) имеют округлое тулово, невысокое широкое горло и вертикальную коленчатую ручку, идущую от венчика до плечиков. На противоположной ручке стороне находится носик, поднимающийся кверху, до уровня горловины. Носик заканчивается раструбом, резко сдвоенным с боков и внутренним краем прикрепленным к горловине. Близкие формы кувшинов известны в замке Ак-Тепе под Ташкентом,¹ в Пенджикенте,² Тали-Барзу,³ Мунчак-Тепе,⁴ Кафыр-Кале.⁵

Кувшины второй формы (табл. V, 8), характеризуются разными размерами горловин, имеющих оттянутые сливы, и вертикальными коленчатыми ручками от венчика к плечикам. Очень близкие аналоги этим кувшинам есть в согдийских городищах Пенджикенте⁶, Тали-Барзу⁷ и Кафыр-Кале,⁸ а также в замке Ак-Тепе под Ташкентом⁹ и на городище древнего Тараза.¹⁰

5. Кружки также встречаются редко (табл. V, 9, 10). Они имеют небольшой выпуклый корпус и высокий раструбом кверху бортик, стенки которого прямые, венчик выражен слабым отгибом закругленного края наружу. На грани корпуса и бортика расположена небольшая петлеобразная ручка, с листовидным упором для большого пальца. Аналогии нашим кружкам известны в V слое древнего Тараза.¹¹

Бытует второй тип кружек, известный во фрагментах, имеющих высокий цилиндрический бортик. На корпусе одна петлеобразная вертикальная ручка, плоская в сечении.

6. Чаши во фрагментах найдены в значительном количестве. На городище Ак-Бешим встречено несколько целых форм (табл. V, 11, 12). Сделаны из хорошо отмученного теста, без примеси, с тонкими стенками. Узкое плоское дно, сложного профиля тулова, без венчика. Диаметр по верху 13—15 см, дна — 3—4 см, высота 6—7 см, толщина стенки 0,3—0,4 см.

7. Фигурные обожженные кирпичи круглые с крестовидным углубле-

¹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии, т. I, Ташкент, 1948, стр. 113.

² И. Б. Бенгониш. Керамика Пенджикента, МИА, № 37, стр. 137—138.

³ Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, инв. СА 5975, СА 6032, СА 7445.

⁴ Там же, инв. СА 7910.

⁵ Там же, инв. СА 7333.

⁶ Фонды ЛОИИМК, $\frac{ТС-П-52}{П-244}$; $\frac{ТС-П-52}{П-185}$.

⁷ Гос. Эрмитаж, инв. СА 7225.

⁸ Там же, инв. СА 5833.

⁹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента..., стр. 113. Его же. Согд и Чач КСИИМК, XXXIII, рис. XXI, 8.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, табл. между стр. 32—33; Таласская долина... стр. 175—182.

¹¹ Там же.

нием, зубчатые в пять уступов и в форме перевернутой буквы «У» (табл. V, 13, 14) встречены только на городище Ак-Бешим¹.

Совершенно аналогичные кирпичи были найдены М. Е. Массоном на городище древнего Тараза² и А. И. Тереножкиным в замке Ак-Тепе близ Ташкента.³ Они употреблялись в качестве архитектурных украшений монументальных сооружений.⁴

Керамика VIII—X вв. Время господства в Семиречье карлуков характеризуется дальнейшим развитием оседло-земледельческих поселений. Уже в IX в. ибн-Хордадбех отмечает целую серию больших поселений в Чуйской долине. Эти же сведения повторяются у автора начала X в. Кудамы. В других источниках неоднократно встречаются упоминания о городах карлуков, об оживленном торговом караванном пути, проходившем через эти города. Обусловленное дальнейшим ростом феодальных отношений развитие городов и других оседлых поселений в среде кочевников-карлуков и прочих тюркоязычных племен, предполагает наличие широкого обмена между оседло-земледельческим населением и кочевниками, а также между сельскими и городскими поселениями.

Процесс роста производительных сил вел к последовательному отделению ремесла от сельского хозяйства, что отразилось и на гончарном производстве, где мы сталкиваемся с явлениями стандартизации форм, порожденными необходимостью серийного производства, для продажи. Количество станковой посуды по сравнению с предыдущим периодом значительно увеличивается. На большинстве объектов заметно ее преобладание. Однако в рассматриваемый период лепная керамика встречается еще в значительных количествах. Часть ее, как и в VI—VIII вв., являлась, очевидно, изделиями ремесленного производства.

В этот период в Чуйской долине появляется первая поливная керамика, с тусклой поташной поливой невысокого качества.

Лепная керамика. В серии лепной керамики продолжают традиции предшествующего времени: техника изготовления, фактура черепка остаются прежние, но число форм и сфера ее применения сокращаются. Сохраняются формы, употреблявшиеся для приготовления и хранения пищи. Остальная посуда в большинстве заменяется станковой. Однако и в карлукский период, и в последующий, караханидский, лепная керамика в Чуйской долине, не была совсем вытеснена гончарной.

В карлукский период высшего расцвета достигает украшение некоторых видов керамических изделий врезным орнаментом. Подобные явления отмечаются в керамике низовьев Сыр-Дарьи.⁵ Получает распространение орнамент штампом.

Из лепной керамики мы считаем необходимым отметить несколько видов изделий, получивших в этот период наибольшее распространение. Многочисленность, а также высокое качество изготовления позволяют некоторые из них считать ремесленной продукцией.

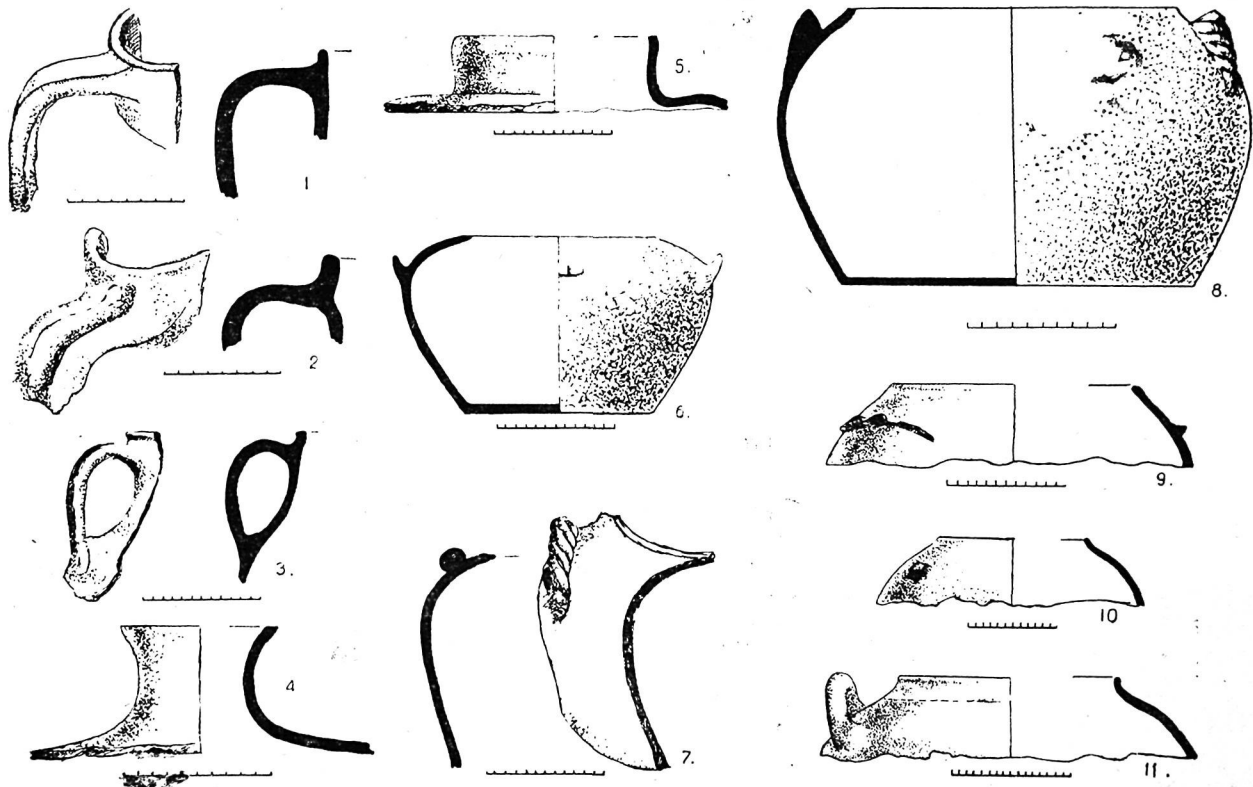
¹ Л. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VIII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, № 3, стр. 152—161.

² М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбаз Манаса, М., 1950, стр. 109—110.

³ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1948, стр. 130. Его же. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, рис. 69, XXI, 18, 19, 20 и 71—6.

⁴ В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР, вып. 8, М., 1947, рис. 6.

⁵ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 68—69, рис. 13.

Габл. VI. Лепная керамика VIII—X вв.

1. Кувшины делятся на две формы:

а) с узкой высокой горловиной и наклепной вертикальной ручкой, идущей от венчика к плечикам. Ручки в сечении овальные по внешней стороне имеют одну или две широких бороздки, сделанные пальцем (с городищ у с. Советского и в ущелье Шамси, табл. VI, 1, 2, 3). Форма тулова полностью не прослежена. Подобные кувшины часто встречаются в станковой керамике этого периода;

б) с низкой и более широкой горловиной (с городища Шамси, табл. VI, 4, 5). Форма тулова полностью не прослеживается, она, по-видимому, была шаровидной. Ручек нет.

2. Горшкообразные сосуды также двух типов. Численно преобладают открытые горшки с вытянутым туловом и плавно загибающейся верхней частью, венчик скошен. На одном горшке из Сретенского городища (табл. VI, 6) имелись две глухие полулунные ручки. Диаметр 29 см, высота 18 см. На других горшках—глухие наклепные ручки иногда с нарезками подбитые, с пальцевыми вмятинами и насечками (табл. VI, 7, 8).

Другого типа горшкообразные сосуды имеют шаровидное тулово. На плечиках такие же глухие наклепные ручки, или горизонтальные петлеобразные.

3. Крышки для сосудов отличаются от крышек VI—VIII вв. богатым более совершенным орнаментом и оформлением ручек. Формы их выпуклые, полусферические, конические, в виде плоских дисков, а также с «ломанной» поверхностью. Верхняя плоскость крышек в подавляющем большинстве очень густо украшена врезным, процарапанным и вдавленным орнаментом геометрического и стилизованно-растительного характера.

Наиболее эффектен глубокий врезной орнамент, наносившийся специальным резцом и рукой опытного мастера. На крышке из Чумышского I городища (табл. VII, 1) орнамент состоит из различного характера кривых и овальных углублений, нанесенных резцом, и вмятин, сделанных стержнем и пальцами. На крышке из Ново-Покровского IV городища вся поверхность покрыта кривыми широкими углублениями, выполненными резцом и только по краю сделаны вмятины пальцами (табл. VII, 2). На крышках из городища Шиш-Тюбе и др. (табл. VII, 3, 4, 5) процарапан орнамент в виде концентрических канелюр, заполняющих все поле, или в виде острых врезных углов, незамкнутых овалов и кривых. Встречено своеобразное оформление края в виде закругленных зубцов и извилистой кривой линии.

Чрезвычайным разнообразием характеризуются ручки крышек (табл. VII, 6, 7, 8, 9, 10, 11). В основе подавляющего большинства их лежат невысокие цилиндрические стерженьки, которые заканчиваются самыми различными навершиями. Гораздо меньшая часть имеет ручки в виде фигурок животных или птиц. Подробного описания заслуживает одна ручка из городища Шиш-Тюбе (табл. VII, 11). Она увенчана весьма реалистично выполненной фигуркой птички, по всей вероятности, жаворонка. Птичка сидит с распушенными крыльями и поднятым кверху хвостом, головка ее высоко поднята, а перья изображены мелкими штрихами.

На цилиндрических основаниях крышек отмечены навершия в виде асимметричной восьмилепестковой розетки, с наклепными кружками на лепестках; четырехлепестковой розетки; в виде трех пятиугольных лопастей; двух лопастей со срезанными углами в виде чашечки (диаметром 5 см) с шаровидным навершием, на котором расположено 18 маленьких конусовидных выступов; с гладким шаровидным навершием, с навершием из пя-

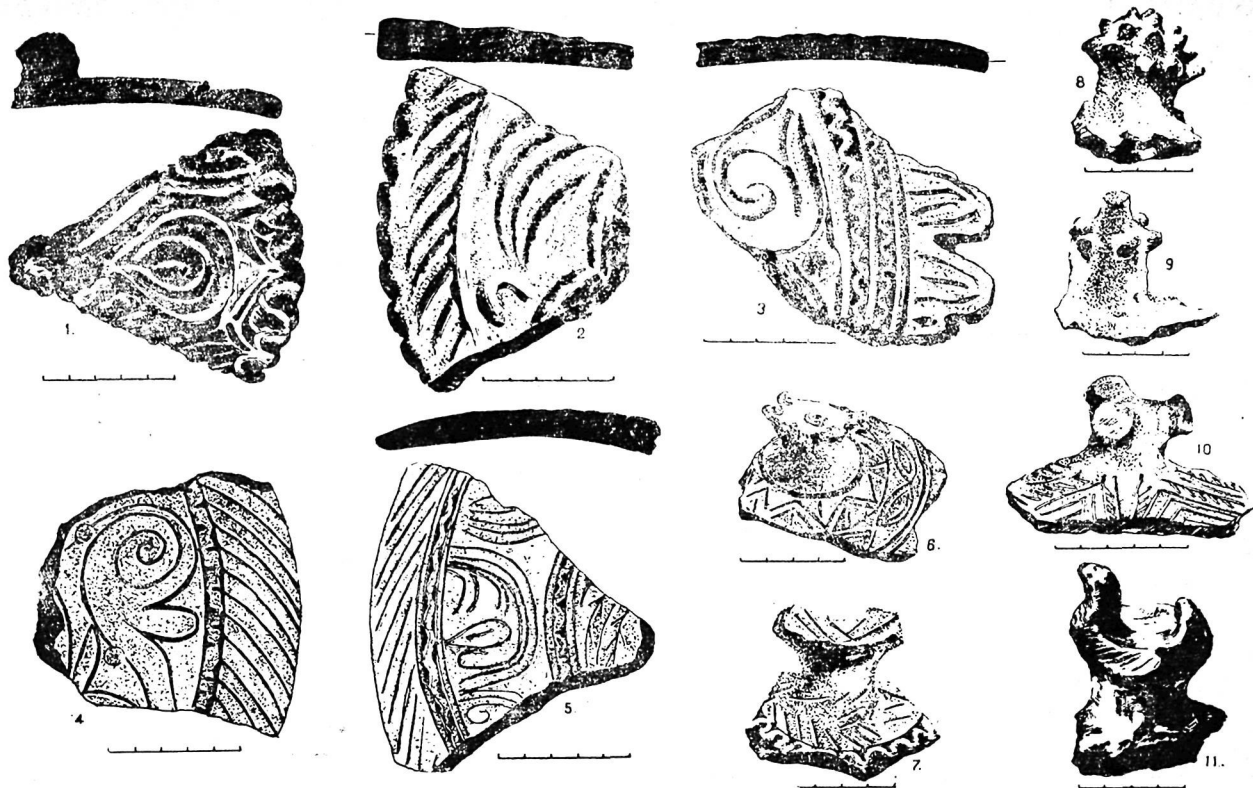

Табл. VII. Лепная керамика VIII—X вв.

ти цилиндрических отростков (четыре по кругу и один вверх); из четырех цилиндрических отростков с отверстиями в центре и из трех таких же выступов.

Из других форм ручек встречены петлеобразная, прямоугольная, в виде двух расходящихся лопастей (прямоугольных в сечении), невысокой шишечки, цилиндрическая с пустотой в верхней части, в виде двух клиновидных лопастей, плавно загибающихся внутрь.

И для этого времени мы встречаем аналогии нашим крышкам в Южном Казахстане.¹ Близки по технике изготовления и крышки с городища средневекового Пайкенда.²

4. Глиняные столики для еды наибольших размеров часто встречаются на городищах Чуйской долины. Семиреченской экспедицией собрана богатая коллекция таких столиков, называемых достарханами.³ Здесь необходимо указать на ошибочное, на наш взгляд, объяснение способа применения этих столиков. А. Н. Бернштам считал, что достархан употреблялся так: плоскость круга служила столиком, а на нее в центре наклепывалась чаша, служившая вместилищем пищи или угощений.⁴ Такое объяснение возможно только для столиков, у которых есть чаши. Но нам известно из коллекций предшествующих экспедиций и наших сборов очень много достарханов, у которых нет чаш, а есть три-четыре невысоких ножки. Это обстоятельство наводит на мысль, что и полая цилиндрическая подставка служила также не чашей, а являлась ножкой столика. Следовательно, столик при употреблении ставился на цилиндрическую подставку или на три-четыре ножки, «рабочей» площадью являлась гладкая плоскость, обращенная вверх. В пользу такого объяснения способа употребления столиков говорит также размещение на них орнамента. Глубокий, густо расположенный, врезной орнамент покрывает в большинстве случаев сплошь ту поверхность круга столика, на которой наклеплены ножки или цилиндрическая подставка. Трудно было бы объяснить целесообразность украшения глубоким врезным орнаментом рабочей плоскости столика. Это крайне осложняло бы очистку его от самых незначительных загрязнений остатками пищи. Украшались же орнаментом оборотные стороны с тем, чтобы в тот период времени, когда столик не употреблялся, вместе со всеми столовыми принадлежностями его можно было поставить украшенной стороной к зрителю. А посуда, как известно, до недавнего времени у народов Средней Азии выставлялась в специальных нишах⁵.

По своей конструкции, как видим, достарханы делятся на два типа: достарханы на ножках и на круглых полых подставках. Диаметр столиков колеблется от 40 до 60 см. Ножек бывает чаще всего 3, но встречается и 4, высота их различна (от 5 до 15 см). Разнообразны и их формы. Встречены ножки неправильно округлые в сечении (диаметром 5—10 см, высотой 8 см), украшенные идущим спирально вокруг глубоким и широким желобком (табл. VIII, 1). Целый экземпляр достархана с такими ножками хранится в Историческом музее АН Киргизской ССР. Имеются ножки подшарообразной формы, диаметром 9 см (табл. VIII, 2), подцилиндриче-

¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... стр. 177—178, рис. 95—97.

² М. М. Дьяконов. Керамика Пайкенда. КСИИМК, вып. XXVIII, М., 1949, стр. 91—92.

³ МИА, №14, стр. 129—130 и табл. LXXI—LXXIV.

⁴ Там же.

⁵ Г. А. Пугаченкова. Самаркандская керамика XV века. Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия, выпуск XI, Ташкент, 1950, стр. 118.

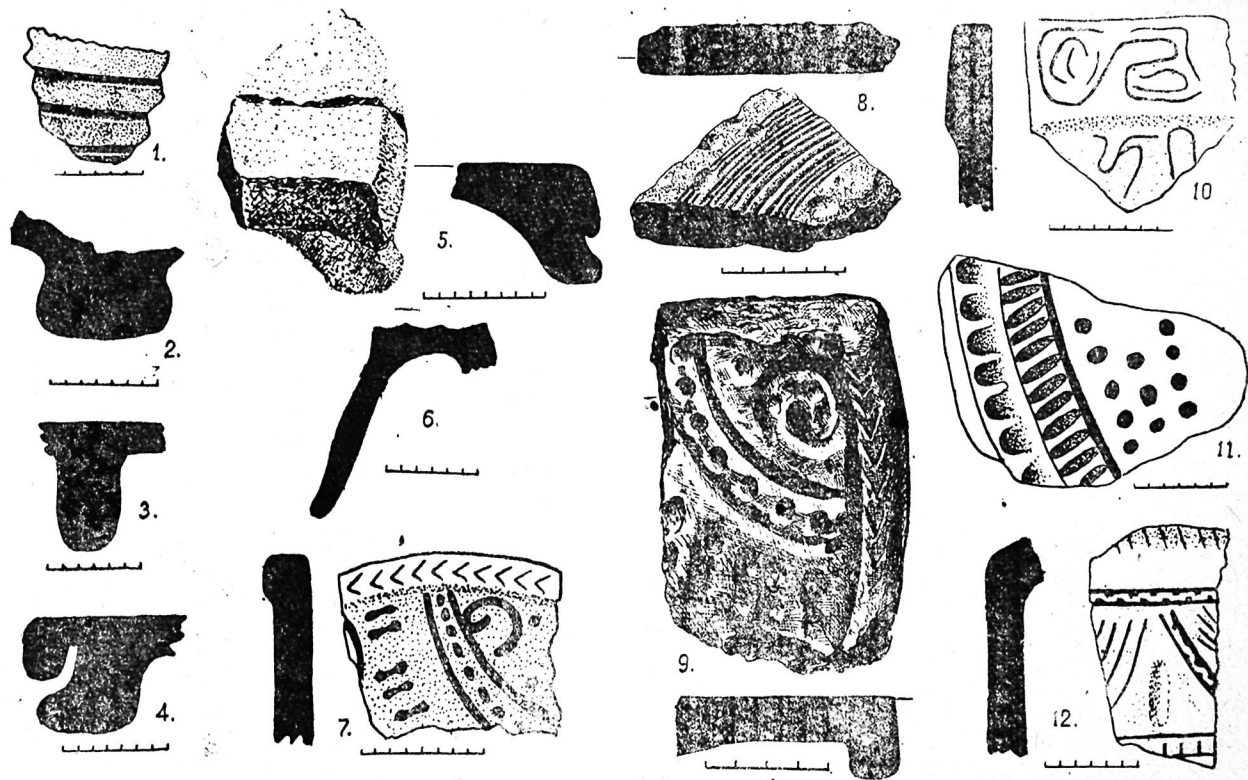

Табл. VIII. Лепная керамика VIII–IX вв.

ские диаметром 5 см, высотой 6 см (табл. VIII, 3) и серия ножек, напоминающих стилизованные лапы животных (табл. VIII, 4, 5).

Круглые полые подставки также двух видов: цилиндрические, диаметром до 20 см, высотой до 10 см, толщиной стенки 2,5 см и в форме усеченных конусов, диаметром 10—16,5 см, высотой 15 см, толщиной стенки 1,5 см (табл. VIII, 6).

По-разному оформлены края столиков. У одной части они закруглены. У другой же—различные в сечении утолщения книзу: прямоугольные, овальные, треугольные и загибающиеся к центру круга. Верхняя «рабочая» плоскость столиков гладкая, иногда очень тщательно заглаженная или залощенная. Нижняя плоскость, как уже отмечалось, заполнена врезным, процарапанным и вдавленным орнаментом. Характер орнамента аналогичен орнаменту на крышках, но крупнее. Иногда это отдельные пояса из концентрических или валютообразных кривых шириной до 0,7 см, между которыми бессистемно расположены округлые и овальные вмятины, а также вмятины в виде сплошных восьмерок (табл. VIII, 7). Иногда по нижней плоскости расположены концентрические бороздки шириной 0,2 см через 0,4 см друг от друга (табл. VIII, 8), реже плотнее. Встречаются сочетания округлых вмятин, кривых линий, кругов, коротких прямых и кривых штрихов, а также волнообразных и валютообразных линий (табл. VIII, 9, 10, 11, 12).

Достарханы изготовлены обычно из теста с обильной примесью дресвы, шамота или песка. Обжиг высокий, но иногда неравномерный с серой прослойкой в толще дисков, ножек и подставок. Большое сходство в формах и орнаментальном убранстве достарханов прослеживается в южно-казахстанских коллекциях.¹

5. Чаши, изготовленные от руки, продолжают бытовать и в карлукское время. Изготавливались они также из теста с шамотом, дресвой и песком. Формы разные. Чаша из Тюлекского городища (табл. IX, 1) из красной глины с дресвой, прямостенная, асимметричная, очень небрежной лепки. Поддон плоский. Верхний край утолщен; ручка в виде прямого горизонтального налепа с двумя вмятинами. Высота—12 см, диаметр—14 см. Вторая чаша с этого же городища (табл. IX, 2) имеет наклонные стенки, венчик выражен утолщением края наружу. Диаметр по верху—26 см, дна—14 см, высота—10,5 см. Тесто с обильными примесями, неравномерного обжига. Чаша с городища Кегеты (табл. IX, 3) также имеет наклонные стенки, но венчик ее выражен двусторонним утолщением края. Вертикальная петлеобразная ручка, находящаяся под венчиком, сильно деформирована. Диаметр по верху—40 см.

6. Массивные ступкообразные сосуды (табл. IX, 5, 6, 7, 8, 9) открытых форм, вероятнее всего служившие для растирания различных продуктов при приготовлении пищи, представляют довольно устойчивую форму. Они характеризуются высоким сильно расширяющимся кверху туловом в форме опрокинутого усеченного конуса и дном с массивными выступающими краями, иногда на конусовидном поддоне. Высота сосуда—до 25 см, диаметр дна и поддонов 10—15 см, толщина стенок от 0,7 до 1,2 см, толщина дна до 2,5—3 см. Выступы дна и поддонов украшены грубо выполненным вдавленным орнаментом из пальцевых вмятин и косых коротких

¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана... стр. 181—185, рис. 99—101.

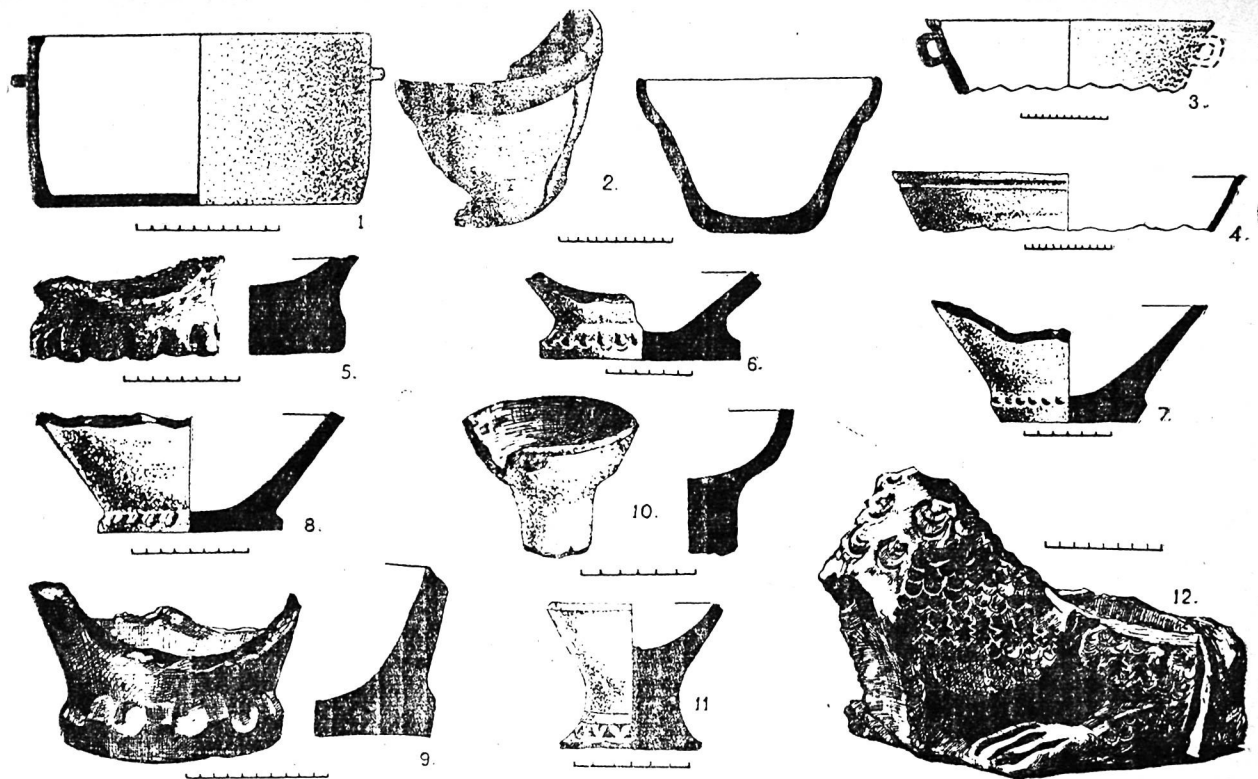

Табл. IX. Лепная керамика VIII—X вв.

насечек. Из коллекций Семиреченской экспедиции опубликованы несколько целых форм такого рода сосудов¹.

7. Продолжают бытовать лепные светильники, получившие несколько иные формы. На Тюлекском городище встречена часть светильника из теста с дресвой слабого обжига. Резервуарчик в виде сферической чаши диаметром 10,5 см, глубиной 3,5 см. Ножка цилиндрическая, в сечении 4,5 см, низ ее не сохранился (табл. IX, 10). Другой светильник, с городища в ущелье Ак-Су (табл. IX, 11) с раструбами вверх и вниз. Резервуар чашеобразный. Ножка сохранилась не полностью. На ее нижней части процарапанный орнамент в виде извилистой линии.

8. К глиняным изделиям относится часть фигурки льва, найденная на городище Шиш-Тюбе (табл. IX, 12). Сохранилась нижняя часть тулова. Отсутствуют верх спины и голова. Отбиты передние ноги. Изображение льва полностью было дано только с левой стороны. С правой же есть контуры только передней части. Лев изображен сидящим на задних лапах. На широкой груди и тулове грива и шерсть изображены вдавленными пунцоном полуокружностями, заходящими друг за друга и образующими сложную сетку. По линии низа живота идет поясok вдавлений штампом, напоминающих схематизированные изображения «человечков». Задняя часть фигурки льва соединялась, по-видимому, со второй такой же фигуркой, поэтому здесь есть два вертикальных разделительных желобка. Размеры фигурки: длина—20 см, сохранившаяся высота—15 см.

Станковая керамика, изготовленная специалистами-гончарами, наряду со всеми новыми признаками, присущими ей, несет старые традиции, особенно в формах и приемах украшения. Новых форм по сравнению с VI—VIII вв. встречается немного.

1. Котлы сделаны из теста, имеющего примесь дресвы. Обжиг неравномерный. Размеры их значительны. Например, котел из городища Ак-Бешим (табл. X, 1) имеет подшарообразное тулово с закругляющимся дном, низкую шейку, закругленный край. Две петлеобразные вертикальные ручки. По плечикам две орнаментальных полосы из вдавленных прямоугольников и кружков. Диаметр горловины—11 см, тулова—14 см, высота—10,5 см, толщина стенки—0,7 см.

2. Кувшины среди ремесленной посуды составляют одну из самых многочисленных групп. Они почти тех же форм, что и лепные, только при изготовлении на гончарном круге получили более изящный вид, сложные профилировки венчиков, сливов и ручек. Очень пропорциональны формы тулова и горловины. Между собой кувшины разнятся общими размерами и относительными размерами отдельных частей, особенно диаметром и высотой горловины.

Кувшин из Ново-Покровского городища (табл. X, 2) имеет биконическое тулово и плоское дно (у дна заметны срезы сырой глины ножом). От венчика до плечиков была вертикальная коленчатая ручка. Горловина очень узкая. По плечикам вокруг тулова идет поясok из трех врезных бороздок, по наружной поверхности—красный ангоб. Глина желтая, а тесто плотное с примесью дресвы, равномерного обжига. Диаметр дна—5,3 см, тулова—12 см, горловины—1,8 см, высота более 15 см, толщина 0,4—0,7 см.

Второй кувшин—из Степнинского городища (табл. X, 3) тщательно сформован из отмученной глины. Тулово его биконическое, горловина высокая и широкая. Есть след вертикальной коленчатой ручки, идущей

² МИА, № 14, табл. LXX, 1—4.

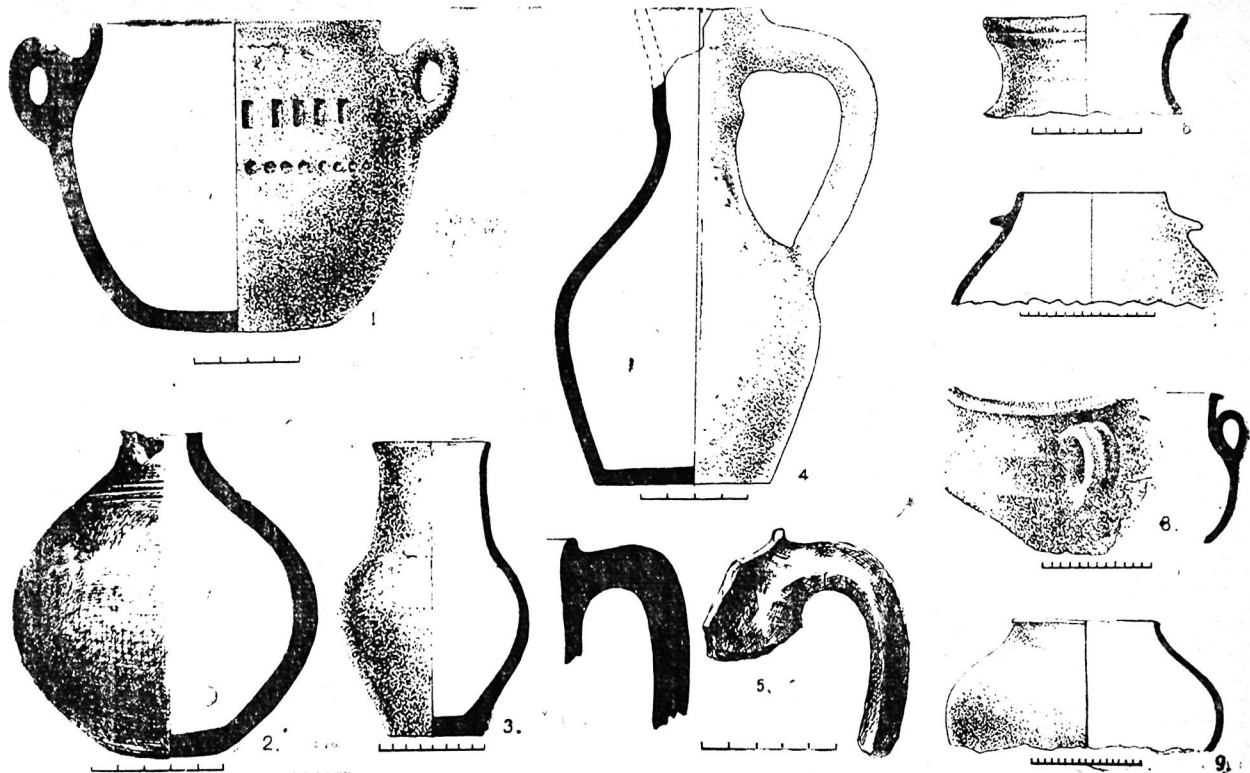

Табл. X. Станковая керамика VIII—X вв.

ручки, идущей от венчика до плечиков. Общая высота—19 см, диаметр горловины—9 см; тулова—13 см; поддона—7 см; толщина стенок 0,4—2 см.

Кроме того, найдены и небольшие кувшинчики (на городище Ашпара, табл. X, 4). Они биконические, с высокой узкой горловиной и коленчатыми вертикальными ручками от венчика до плечиков. Общая высота—16 см, высота горловины—7 см, диаметр дна—6,5 см, тулова—10 см, горловины—3 см.

3. Горшкообразные сосуды наряду с кувшинами составляют наиболее многочисленную категорию посуды. В отличие от лепных горшков предыдущего периода они делятся на две отличающиеся по форме группы. Одну из них составляют открытые горшки с шарообразным туловом и плоским дном.

Другую—горшки с таким же туловом, но имеющие широкую невысокую горловину различных очертаний. Обе группы имеют внутренние различия, но очень несущественные: в размерах и в соотношениях отдельных частей сосудов.

Для первой группы характерен большой горшок из Тюлекского городища (табл. X, 7) с шарообразным туловом и плоским дном. Венчик его выражен малозаметным отгибом закругленного края наружу. Налепная ручка имеет форму полулуния. Горшок сделан из отмученной глины, обжиг ровный. Диаметр венчика—16 см, тулова—34 см, толщина стенки—0,8 см. Нами зарегистрировано большое количество такого типа сосудов, слабо варьирующих в формах тулова и ручек, но отличающихся размерами.

Вторая группа характеризуется очень правильными формами и изяществом отделки. В ней также есть различия в размерах сосудов и в оформлении. В качестве примера укажем на хорошо профилированный горшок с высоким горлом и двумя вертикальными петлеобразными ручками из Шиш-Тюбе (табл. X, 8). Венчик его выражен отгибом края под прямым углом; диаметр горловины—12 см, тулова—22 см, толщина стенки—0,5—0,6 см. Другие сосуды этой категории отличаются высотой горловины и небольшой вытянутостью тулова. Есть в этой группе горшки без ручек.

4. Чаши представлены гораздо большим числом форм. Они отличаются тонкостенностью и сложной профилировкой. Это была, несомненно, столовая посуда:

а) чаша из Сретенского городища (табл. XI, 1) с шарообразным туловом и вертикальной петлеобразной ручкой от венчика до тулова. Край чаши закруглен; диаметр по верху—14 см, толщина стенки—0,4 см;

б) чаша из Ново-Покровского городища (табл. XI, 2) с биконическим туловом, закругленным краем и довольно массивной петлеобразной вертикальной ручкой. Тесто красное, плотное, с примесью дресвы, неравномерного обжига; диаметр поддона—5 см, венчика—8 см, высота—3,5 см;

в) чаша с городища Бурана (табл. XI, 3) с прямой верхней частью стенки. Ручка петлеобразная массивная с круглым плоским налетом наверху. Тесто красное, плотное, с примесью дресвы. Обжиг равномерный. Диаметр—11 см, толщина стенки—0,4 см;

г) чашечка с Ново-Покровского городища (табл. XI, 4) с почти прямыми стенками, утончающимся краем и слегка вогнутым дном; диаметр по верху—7,1 см, дна 4 см, высота—4 см.

Чаша с коническим, резко суживающимся книзу туловом закругленным краем с городища у с. Советского (табл. XI, 5). По внутренней по-

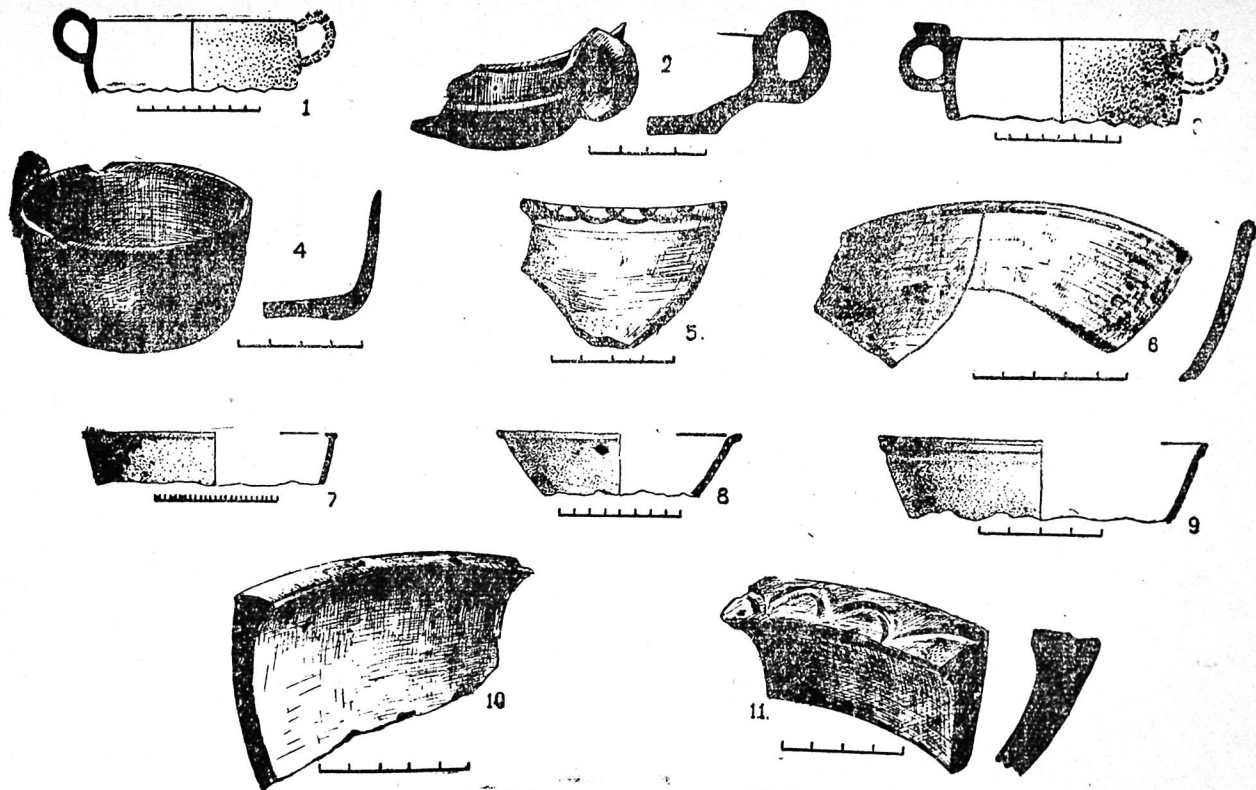

Табл. XI. Славянская керамика VIII—X вв.

верхности у края пояса росписи красной краской из дуг, заходящих друг за друга и образующих своеобразную плетенку; диаметр поверху 18 см, толщина стенки 0,6 см.

5. Чаши-тагора (табл. XI, 7, 8, 9, 10, 11) делятся на две группы. Первая имеет прямые стенки и корпус конической формы, резко расширяющийся кверху. Вторая — с такими же стенками, но стоящими почти вертикально. Венчики в обеих группах разнообразны. В основном это утолщенные края нескольких форм, отогнутые в ту или другую стороны. Есть несколько чаш с венчиками, представляющими края, отогнутые под прямым углом, а также и несколько усложненных профилей. Размеры чаш сильно колеблются, особенно в диаметрах верхних частей. Если высота чаш разнится от 10 до 15 см, то диаметр по бортику — от 15 до 46 см.

6. Баночной формы сосуды продолжают традиции лепных. Сделанные из хорошо приготовленного глиняного теста, они отличаются правильностью форм. В наших коллекциях есть несколько целых сосудов и сосудов, форма которых восстанавливается.

На Ново-Покровском I городище найдена нижняя часть сосуда (табл. XII, 1) с вертикальными стенками, незначительным утолщением у плоского дна и расширением в верхней части. Черепок в изломе розовый, плотный, с редкой примесью дресвы. Обжиг равномерный. Диаметр 4,5 см, тулово 6 см, сохранившаяся высота 6,5 см.

На Ново-Покровском IV городище найден сосуд, приближающийся к баночной форме (табл. XII, 2). Он имеет слабо выраженную шейку, что сближает его с открытым кувшином. Закраина, как у многих банок, отогнута наружу под прямым углом; высота 16 см, диаметр дна и горловины 8 см, тулова 11,5 см.

7. Вазы на ножке встречаются очень редко. Известно всего несколько экземпляров во фрагментах:

а) ваза из городища Ак-Бешим (табл. XII, 4) с корпусом плавных очертаний, на высокой ножке, с прямым валиком на шейке; диаметр корпуса до 10 см, ножки 4 см, сохранившаяся высота 7 см;

б) ваза с того же городища (табл. XII, 5) с корпусом также плавных очертаний, небольшой шейкой и отгибающимся краем. Ножка низкая, широкая, очень устойчивая; диаметр корпуса 9,8 см, ножки — 5 см, высота 5,5 см. Аналогий этой форме сосудов очень много в Согде, на городище Тали-Барзу, а также в Шаше.¹

8. Кружки. Целых немного, и полное представление можно получить не о всех формах. Наибольшее количество кружек получено на стратиграфическом раскопе городища Ак-Бешим. Бытуют в основном три формы с вариантами внутри каждой из них. Все кружки изготовлены из хорошо отмученной глины, имеют хороший обжиг и тонкие стенки;

а) наиболее ранние по времени кружки имеют невысокий выпуклый корпус и значительной высоты бортик, расширяющийся раструбом кверху. Край бортика закруглен. Ручка петлеобразная, овальная в сечении и прикрепленная к верхней части корпуса (с городища Ак-Бешим, табл. XII, 6);

б) позже появляются кружки с широким округлым корпусом, бортик у них ниже, расширяющийся раструбом кверху как ранее, но выражен менее четко (с городища Ак-Бешим, табл. XII, 8);

в) несколько иных форм кружки найдены на городище Бурана (табл.

¹ Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 93, рис. 3, а, б; А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента..., стр. 114, рис. 16—17.

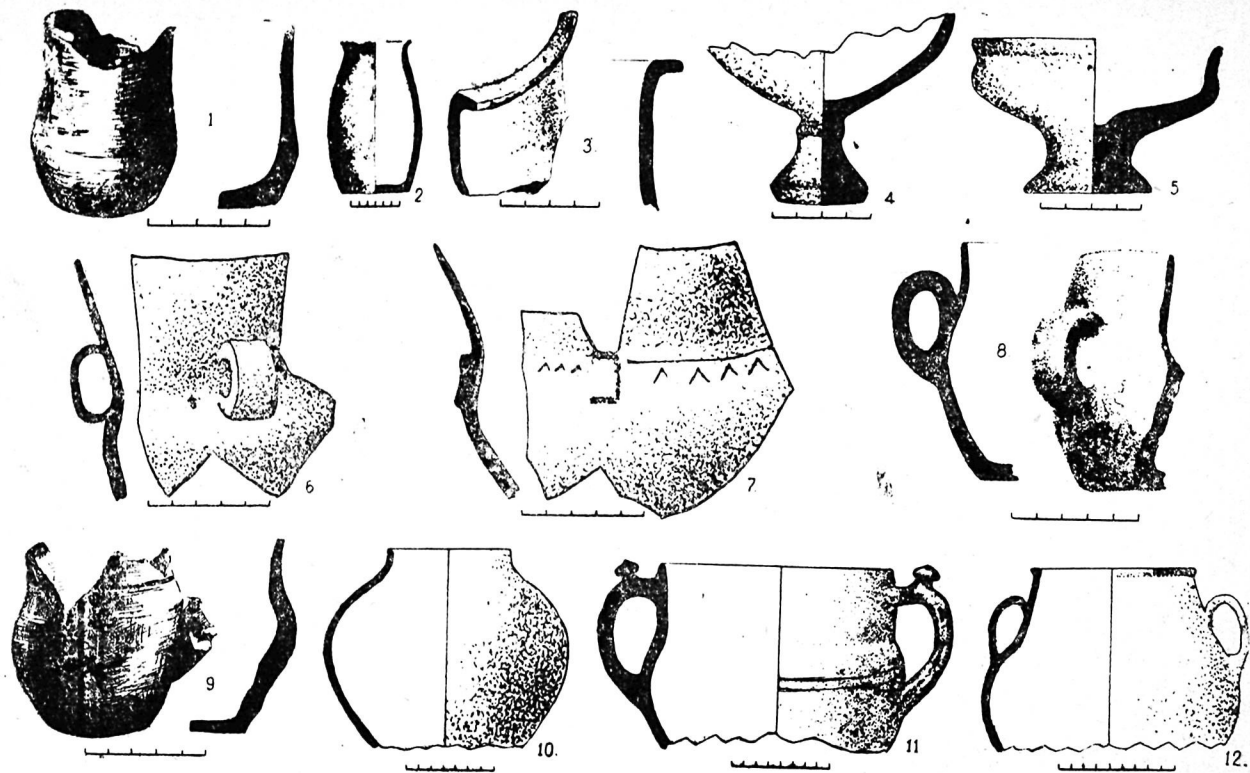

Табл. XII. Станковая керамика VIII—X вв.

ХІІ, 9). У них тулово шаровидное, бортік в сохранившейся части вертикальный, цилиндрический. Есть следы вертикальной петлеобразной ручки, прикреплявшейся к тулову; диаметр дна 4 см, тулова—7 см, сохранившаяся высота 7 см.

Аналогии нашим кружкам известны в Пенджикенте, ташкентском Ак-Тепе и Тали-Барзу.¹

9. Ступкообразные сосуды, описанные в лепной керамике предыдущего хронологического периода, встречаются в значительном количестве и среди станковой посуды в слоях ІХ—Х вв. Здесь также, несмотря на сохранение формы, сказалась новая техника их изготовления, благодаря чему сосуды получили симметричность и правильность форм. Интересно отметить, что характерный для этих сосудов орнамент на выступах дна по-прежнему наносился рукой.

10. Жаровни отличаются от лепных только тщательностью формовки.

11. Достарханы с явными следами формовки на гончарном круге отмечены несколькими экземплярами. Во внешнем оформлении их все остается по-старому: и техника нанесения, и мотивы орнамента.

12. Жировые светильники являются новым типом посуды. Это небольшие круглые резервуарчики с плоским дном и сильно вытянутым носиком. Носик часто по длине больше диаметра резервуара. Корпус резервуара нередко бывает сформован в виде многогранника со слегка загибающимися внутрь закругленными краями. С противоположной от носика стороны к резервуару прикреплена петлеобразная ручка, идущая от венчика к самому дну.

13. Хумы, находящиеся в слоях ІХ—Х вв., изготовлены в основном на гончарном круге, но встречаются и сделанные от руки. В форме и деталях хумов, по нашим материалам, существенной разницы нет.

14. Сфероконусы представляют очень интересный вид керамических изделий. Они изготовлены из чрезвычайно прочной серой глины высокого обжига. Такой материал в других изделиях появляется в Семиречье только в ХІІ—ХІІІ вв. Серая очень прочная глина, из которой сделаны сфероконусы, для того периода достаточно широко известна в разных категориях памятников в других районах Средней Азии. Это позволяет предполагать, что сфероконусы в ІХ—Х вв. в Семиречье были привозными изделиями. Это тем более вероятно, что они в количественном отношении немногочисленны.

15. Керамика с красным лощением и ангобом бытовала до Х в. В раскопе на городище Шиш-Тюбе представлена несколькими сосудами:

а) горшок с шарообразным туловом и плоским дном имеет невысокую шейку и слабо отогнутый край. Вся внешняя поверхность его покрыта красным ангобом и залощена. Диаметр тулова 25 см, сохранившаяся высота 14 см (табл. ХІІ, 10);

б) открытый горшкообразный сосуд с шарообразным туловом, высокой горловиной и закругленным краем имеет две вертикальные ручки от горловины к тулову. На верхних перегибах ручек сделаны грибовидные налепы, а по плечикам идут три параллельных круглых желобка. Есть след от сливного носика на плечиках. Диаметр 20 см, сохранившаяся высота 13 см (табл. ХІІ, 11);

в) край узкого горла кувшина сложного профиля. Поверху — толстый

¹ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента, МИА, № 37, стр. 138—139, табл. Х. А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента..., стр. 114—115, рис. 16 и 17. Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу..., стр. 101, рис. 6, ж.

слой красного ангоба, отстающего корочкой; диаметр по венчику 4 см, толщина стенки 0,5 см;

г) известна часть стенки большого горшкообразного сосуда с Толекского городища. Тулово шаровидное, без шейки. Венчик выражен значительным утолщением края наружу. Петлеобразные вертикальные ручки под венчиком. Диаметр горловины 16 см, тулова—25 см, сохранившаяся высота 10 см (табл. XII, 12).

Керамика X—XII вв. Во время господства династии караханидов, как известно, завершается процесс сложения феодализма в Средней Азии. Это в полной мере относится и к Семиречью, где находилась столица караханидов. С этим неизменно был связан и дальнейший рост городов. Исследователи единодушно относят к этому времени сложение и расцвет средневекового города в Средней Азии. В Чуйской долине, по археологическим данным, в это время появляется целая серия новых поселений. Археологические наблюдения подтверждаются данными письменных источников. Так, например, в упоминавшемся выше сочинении Макдиси конца X в. для Чуйской долины приводится гораздо больший список поселений, чем в сочинении Кудамы начала этого столетия. Расширяется обмен между сельским и городским населением, а также обмен между оседлыми районами и кочевой степью, носивший денежные формы. В широком употреблении были караханидские медные дирхемы. В настоящее время известен целый ряд кладов подобных монет, в двух из них находилось свыше 3 тысяч монетных кружков. Один из этих кладов обнаружен на городище Беловодская крепость,¹ второй—в пределах гор. Фрунзе. Оба клада хранятся в Историческом музее АН Киргизской ССР. Наблюдается резкий подъем всей экономики, в том числе ремесла и одной из его отраслей—гончарства. В городских поселениях вырастают целые кварталы ремесленников-керамистов.

Такие кварталы с остатками обжигательных печей зарегистрированы на городищах Александровском и Сокулукском.² Места ремесленных кварталов отмечены при наших обследованиях по скоплениям шлаков на городищах Ак-Бешим, Краснореченском, Сретенском и др.

Отличительной особенностью керамики X—XII вв. является преобладание ремесленной посуды, сделанной на ножном круге. Устойчивость форм и стандартизация получили еще большее выражение. Эти тенденции диктовались все возрастающими потребностями рынка, на который работали ремесленники-гончары.

Но некоторые изделия являются произведениями художественного мастерства ремесленников. Это богато оформленные изделия, предназначенные для феодальной и купеческой верхушки. Количество такой керамики увеличивается по сравнению с предыдущим периодом.

Гончарное ремесло в караханидский период производило не только посуду самых различных форм и для самых различных нужд, начиная от миниатюрных сосудиков и до огромных хумов (емкостью свыше центнера), но и резную терракоту для облицовки, жженный кирпич, кровельную черепицу, водопроводные трубы и др.

Техника изготовления почти для всей посуды одинакова—это гончарный круг. Тесто тщательно приготовленное, без примесей. Керамика имеет хороший горновой обжиг. Широкое применение получает покрытие посуды поливой и росписью.

¹ М. С. Акимова. Путеводитель по историко-археологическому отделу. Фрунзе, 1944, стр. 27—28.

² МИА, № 14, стр. 93—98.

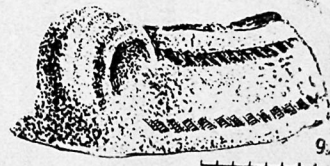
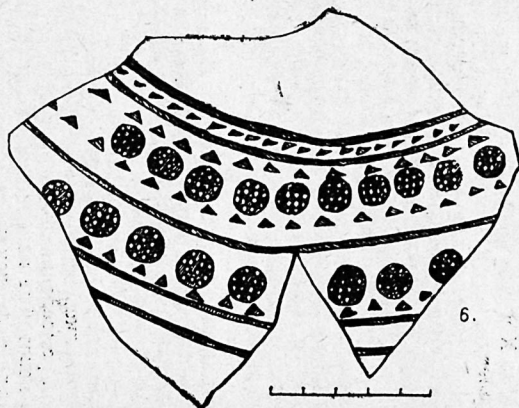
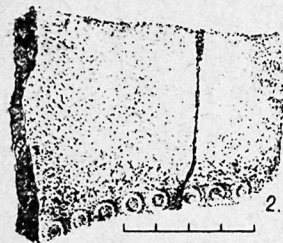
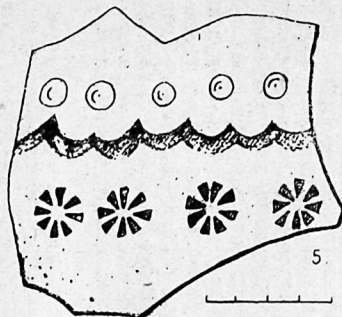
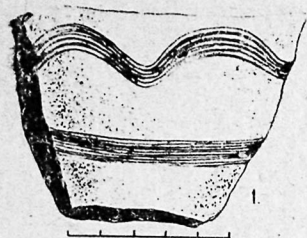

Табл. XIII. Станковая керамика X—XII вв.

В долинах Чу и Таласа и на средней части Сыр-Дарьи¹ до X—XII вв. встречается по-прежнему и лепная керамика. Это, по-видимому, явление, характерное для определенных областей Средней Азии, так как в Хорезме изготовление керамики ручным способом прекратилось между VIII и IX вв.,² а в Ташкентском оазисе в X—XII вв. из лепной керамики встречаются только котлы.³

Имело значение и то обстоятельство, что в этот период, как и в предыдущее время, происходил процесс оседания разорившихся кочевников. Этот постоянный приток неимущего населения со своими традициями также оставил свои следы в виде лепной керамики, наряду с блестящими образцами гончарного производства.

Неполивная станковая посуда. При изготовлении большинства станковой посуды находят ярко выраженные признаки, связанные с серийным производством для продажи. Так, например, начинает исчезать орнамент налепной, вдавленный и процарапанный от руки. Получает преобладание техника нанесения орнамента с помощью гребенки и различных видов штампов.

Подобные явления в гончарном производстве отмечаются исследователями и в других областях⁴.

Гребенчатый орнамент весьма прост (табл. XIII, 1, XVI, 1). Это или поясик из нескольких параллельных желобков (до восьми), опоясывающих сосуд преимущественно по плечикам, или также расположенный поясик из волнистых линий, заключенный между двумя параллельными. Волнистые линии иногда имеют острые углы, но часто они носят плавные формы. Довольно часто между двумя желобками или пучками желобков проходит пояс из коротких косых насечек, сделанных гребенкой или каким-либо острым предметом.

Штампованный орнамент также не очень многообразен (табл. XIII, 2—5). Это—пояски вокруг плечиков из вдавленных двойных concentрических кружков, сделанных пунцоном. Пояски из вдавленных сплошных треугольников, составленных вершинами вместе, или из треугольников в один ряд, перемежающихся с кружками, заполненными прямоугольниками. Полосы из ромбиков, оконтуренных сверху и снизу ломанной кривой. Нередко пояски описанных типов вперемежку расположены на одном сосуде. Встречается круглый штамп небольшого диаметра с различным заполнением внутри: треугольниками, обращенными вершинами к центру, сеткой (табл. XIII, 6) и выемчатый орнамент из прямоугольников, идущих пояском вокруг тулова и др. (табл. XIII, 7). Штампованный орнамент покрывает всю поверхность только одного вида сосудов—фляг, где он представляет сложную композицию (табл. XV, 8, 9).

В слоях X—XII вв. поверхности сосудов в подавляющем числе случаев покрыты ангобами различных оттенков. Как пережиток встречаются затирка и лощение по желтому и красному ангобу.

Профессиональная дифференциация среди ремесленников доходит

¹ Е. М. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана..., стр. 171, 196, 201; А. И. Тереножкин. Литература по археологии в Узбекистане. ВДИ, I (6), 1939, стр. 190—191. Его же. О древнем гончарстве в Хорезме. Изд-во. Уз.ФАН, № 6, 1940, стр. 64...

² Там же.

³ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента..., стр. 104.

⁴ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории поселений и городов Южного Казахстана..., стр. 187; А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата. 1941, стр. 53.

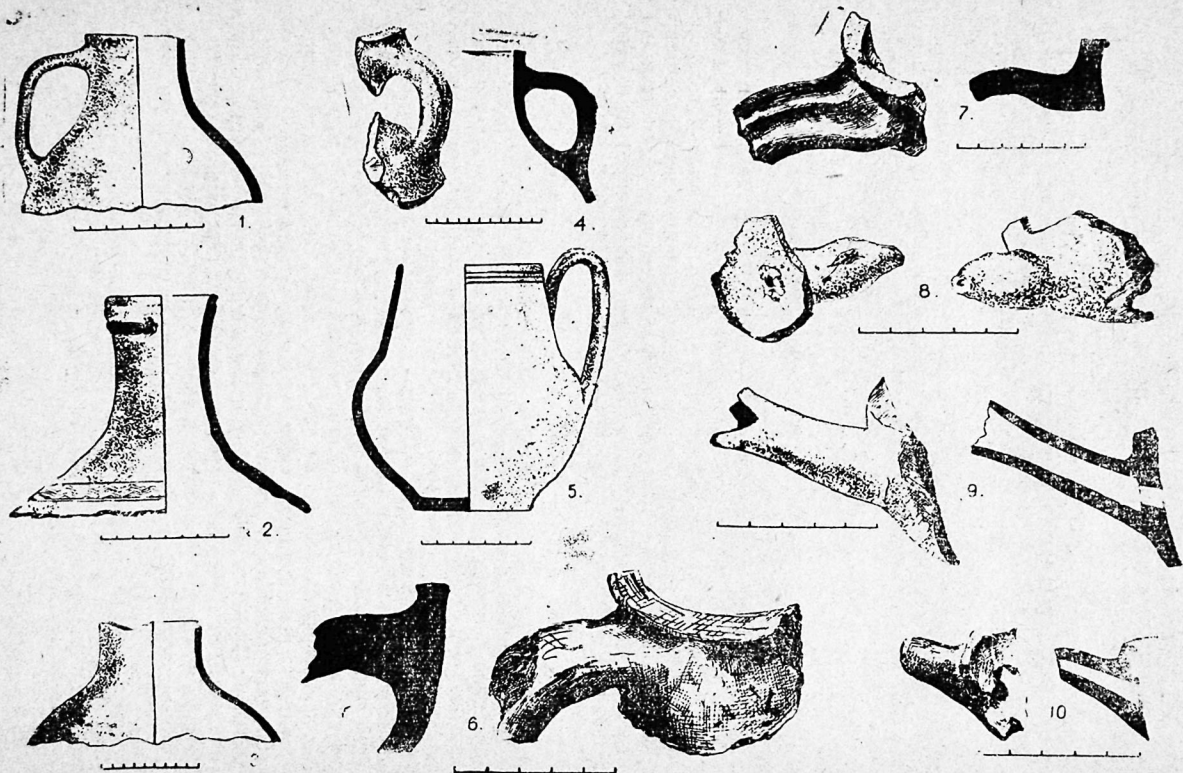

Табл. XIV. Станковая керамика X—XII вв.

до того предела, когда гончары, по вполне понятным в таких условиях причинам, начинают клеймить свою продукцию специальным клеймом.¹

Вопросы ремесленных организаций в Средней Азии в средневековые изучены чрезвычайно слабо ввиду бедности сведений в письменных источниках. Для Семиречья, являвшегося периферией давно сложившихся оседло-земледельческих областей, этот вопрос не получил никакого отражения в письменных источниках. Поэтому клейма гончаров, известные на керамических изделиях Чуйской долины, пока еще не могут быть причислены ни к отметкам отдельных мастеров, ни к цеховым знакам.

В неполивной посуде X—XII вв. бытуют все основные формы предшествующего периода.

1. Кувшины (табл. XIV, 1—10) имеют одну широко распространенную форму: с высокой горловиной и вертикальной коленчатой ручкой от венчика к тулову. Эта форма имеет несколько вариантов в отдельных деталях сосудов и значительные различия в общих размерах. Тулова кувшинов шаровидные или несколько вытянутые, днища плоские, но есть и приподнятые плоские поддоны. Наибольшие различия наблюдаются в форме горловины: от очень узкой и высокой, достигающей высоты тулова, до широкой, несколько уже тулова, около половины его высоты. Формы горловин цилиндрические, реже с небольшим раструбом кверху. Кувшины делятся еще на две подгруппы по наличию или отсутствию носика. Носик расположен на плечиках и имеет форму слегка утончающегося к концу цилиндрика.

На кувшинах встречается очень скупой процарапанный орнамент в виде двух круговых бороздок, сделанных гребенкой, или волнистой линии между двух бороздок на плечиках или горловине. Общие размеры кувшинов: диаметр от 10 до 30 см, высота от 15 до 40 см.

Большое количество подобных кувшинов собрано при строительстве Большого Чуйского канала.²

2. Горшкообразные сосуды делятся на две категории. Первая—горшки открытого типа очень тщательной отделки. Тулово шарообразное, с плоским дном, иногда имеющим выступающие закраины. Одни из них без шейки и профилированного венчика (табл. XV, 1), другие с невысокой шейкой и венчиком, плавно отогнутым наружу (табл. XV, 2). На горшках одна или две петлеобразные ручки, помещенные на плечиках. Орнамент чрезвычайно бедный — одна или две круговые линии близ закраины или по плечикам. Диаметр горшка от 8 до 12 см, высота 6—10 см.

Вторую категорию составляют горшки также открытого типа со слабо выраженной шейкой и отогнутым краем. Тулово, сохранившееся неполностью, было шаровидным. Эти горшки характеризуются большими размерами: диаметр устья до 30 см, тулова до 40 см. Орнамент также беден, сделан гребенкой: круговые линии и косые штрихи (табл. XV, 3, 5).

3. Баночной формы сосуды в основном двух типов. Один из них (табл. XV, 4, 6) имеет широкий отогнутый под прямым углом треугольный в сечении венчик, тулово почти цилиндрическое, дно плоское. В наших коллекциях целых форм этого типа нет. Но судя по значительным фрагментам, они совершенно аналогичны банкам из коллекции, собранной на Большом Чуйском канале.³

Второй тип баночных сосудов (табл. XV, 7) представлен экземпляром из Ново-Покровского городища: тулово цилиндрическое, слегка расши-

¹ МИА, № 14, стр. 134—135.

² МИА, № 14, табл. LXXX.

³ МИА, № 14, табл. LXXIX, 3.

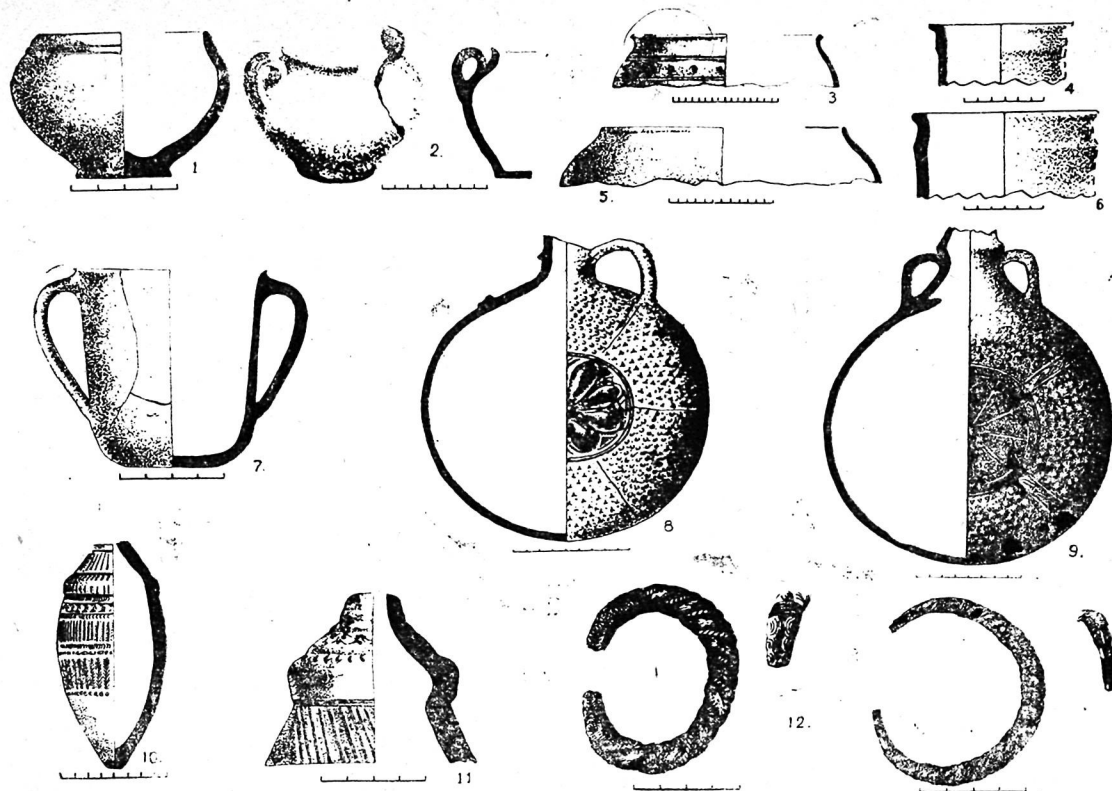

Табл. XV. Изделия X—XII вв.: 1—11 станковая керамика, 12—серебряные браслеты.

ряющееся кверху, венчик в виде слабого отгиба заостренного края наружу, две вертикальные ручки от венчика почти до плоского дна, высота 16 см, диаметр 14 см.

4. Чаши повторяют формы IX—X вв. Встречаются как малые, так и большие чаши-тагора.

5. Хумы встречаются очень часто; в отличие от прежнего периода они несут на себе много штампованного орнамента в виде ребристых конических шишечек и вдавленных кружков, заполненных сеткой или прямоугольниками.

6. Реже, чем в предыдущий период, встречаются жаровни, но в формах их значительных изменений нет, хотя изготовлены они на гончарном круге.

7. Новую форму в станковой керамике представляют фляги. В нашей коллекции есть два почти целых экземпляра фляг. Одна из окрестностей городища Ашпара (табл. XV, 8). Сильно выпуклые бока ее покрыты штампованным орнаментом. Штамп имел форму вогнутого диска, им отыскивался весь орнамент сразу. В центре, в круге, рельефная восьмилепестковая розетка. Остальная площадь разбита на шесть секторов. Три из них заполнены большими и малыми горошинами, расположенными параллельными рядами, три — мелкими трилистниками и горошинами. На второй стороне фляги один сектор заполнен треугольниками и мелкими горошинами. Фляга имеет короткую в 3 см горловину, диаметром 4 см и две петлеобразные ручки от венчика к тулову. Диаметр фляги 23 см, высота 26 см, толщина 13 см.

Вторая — из окрестностей Ключевского городища (табл. XV, 9). Форма точно такая же. Штампованный орнамент на обеих сторонах одинаковый. В центре — плоская десятилепестковая розетка, лепестки заполнены мелкими треугольниками. Розетка окаймлена двумя концентрическими окружностями, пространство между ними заполнено рядом мелких треугольников. Остальная площадь разбита на четыре сектора, заполненных расположенными впритык выпуклыми звездочками. Диаметр 24 см, высота 29 см, толщина 13 см. Горловина высотой 5 см с двумя петлеобразными ручками. Отдельные образцы фляг с несколько иной нижней частью и без орнамента известны в коллекциях Семиреченской экспедиции.¹ Этот тип сосудов известен во всей Средней Азии² и в Казахстане.³

8. Сфероконусы, отмеченные для IX—X вв. в единичных случаях как привозные изделия, теперь встречаются часто. В наших раскопках они представлены многими мелкими фрагментами и несколькими целыми формами (табл. XV, 10—11). Некоторые экземпляры почти сплошь покрыты мелко проработанным геометрическим и стилизованным растительным орнаментом. Очень богатая коллекция их собрана на строительстве БЧК.⁴ В большом количестве они известны в Южном Казахстане.⁵

9. Крышки для кухонной посуды, изготовленные на гончарном круге, лишены богатого врезного орнамента, который характерен для этих изделий IX—X вв., внешняя поверхность их покрыта гребенчатым и вмятым орнаментом (табл. XVI, 1, 2).

¹ МИА, № 14, стр. 95, 136, табл. LXXXI, 5.

² А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зеравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. ТОВЭ, II, Л. 1940, табл. X.

³ Е. И. Агеева, Г. И. Пачевиц. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана..., стр. 194, рис. 110.

⁴ МИА, № 14, стр. 136, табл. LXXXI, 4, 6.

⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пачевиц. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана... стр. 196.

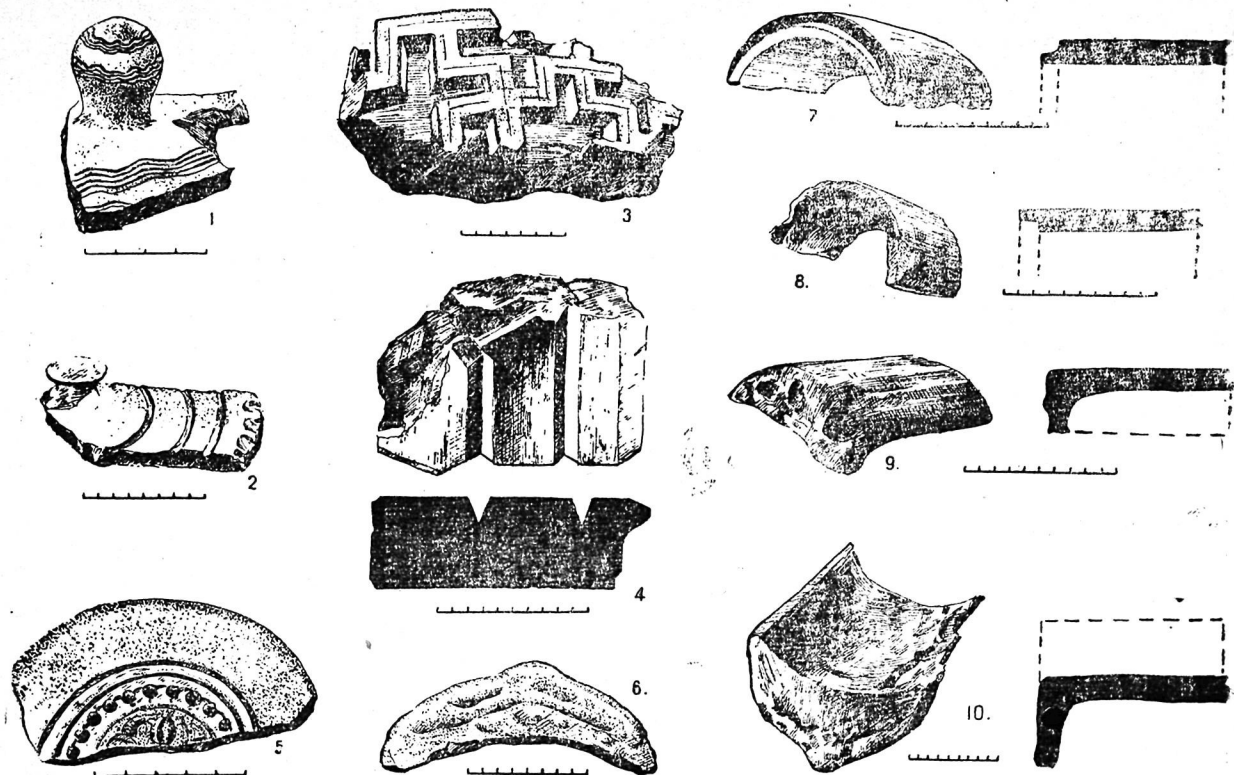

Табл. XVI. Керамика X—XII вв: 1—2—крышки сосудов; 3—4—резная терракота; 6—10—кровельная черепица.

Кроме посуды и других кухонных принадлежностей, из обожженной глины изготовлялись архитектурные украшения, жженный кирпич, водопроводные трубы, кровельная черепица и др.

10. Впервые в Северной Киргизии нами была найдена резная терракота, применявшаяся как для облицовки внутри помещений, так и внешних частей зданий.

Терракота, относящаяся к XI—XII вв., представлена в наших сборах несколькими фрагментами. Это глубокая резьба по толстым плиткам глины. Ее мотивы—меандровое плетение (табл. XVI, 3) и арабская надпись (табл. XVI, 4), от которой сохранилась только небольшая верхняя часть первых букв. Плитки служили для облицовки как горизонтальных, так и кривых поверхностей.

11. Обожженный кирпич в слѡях X—XII вв. встречается повсеместно. В основном это один стандарт строительного кирпича размерами $25 \times 25 \times 5$ см с небольшими отклонениями в ту или иную сторону. Этот кирпич применялся для возведения фундаментов и стен построек. Но применялся он и для вымостки полов в зданиях. При вымостке полов, кроме квадратного кирпича, употреблялись еще шестигранный (с длиной граней 14 см) той же толщины и прямоугольный, составляющий как бы половину квадратного— $25 \times 12,5 \times 5$ см, а также размерами $35 \times 17,5 \times 5$ см. Встречается еще квадратный кирпич размерами $37 \times 37 \times 5$ см и, наконец, треугольный в виде равносторонних треугольников с длиной сторон 13, 18, 25, 26 и 31 см.

12. Кровельная черепица (табл. XV, 5—10), встреченная с материалами караханидского периода, весьма разнообразных форм: от правильной циркулярной до сильно уплощенной с неравной шириной в противоположных концах. Диаметр дуги от 10 до 38 см, высота от 4 до 6 см. Отдельные экземпляры черепицы имеют на одном конце паз для соединения с другой. Черепица изготовлялась на шаблоне, который покрывался грубой тканью. Тесто имеет иногда примеси песка. Обжиг высокий, но из-за толщины стенок не на всю толщу однородный. Найдены черепицы, помещавшиеся на нижнем крае кровли. Они имеют капельницу в форме килевидной арки, высотой до 10 см. Встречена черепица, служившая, по-видимому, для замыкания плоскостей кровли и имеющая щиток, закрывающий дугу одного края. Капельница и щиток имеют рельефный и вдавленный орнамент, оттиснутый штампом.

Значительное количество подобной черепицы собрано Семиреченской экспедицией.¹

13. Водопроводные трубы, встреченные нами во фрагментах, также, аналогичны трубам в коллекциях Семиреченской экспедиции.²

Поливная керамика. Наиболее важным отличием керамики караханидского времени является массовое распространение глазурного покрытия и подглазурных росписей. Отмеченные для карлукского времени низкокачественные тусклые поташные поливы сменяются прекрасными свинцовыми глазурями разных тонов и высокохудожественными подглазурными росписями.

Возникновение производства поливной керамики в различных областях Средней Азии исследователями относится к разным периодам. Например, В. Л. Вяткин считал, что поливная керамика в Самарканде поя-

¹ МИА, № 14, стр. 49, табл. XXV, 1—5—, XXVI, 3—6, LXXXIX, 1—2.

² Там же, стр. 134, табл. XCIV, 5.

вилась в V в.¹, В. А. Шишкин для Бухарского оазиса эту дату относит к VI в.², А. Н. Бернштам первые образцы поливы в Таразе относил к VII—VIII вв.³

Наиболее твердо время появления поливной керамики в самых развитых областях Средней Азии (середина VIII в.) определилось после больших раскопок Г. В. Григорьева на Тали-Барзу и Кафыр-Кале, А. И. Тереножкина на Афрасиабе⁴, а также в результате раскопок на городище Пенджикента.⁵ В Хорезме по последним исследованиям появление поливы относится к IX в.⁶

В Чуйской долине для VIII в. поливная керамика не была известна. Слои этого периода в стратиграфическом раскопе на городище Ак-Бешим, хорошо датированные монетами, не дают ни одного фрагмента поливных изделий. Известна глазурь лишь в самых верхних слоях этого городища, датируемых монетами IX—X вв. А. Н. Бернштам зарегистрировал единичные находки поливы конца IX в.⁷

Повсеместное распространение поливы, по данным наших стратиграфических шурфов, отмечается только для X—XII вв. Такое же явление наблюдал А. Н. Бернштам.⁸

В наших сборах поливная керамика представлена в большинстве случаев фрагментами различных сосудов. Но по аналогии с целыми экземплярами Семиреченской экспедиции⁹ можно легко составить представление об их первоначальном виде (форме, характере росписи и поливы).

Наибольшее количество форм поливной посуды падает на чаши и блюда. Следует отметить отсутствие или редкость этих форм сосудов на кольцевом поддоне, столь характерном для Мавераннахра и даже являющимся там одним из датирующих моментов.¹⁰

Блюда и чаши в Чуйской долине имеют коническую форму значительной глубины, а также широкую уплощенную форму (табл. XVII, 1—6). Поливой у этих форм покрыта вся внутренняя поверхность и неширокая полоса вдоль края по внешней стороне. Вся внутренняя поверхность заполнена полихромной подглазурной росписью по белому ангобированному фону. В росписи преобладают геометрические и растительные мотивы, но довольно часто встречаются стилизованные арабские надписи и как исключение — изображения животных. Сюжеты орнамента гораздо

¹ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1926, стр. 49 и 64.

² В. А. Шишкин. Археологические работы 1937 г. в западной части Бухарского оазиса. Ташкент, 1940, стр. 18.

³ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 37.

⁴ Г. В. Григорьев. Городище Тали-аБрзу. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 98—99. А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 132. Его же. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 165—167; Ср. также. И. А. Сухарев. Ранняя поливная керамика Самарканда. Труды УзГУ, нов. серия II, вып. 2, Самарканд, 1940, стр. 13.

⁵ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента. Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 37, стр. 143—144.

⁶ Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVI вв.). «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XXII, М., 1935, стр. 90 и 95.

⁷ МИА, № 14, стр. 129.

⁸ Там же, стр. 137.

⁹ Там же, стр. 136—138, табл. LXXXIII—LXXXVI.

¹⁰ О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XI вв. как историко-культурный памятник. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, 1954, (рукопись), стр. 40.

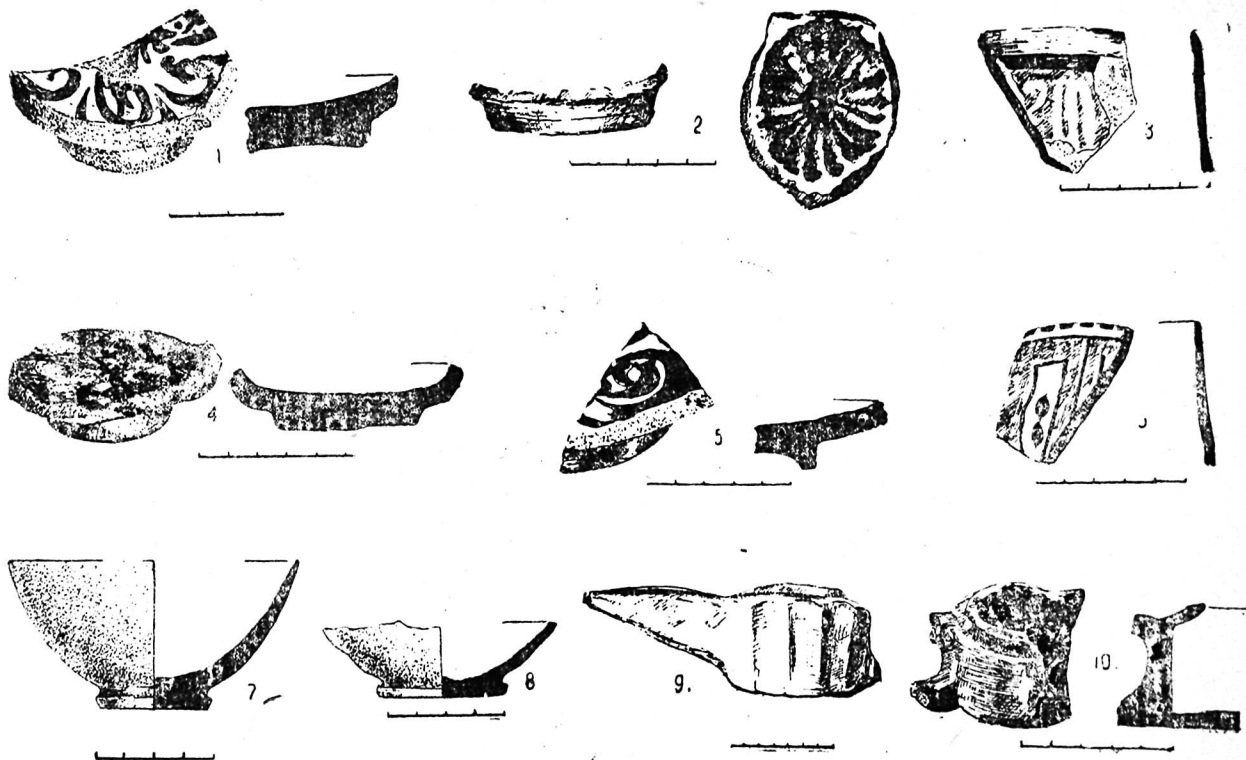

Табл. XVII. Поливная керамика X—XII вв.

более полно прослежены на целых образцах Семиреченской экспедиции¹. Очень редки чаши с зеленой поливой (табл. XVII, 7, 8). Они встречены в верхних слоях наиболее поздних городищ и могут быть отнесены к концу караханидского периода.

И среди поливной посуды есть банкообразные по форме сосуды. Они имеют цилиндрическое слегка суженное в средней части тулово, плоский поддон и суженную горловину. Расписаны они или по всей площади тулова, или в верхней его части.²

Кувшины и среди глазурованной посуды имеют те же формы, с узкой высокой горловиной, с ручкой от венчика до плечика и узким цилиндрическим носиком. Роспись еще беднее.³

Также повторяют форму неглазурованных поливные горшки. На них орнамент также только по плечикам⁴.

Все три последние формы встречаются гораздо реже, чем блюда и чаши.

Значительную по количеству группу поливной керамики составляют чираги (табл. XVII, 9, 10). Они являются дальнейшим развитием неполивных чирагов IX—X вв. и имеют сходную форму. Но на верхней части петлеобразной ручки появляется налуп, в виде листа растения, являющийся упором для большого пальца при переноске светильника. Чираги чаще покрыты только однотонной глазурью с обеих сторон, реже на средней линии корпуса в один круговой пояс размещена роспись черной краской. Большая коллекция чирагов хранится в экспозиции Исторического музея АН Киргизской ССР, часть их опубликована⁵. Подобные чираги характерны для коллекций древнего Тараза⁶.

Особое место в вещевом материале занимают изделия из металлов. К ним относится большая серия железных изделий с Сокулукского и др. городищ, опубликованных в печати.⁷

Значительный интерес представляют четыре серебряных браслета с разомкнутыми концами, найденные при разборке для строительных нужд одного из холмов в пределах внутреннего длинного вала городища Шиш-Тюбе (табл. XV, 12). Техника изготовления всех браслетов совершенно идентична. Три гладких толстых проволоки свиты жгутом. В углублениях между толстыми жгутами проходят очень тонкие жгутики, из двух свитых проволочек. Концы браслетов утончаются, на них наматыванием и напайкой очень тонких жгутиков, свитых из двух проволочек, изображены сильно стилизованные головы животных. Аналогичные браслеты известны в Ташкентском оазисе.⁸

¹ МИА, № 14, стр. 95—97, 133—139, табл. LXXXIII—LXXXIV.

² Там же, табл. LXXXVI, — рис. 2 и 6.

³ Там же, табл. LXXXVI, рис. 4 и 5.

⁴ Там же, табл. LXXXVI, 1.

⁵ Там же, табл. LXXXII.

⁶ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 52.

⁷ Л. Г. Розина. Железные изделия караханидского периода. Труды ИЯЛИ, Кирг. ФАН СССР, вып. I, 1944, Фрунзе 1945, стр. 157—161.

⁸ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, стр. 154, рис. 69. XXII, 8.

ГЛАВА III

ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДИЩ С ДЛИННЫМИ ВАЛАМИ

Эта группа включает 18 городищ, имеющих ряд сходных признаков топографии.

1. Городища отличаются большими размерами всех своих составных частей.

2. Все они имеют центральные развалины, выделяющиеся высотой над общей поверхностью городища.

3. В одной из частей центральных развалин (чаще в каком-нибудь углу, но иногда и в центре) находится высокий бугор, представляющий развалины цитадели поселения. Бугры имеют в большинстве случаев вид усеченной пирамиды или конуса, форму полусферы, реже план их более сложен.

4. Вокруг центральных развалин на огромной территории (иногда до 20 кв. км) с различной степенью плотности расположены остатки, в большинстве, небольших сооружений, имеющих различные размеры и планы.

5. Обширная территория, занятая остатками отдельно стоящих построек, в каждом городище группы окружена длинным валом, имеющим в некоторых случаях остатки башен. У подошвы валов с внешней, а иногда и с внутренней стороны проходят рвы.

6. Кроме длинного вала, окружающего застроенную территорию, в большинстве объектов зарегистрированы валы, охватывающие прилегающую местность, на которой не обнаружено следов застройки. Эти валы в городищах, хорошо сохранившихся до наших дней, имеют довольно сложную схему расположения.

Материалы, касающиеся городищ данной группы, будут изложены нами в такой последовательности, чтобы в первую очередь охарактеризовать те из них, которые имеют культурные наслоения наиболее раннего времени, а затем те, которые сложились в более поздний период.

Краснореченское городище (рис. 1). Остатки этого городища расположены к востоку от пос. Краснореченского. Начинаясь от 33—34 км дороги Фрунзе—Рыбачье, они простираются почти до 38 км, т. е. вытянуты с запада на восток более чем на 4 км.

Центральные развалины городища простираются с востока на запад на 1500 м, и с севера на юг—на 800 м. Расположенные на краю левой надпойменной террасы р. Чу, они четко делятся на три части: основную с ци-

таделью, центральный четырехугольник, объединенный общими контурами с основной частью, и западную пристройку. Основная часть, наибольшая по площади, имеет неправильную форму и всхолмленную поверхность с невысокими уплощенными возвышенностями. Только на самом западном участке резко выделяется западина (двор) с двумя въездами в западной и южной стенах. Восточнее западины ясно видна улица, пересекающая эту часть поселения и проходящая в упомянутый центральный четырехугольник. В южной стене сохранились еще два хорошо видимых въезда. Один из них вел в улицу, пересекавшую все городище и делившуюся на две ветви (одна выходила в северной стене, а вторая—против юго-западного угла центрального четырехугольника). Следы улиц представляют глубо-

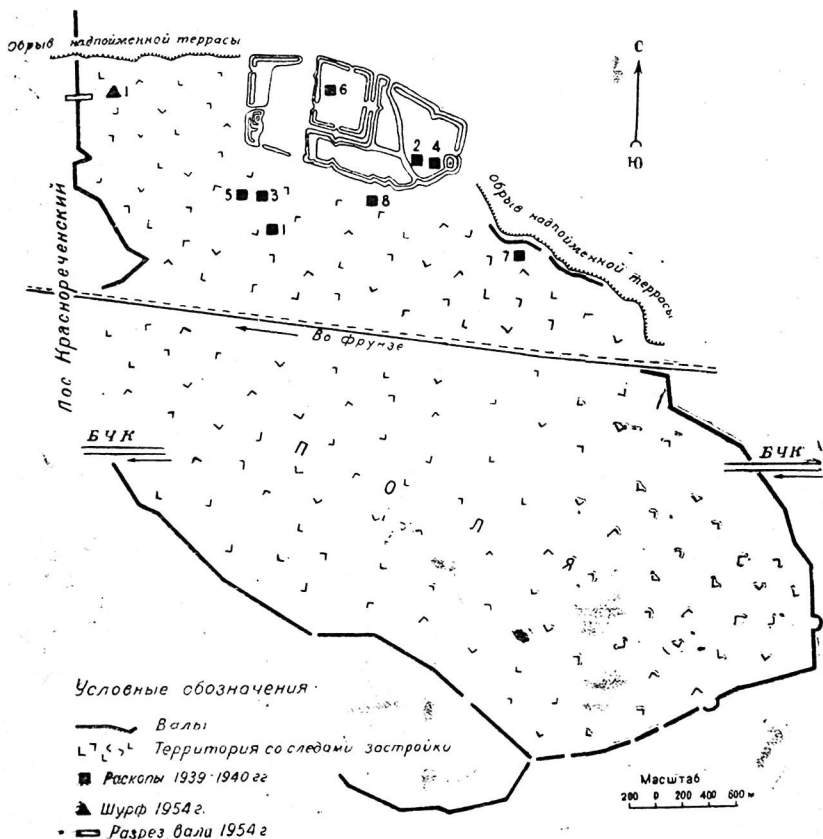

Рис. 1. Схематический план Краснореченского городища.

кие (до 2,5 м) ложбины, шириной до 15—20 м. Их выходы в стенах отмечены предвратными сооружениями. Кроме того, в восточной и северной стенах видны еще два въезда—по одному в каждой. В юго-восточном углу

описанной части центральных развалин находится цитадель, подпрямоугольная в плане с размерами сторон 40×60 м. Склоны ее очень крутые, а высота над поймой достигает 15 м. С западной стороны ее был въезд, по видимому, по пандусу.

На основании материалов Семиреченской экспедиции, полученных из двух шурфов, можно считать, что эта часть поселения была обитаема с VII по XII вв.¹

Вторая часть—центральный турткуль—выделяется высотой своих стен и глубоким и широким (до 50 м) рвом. В стенах, особенно южной и восточной, видны башни и предвратные сооружения. Четырехугольник органически входит в контуры описанной выше основной части. Создается впечатление, что турткуль был выделен из всего комплекса при более поздней перестройке. Об этом можно судить по рвам, расположенным вдоль стены с внутренней стороны. Такая картина наблюдается в городище Ашпара, для которого перестройка засвидетельствована письменными источниками. Вместе с тем, ряд признаков говорит о соединении ее с основной частью: в середине южной стены хорошо виден проезд, совпадающий с двумя противоположными проездами основной части и остатками соединяющей их улицы. Через ров имелась дамбочка. Точно также в восточной стороне въезд находится против въезда в основную часть, где дамба через ров сохранилась гораздо четче. Было еще два въезда: в северной стене со стороны поймы р. Чу, по хорошо видимому пандусу, и в западной стене, ближе к юго-западному углу.

Внутреннее пространство четырехугольника всхолмлено, но имеет относительно ровную поверхность. Здесь Семиреченской экспедицией был заложен один раскоп, материал которого датируется IX—X вв.² К сожалению, нижние горизонты не были затронуты шурфом и какую-нибудь характеристику дать им не представляется возможным.

Обе описанные части центральных развалин имеют одинаковую культурную толщу и объединяются общими очертаниями. Третья же составляет самостоятельный элемент. Это как бы пристройка с западной стороны, с валами меньшей высоты и ширины. В оплывших стенах видны башни, особенно в западной, где хорошо сейчас заметны 6 башен, хотя их было больше. Культурные наслоения четко прослеживаются только вдоль западной стены, на остальной части они выражены слабо. Направление северной и западной стен не совпадает с направлением соответствующих стен первых двух частей.

Следует особо отметить комплекс сооружений близ юго-западного угла. Здесь, в плохо сохранившемся четырехугольнике валов, стоит круглый конической формы бугор—остатки цитадели (высотой до 8 и диаметром около 50 м). Восточнее располагаются еще два небольших холма диаметром 30 и 40 м и высотой около 3 м. В этой части развалин раскопок не проводилось и поэтому трудно судить о времени ее сооружения. Судя по внешним данным и планировке, это наиболее поздняя по времени пристройка.

Вокруг центральных развалин в трех направлениях к востоку, западу и особенно югу на огромном пространстве расположено чрезвычайно большое количество мелких холмов—остатки одиночных построек. Семиреченской археологической экспедицией близ центральных развалин отмечено

¹ МИА, № 14; стр. 20, 37, и сл.

² МИА, № 14, стр. 19.

три вида тепе: а) тепе с примыкающими к ним прямоугольными площадками, б) тепе, возвышающиеся внутри четырехугольных укреплений, и в) небольшие тепе в форме четырехугольных построек¹. Первые две категории тепе разбросаны в беспорядке, а третий вид построек имеет определенный план, образуя как бы одну улицу.² Семиреченская экспедиция подвергла раскопочному изучению каждый из этих видов построек. Тепе с площадкой оказалось остатками двухэтажного согдийского замка V—VII вв. (из восьми узких комнат с сводчатыми перекрытиями) с дворовыми постройками.³ Тепе, возвышающееся внутри четырехугольного укрепления, заключало в себе три культурных слоя, соответствующие V—VIII, VIII—X и XI—XII вв.⁴

Один из квадратных бугров, образующих улицу, представлял собой остатки постройки рабада XI—XII вв., датируемой поливной керамикой, железными изделиями и многочисленными монетами Арслан-хана (XI в.).⁵

Раскоп еще на одном отдельно стоящем бугре к югу от цитадели также дал материалы X—XII вв.⁶

Экспедиция надзора на строительстве Большого Чуйского канала производила наблюдения в районе Красноречейского городища и зарегистрировала вскрытые трассой канала несколько групп тепе.

Первая группа, у юго-восточной оконечности с. Ивановского, по найденным вещам датируется временем от VIII—X до XI—XII вв.⁷ Большое количество тепе отмечено к юго-востоку и востоку от пос. Краснореченского. Эти тепе (различных очертаний) расположены на расстоянии 50—100 м друг от друга. Их размеры—диаметр 25—35 м и высота до 3 м. На основании материалов, полученных при вскрытии ряда таких тепе, возникновение их датируется VIII—X вв., однако данных о наличии остатков культуры согдийского населения к югу от древнего городища нет.⁸

Помимо датировки объектов А. Н. Бернштам были высказаны мнения о развитии отдельных частей поселения. Первоначально (V—VII вв.) территория, ныне занятая поселением, была застроена отдельными укрепленными домами типа согдийских «кешков». Замки предшествовали появлению центральных развалин, но признается наличие общей для них крепости⁹. Затем (не ранее VII в.) кешки, как тип поселения, начали отмирать. Они пусты в связи с развитием поселения городского типа (центральных развалин).¹⁰

Для центральных развалин отмечены слои VII—VIII вв.¹¹. Предполагается, что здесь была крепость, синхронная укрепленным домам, расцвет ее относился к VIII—IX вв. В X—XII вв. жизнь здесь продолжалась, но особого расцвета не переживала.¹² Это были шахристан с цитаделью.

¹ МИА, № 14, стр. 14—15.

² А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 72—73.

³ МИА, № 14, стр. 30 и сл.

⁴ Там же, стр. 38 и сл.

⁵ Там же, стр. 43 и сл.

⁶ Там же, стр. 42—43.

⁷ Там же, № 14, стр. 87—88.

⁸ Там же, стр. 88—90.

⁹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 73; ср. МИА, № 14, стр. 11—12 и 14.

¹⁰ Там же, стр. 20; А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 73.

¹¹ МИА, № 14, стр. 20.

¹² А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 73—74; МИА, № 14, стр. 20.

Развитие рабада признается наряду с ростом шахристана¹. Часто отмечаются его значительные размеры, но нигде не приводятся конкретные его границы: то говорится, что его постройки доходили до шоссе Фрунзе—Рыбачье, то приводятся границы значительно дальше вдоль юго-западной оконечности с. Ивановского². Большое количество тепе разных форм к востоку и юго-востоку от пос. Краснореченского, датированных VIII—XII вв., считается за сельские и ремесленные поселения в окрестностях города³ или же его окраинами⁴.

Группа тепе, расположенная у юго-западной оконечности с. Ивановского и далее к востоку, относится к поселениям, находившимся на древней караванной дороге между городами Сарыг и Баласагун. Эти поселения впоследствии были поглощены разросшимся рабадом Сарыга, с которым А. Н. Бернштам отождествлял Краснореченское городище. Обитатели сами покинули эти жилища, переселившись в рабад Сарыга. Наличие на этих поселениях медного дирхема XI—XII вв. объясняется тем, что некоторые участки поселений существовали и в XI—XII вв.⁵

Без дополнительных раскопок нельзя оспаривать предложенную датировку культурных слоев центральных развалин. Но изучение внешнего их вида позволяет не соглашаться с делением его на 5 частей. Мы считаем, что можно выделить центральный четырехугольник, западную пристройку (сейчас уже нет вала, делившего ее на части и отмеченного на старом плане) и юго-восточную основную часть с цитаделью. Последний комплекс по материалам Семиреченской экспедиции делится на две самостоятельные части—восточную с цитаделью и южную⁶. Линия деления в действительности является следом широкой улицы, концы которой в северной и южной стенах хорошо обозначены проемами с привратными сооружениями. От сквозной улицы ответвляется улица на юго-западный угол центрального четырехугольника.

Возникают некоторые сомнения относительно возможности перехода населения в поселение городского типа — шахристан и замирании в связи с этим согдийских замков.

На шахристане нижние слои прорезаны только в одном месте (близ цитадели) и дали материалы VI—VII вв. Нет никаких оснований отрицать наличие таких слоев на центральном четырехугольнике, имеющем не менее мощные наслоения. Таким образом, существование шахристана в VI—VII вв. вполне допустимо.

Как уже говорилось выше, считается, что кешки стали пустеть не ранее VII в. и пустели потому, что жители их переходили в развивающееся поселение городского типа. Если стать на эту точку зрения, то развитие жизни на прилегающей к центральным развалинам территории будет выглядеть следующим образом: сначала заселенная укрепленными домами местность опустела, а затем через некоторое время на ней вновь стали возникать постройки. Вне шахристана в VIII раскопе установлена прямая преемственность наслоений с VI по XII вв.⁷, в раскопах I и II вскрыты

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 74. Его же. Историко-культурное прошлое..., стр. 22—23; МИА, № 14, стр. 20.

² МИА, № 14, стр. 43 и 88.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 135.

⁵ Там же, № 14, стр. 88 и ср.

⁶ Там же, стр. 12 и ср., табл. VIII.

⁷ Там же, № 14, стр. 39, А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 88 и сл.

слои V—VII вв., а в раскопах V и VII более поздние. Кроме того установлено, что с VIII в. была заселена территория далеко к югу от центральных развалин¹.

При наличии преемственности культурных наслоений за пределами шахристана, а также при наличии слоев с V по XII вв. на шахристане, предположение о запустении одной части поселения и переходе жителей в другую его часть едва ли будет правильным.

Нам представляется, что обе части поселения развивались постепенно, и запустения в связи с переходом жителей из одной части в другую не было. На постройках согдийского времени возникали в процессе поступательного развития поселения последующих времен.

Чрезвычайно важным для объяснения застройки на территории, прилегающей к центральным развалинам в средневековье, является открытие длинного вала, окружающего это пространство. К юго-западу от цитадели на протяжении двух км вал прослеживается не везде, но отдельные хорошо видимые отрезки бесспорно подтверждают его наличие. За шоссе Фрунзе—Рыбачье вал продолжается непрерывной линией, идущей к юго-востоку. Вскоре он, пересекая каналы Чупра и БЧК, меняет направление и образует громадную дугу, уходящую к западу, затем снова возвращается к каналам и здесь теряется. Не видно вала и вдоль восточной околицы пос. Краснореченского, но в северо-восточной части он опять ясно выступает. С запада вал не примыкал к центральным развалинам, а уходил по пойме Чу к северу. Возможно он охватывал и часть поймы Чу к северу от центральных развалин. Общая длина его около 14,5 км. Если считать периметр поселения вместе с центральными развалинами, входящими в кольцо вала, то он будет равен не менее 17,5 км.

В настоящее время вал имеет высоту 1—1,5 м и ширину по основанию 10—12 м. В северо-западной части при работе археологической группы под нашим руководством он был прорезан поперечной траншеей для изучения его строения. Вскрытие показало, что вал является оплывшей глинобитной стеной толщиной 3 м, сохранившейся на высоту 1 м. В южной части от основного кольца вала в западном направлении отходит еще вал, протяжением свыше 1,5 км, который сильно распахан и нигде не замыкается.

Длинным валом окружены все холмы, зарегистрированные экспедицией надзора на строительстве БЧК, к юго-востоку и востоку от пос. Краснореченского, и те, которые считались остатками сельских и ремесленных поселений в окрестностях Сарыга². По-видимому, была окружена валом и часть тепе, зарегистрированных к юго-западу от с. Ивановского. Считавшихся поселениями на торговом пути.³

То обстоятельство, что это большое количество остатков построек было объединено в один комплекс длинной стеной, позволяет пересмотреть прежние представления о них.

Выше приводились наблюдения за отдельными частями этого поселения, сделанные во время обеих предшествующих экспедиций. Очень характерно в этом отношении замечание А. Н. Бернштама о предместье—рабаде Краснореченского городища: «Предместье, видимо, было все в садах. Небольшие четырехугольные в плане дома отстоят на сравнительно боль-

¹ МИА, № 14, стр. 89.

² Там же, стр. 88—90.

³ Там же, стр. 87—88.

шом расстоянии друг от друга»¹. А в другом месте высказывается предположение о наличии между домами садов и полей².

По внешнему виду остатки построек и близ центральных развалин и в 3—4 км к югу от них характеризуются различными формами. Но если близ шахристана они содержат слои от V—VI до XI—XII вв., то холмы в южном секторе поселения дают вещевые материалы не ранее VIII—XII вв.

Перед нами довольно наглядная картина роста поселения, зародившегося в V—VI вв. и к концу VIII в. достигшего огромных размеров. Наличие остатков построек IX—XII вв. за пределами длинной стены (у с. Кенбулунь и Ивановского) свидетельствует о том, что в пору наивысшего расцвета поселение переросло границы, обозначенные стенами.

Подобная картина постепенного роста поселения установлена нами на основании раскопочных данных в Толекском городище и на городище Шиш-Тюбе. У городища Ак-Бешим (о чем см. ниже) мы также видим часть построек за пределами длинных стен. Приведенные топографические и раскопочные данные по Краснореченскому городищу не противоречат сведениям письменных источников и археологическим материалам об этапах сложения средневекового города в других частях Средней Азии.

Сюань-Цзан, описывая города Средней Азии начала VII в., приводит их размеры. Древний Ташкент (тогда Чач или Бинкет) имел 5 км (10 ли) в окружности, Тараз — 4—4,5 км (8—9 ли), Касан — 2 км (5 ли); Пайкенд, по данным археологического обследования, — 2 км в окружности (при площади в 20 га), площадь Бухары, согласно В. А. Шишкину, — 35 га. Только Мерв и Самарканд были значительно большими³.

Как видим, в письменных источниках начала VII в. нет сведений о больших городах в Средней Азии. На основании этого мы можем считать, что длинные стены типа Краснореченских возникли позднее, ориентировочно в VIII—IX веках.

Часть поселения, окруженную длинным валом-стеной, считать рабодом, ремесленным предместьем города из-за огромных размеров и своеобразия ее застройки мы не можем. Все наши соображения по данному вопросу будут изложены после характеристики развалин остальных поселений.

На основании раскопочных данных Семиреченской экспедиции и наших материалов, собранных при снятии планов о Краснореченском городище, с несомненностью можно говорить, что вся его территория, окруженная длинной стеной, была застроена. Застройка в центре, возможно, была сплошная, а по окраинам, бесспорно, усадебного типа. Об этом свидетельствует рассредоточенность построек на 50—100 м друг от друга. Жители занимались как ремесленно-торговой деятельностью, так и сельским хозяйством, что подтверждается данными раскопок, вскрывших близ шахристана и далеко к югу от него следы винодельного производства и другие признаки земледельческого производства⁴.

Городище Ак-Бешим (рис. 2) расположено в 5 км к юго-западу от с. Старая Покровка Чуйского района.

¹ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое..., стр. 23.

² МИА, № 14, стр. 90.

³ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Труды Таджикского ФАН СССР, т. XXIX. Сталинабад, 1951, стр. 10.

⁴ МИА, № 14, стр. 44, 90.

Здесь центральные развалины, как и в Краснореченском городище, наиболее развиты и по своим размерам составляют самый больший процент общей территории. Они состоят из двух частей. Основная, с наибольшей культурной толщей, достигающей 7,5 м в плане представляет неправильной четырехугольной формы бугор, ориентированный сторонами по странам света, но с отклонением до 15° . Юго-западный угол занят цитаделью, имеющей четырехугольный план с размерами у основания 60×60 м, по верху 30×30 м. Цитадель возвышается над стенами и внутренним пространством этой части городища до 8 м. Она имела по всем четырем углам мощные башни, но в настоящее время сильно оплыла и в некоторых местах разрушена прежними раскопками.

Западная оплывшая стена центральных развалин длиной 400 м непрямая. Средний ее отрезок двумя изгибами выступает к западу до 5 м.

На стене видны бугры от 10 башен. Башня в северо-западном углу сильно выступает за линию стен.

Северная стена длиной 600 м также непрямая. В ней средний отрезок углублен внутрь городища. На западном конце выступа очень мощная башня, охранявшая расположенный здесь вход. Восточный отрезок стены сильно отклоняется к югу. В нем находился и сейчас хорошо видный широкий въезд и бугры 4 башен.

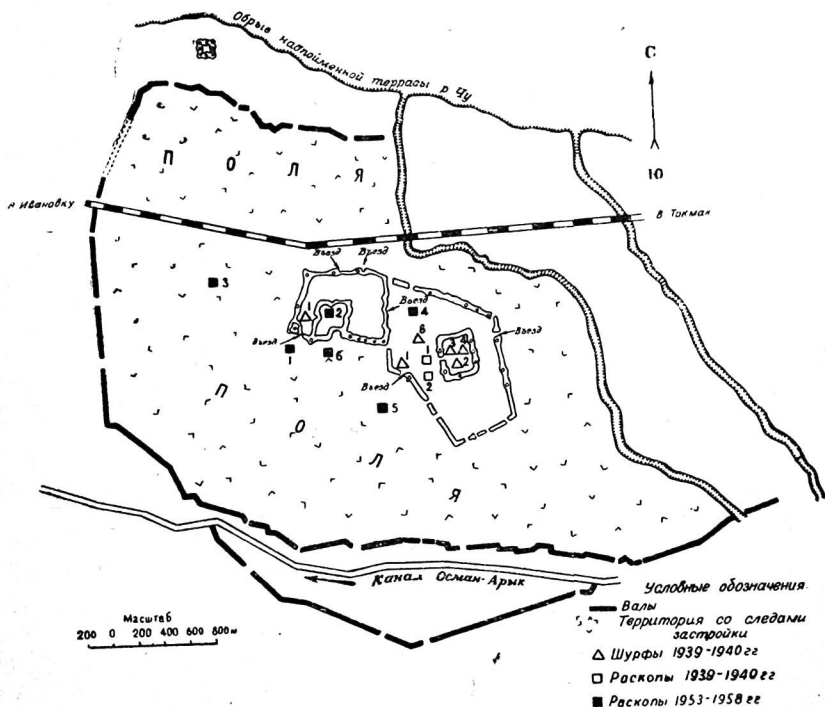

Рис. 2. Схематический план городища Ак-Бешим.

Восточная прямая стена имеет длину 500 м. в ней четко видны 11 бугров башен и два въезда, хорошо защищенных башнями.

Южная стена в виде ломаной кривой длиной 700 м. В центре— большой прямоугольный уступ внутрь городища с башнями по углам, в восточной части его располагается въезд. Между этим уступом и цитаделью есть конусовидный выступ с башней в углу. Всего в южной стене 9 башен.

Внутреннее пространство центральных развалин имеет неодинаковые культурные толщи. К востоку и частью к северу от цитадели находился значительных размеров двор. В юго-восточном углу наслоения значительно возвышаются над уровнем двора цитадели. Наибольшая культурная толща находится в центральной части. Здесь видны пересекающиеся под прямым углом две основные улицы, идущие параллельно внешним стенам. В северо-восточном углу поверхность снижена, а в юго-восточном (также с более низкой поверхностью) видны развалины постройки дворцового типа.

К восточной стороне основной части центральных развалин примыкает вторая их часть, с несравненно менее мощными культурными наслоениями. Она, по-видимому, возникла в более позднее время, так как при одновременном их строительстве не было смысла укреплять восточную стену основной части. Описываемые развалины в плане имеют форму неправильного пятигранника, ограниченного оплывшими стенами со следами башен. Большую часть западной стены пристройки составляет восточная стена основной части, к которой с юга примыкает более низкий отрезок (вся длина стены 870 м). Юго-западная стена изломана под углом, углубленным во внутрь. В центре его очень большая башня (диаметр 40 м, высота 5 м) западнее которой, по-видимому, был проезд. Других башен в стене с уверенностью выделить нельзя. Длина всей стены 850 м. Юго-восточный вал длиной 500 м имеет ясные следы пяти башен, две из которых расположены по бокам въезда.

Восточная стена длиной 850 м. В ней видны 4 башни, между двумя самыми северными был проезд. Северо-восточная—длиной 900 м — имеет следы 9 башен. В ее западной части находились ворота, вторые ворота были на стыке северо-восточной и восточной стен. Внутреннее пространство описанной части центральных развалин не на всей своей площади имеет культурные наслоения. Сейчас выделяются разных размеров холмы — остатки одиночных построек.

Примерно в центре пятигранника расположен большой туркуль размерами с востока на запад 200 м и с севера на юг 300 м, ограниченный невысокими валами. Он также содержит слабый культурный слой.

Территория вокруг центральных развалин давно распахивается. В течение последних 3—4 лет здесь землеройными машинами были произведены значительные планировочные работы, в результате которых многие холмы, особенно в южной части, разровнены. Несмотря на это, на поверхности видно еще значительное количество бугров — остатков построек.

К югу от центральных развалин вдоль южной стены имеется серия крупных бугров разного плана. Один из них—западный, был раскопан в 1953—1954 гг. Под ним оказались развалины 1 буддийского храма. Вторым на востоке раскопан в 1955—1957 гг. и оказался остатками 2 буддийского храма.

К северу от центральных развалин и железной дороги Фрунзе—Токмак

преобладают холмы высотой до 1,5 м и диаметром 10,5—15 м. Но встречаются бугры высотой 1,5—2 м и диаметром 20—40 м. Соотношение первых и вторых 5:1. Одни из них расположены в ряд с запада на восток, по 5—6 холмов на расстоянии 40—50 м друг от друга. Другие ряды идут с севера на юг на расстоянии от 15 до 50 м. Остатки построек подступают вплотную к северной стороне длинного вала.

Подобная же картина наблюдается к западу от центральных развалин. Холмы расположены на расстоянии в среднем 30—50 м (максимальное расстояние между холмами 150 м) размеры от 8×10 м до 40×50 м, высота 0,8—2 м. Здесь какой-либо системы в их расположении проследить нельзя. В этой части отмечено несколько тепе с площадкой размером 40×40 м. Высота тепе 2,5 м, площадки—0,8—1 м. Среди них сохранился один сложный комплекс развалин, составляющих замкнутый четырехугольник с коническим холмом в центре. Холмы тянутся до самого длинного вала. Следует отметить, что около вала холмики сохранились лучше и их здесь больше, чем около центральных развалин.

Длинный вал окружает пространство со следами застройки с севера, запада и юга. На востоке для обороны поселения был использован широкий, с совершенно отвесными берегами овраг, глубиной 4—5 м; к нему примыкают южная и северная части вала. Общая протяженность застроенного вала около 11 км. Если прибавить к этому еще ров, заменявший стену с востока, то получится неправильной формы кольцо длиной около 16 км. Высота вала 1,2—1,5 м, ширина по основанию до 12 м, в западной части видны небольшие возвышения над его гребнем, отстоящие друг от друга на 20—40 м и слабо напоминающие оплывшие башни. В длинном вале этого городища более часто, чем в других, употреблен оборонительный прием коротких зигзагообразных изгибов линии стены для обеспечения обороны с флангов.

В одной из промоин удалось проследить технику сооружения вала. Стена, видимо, делалась в опалубке из жидко разведенной глины с мелкой галькой. Галька оседала на дно, что видно из отдельных слоев толщи стены, достигающих 30 см.

К первому длинному валу примыкают отрезки не прослеженного полностью второго длинного кольца валов. Один отрезок начинается в юго-восточной части и идет в западном направлении на разных расстояниях от первого с небольшим удалением до 700 м. Общая протяженность его свыше 3000 м, затем он теряется. Второе ответвление, начинаясь в юго-западной части, тянется в западном направлении на протяжении 1100 м. Третье — начинаясь в северо-западной части, также идет в западном направлении. Видимо, последние два ответвления соединялись где-то на западе, образуя одно кольцо.

В западной части окруженного этими валами пространства кое-где видны отдельные бугры — остатки построек. За пределами первого длинного кольца вала особенно много развалин строений в северной части, в районе расположения городища Малый Ак-Бешим (к востоку от него). Здесь расположены очень крупные холмы высотой свыше 2 м и диаметром 20—30 м. Они тянутся по обрывистому краю надпойменной террасы далеко на восток. Многие из них имеют вид тепе с площадкой или турткулей, а также укрепленных усадеб со значительными валами.

Рассмотрим результаты раскопок, произведенных Семиреченской археологической экспедицией и Чуйским археологическим отрядом Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции.

Семиреченская экспедиция сосредоточила основные раскопочные работы в восточной части центральных развалин. Были раскопаны два холма, расположенные в одном комплексе. Комплекс отождествлялся с буддийским монастырем.¹

Под одним из холмов оказались остатки постройки не совсем выясненно-го плана, сооруженной из массивных сырцовых кирпичей размерами $40 \times 28 \times 10$ см и состоящей из небольших комнат. Постройка датирована XI—XII вв. н. э.

Под вторым холмом вскрыты остатки часовни, входившей в комплекс буддийского монастыря XI—XII вв. Позднее А. Н. Бернштам передатировал эту постройку, отнеся ее к IX в.²

В этом комплексе был заложен шурф на одном из холмов. В нем зафиксирован слой битой черепицы из красной глины и часть керамического карниза. Бытовых предметов нет. Материалы синхронны раскопам буддийского монастыря.³

Один из холмов, расположенных в большом турткуле, находящемся посредине восточной части центральных развалин, был прорезан траншеей, которая вскрыла часть здания из сырцового кирпича. Бытовой материал представлен бедно. Здание датировалось по черепице, найденной и в других раскопах, XI—XII вв.⁴

Кроме того, был поставлен шурф на холме в юго-западном углу восточной части центральных развалин, им вскрыты остатки постройки XI—XII вв. с серой черепицей и сырцовым кирпичом.⁵

На высоком холме близ западной стены прорезано два разновременных культурных слоя. По монетным находкам, керамике и строительной технике они датируются VII—X вв.⁶

Таким образом, часть раскопов в восточной части центральных развалин вскрыла слои, датируемые исследователями XI—XII вв. и связываемые с деятельностью кара-китаев. Другая часть раскопов и шурфов прорезала более ранние слои VII—VIII вв.

За пределами центральных развалин (к югу) был заложен единственный шурф на большом холме. Вскрытые слои свидетельствуют, что здание было либо синхронным, либо предшествовало центральной крепости.⁷

Раскопочные работы Чуйского археологического отряда в полевые сезоны 1953 и 1954 гг. были сосредоточены на пяти объектах.⁸

На основной части центральных развалин, (объект II) изучался стратиграфический раскоп № 4 площадью 84 м^2 и глубиной $8,5 \text{ м}$ (рис. 3 и 4).

На основании анализа керамики и монетных данных строительные остатки нижних слоев датируются V—VI вв., а в верхних — IX—X вв.

В восточной части центральных развалин был раскопан холм (объект IV), оказавшийся остатками христианской церкви VIII в. с кладбищем.

Три объекта раскапывались за пределами центральных развалин (I, III и V).

¹ МИА, № 14, стр. 48 и сл.

² А. Н. Бернштам. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. Сб. «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 295.

³ МИА, № 14, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ Там же, стр. 48.

⁷ Там же, стр. 11.

⁸ Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, М.—Л., 1957, стр. 88—96.

Огромные работы проделаны при раскопках буддийского храма VII—VIII вв. в 100 м к югу от цитадели (объект I). Собран очень обильный и ценный материал по строительной технике, архитектуре, скульптуре и живописи. Храм, по определению руководителя работ, был разрушен кочевниками во второй половине VIII в. Но в IX—X вв. часть его снова использовалась под жилые помещения, оседающим на землю тюркским рядовым населением, что датируется, кроме стратиграфии, керамикой и монетным материалом.

В 400 м к западу от цитадели, в группе близко стоящих холмов, был раскопан небольшой, стоящий в центре холмик (объект III), под которым вскрыты остатки погребального комплекса VII—VIII вв. с захоронениями в хумах, камере и склепе.

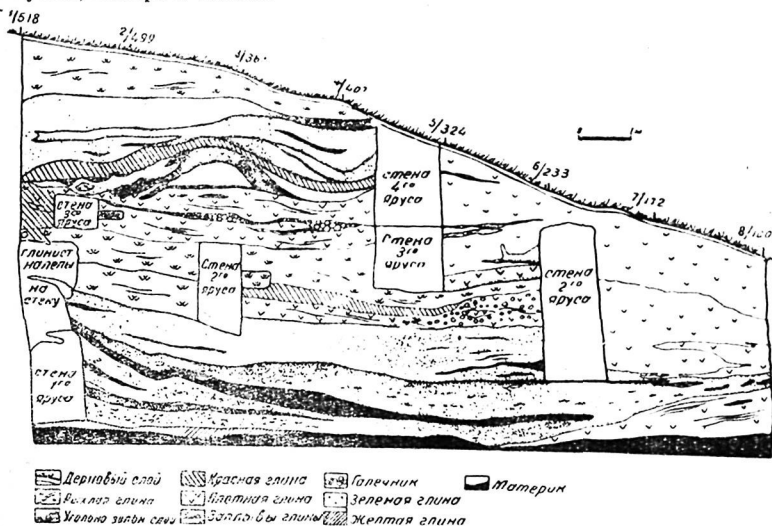

Рис. 3. Западный профиль стратиграфического раскопа на городище Ак-Бешим.

Недалеко от юго-западной стены восточной части центральных развалин был раскопан одиноко стоящий холм, под которым вскрыты остатки замка VI—VII вв. (объект V). Найден ряд архитектурных деталей, склеп с оссуарными погребениями и некоторое количество бытовых вещей.

В 1955—1958 гг. Ак-Бешимский отряд под руководством Л. П. Зяблина вскрыл второй буддийский храм (объект VI), имеющий некоторые отличия в планировке. Здесь найдены настенные росписи клеевыми красками и фрагменты глиняной скульптуры.

На основной части центральных развалин отряд заложил два небольших раскопа, давших материал, аналогичный стратиграфическому раскопу 1953—1954 гг., который подтвердил датировку верхних слоев города IX—X вв.¹

¹ Л. П. Зяблин. Археологические работы на Иссык-Куле и Ак-Бешимском городище в 1955 г. Рукописный фонд Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 1743.

На основании материалов из этих раскопок, а также наблюдений за топографией развалин, возникло несколько мнений по вопросу общей планировки города и датировки его жизни.

И в предварительных публикациях, и в сборнике трудов Семиреченской археологической экспедиции, как уже было подчеркнуто, неправильно были определены границы городища Ак-Бешим. Упоминались только две части центральных развалин, да группа больших бугров к югу от них. Причем считалось, что южные холмы синхронны или предшествуют центральной крепости, возникшей в V—VI вв., а восточная часть возникла только в кара-китайское время (XII в.).

Хотя жизнь города определяется с V по XIII вв., мы в литературе не встречаем данных о росте города за это время, за исключением указания на пристройку в XII в. восточной его части. Нет ни одного слова о рабаде города, отождествляемого А. Н. Бернштамом с Баласагуном (столицей

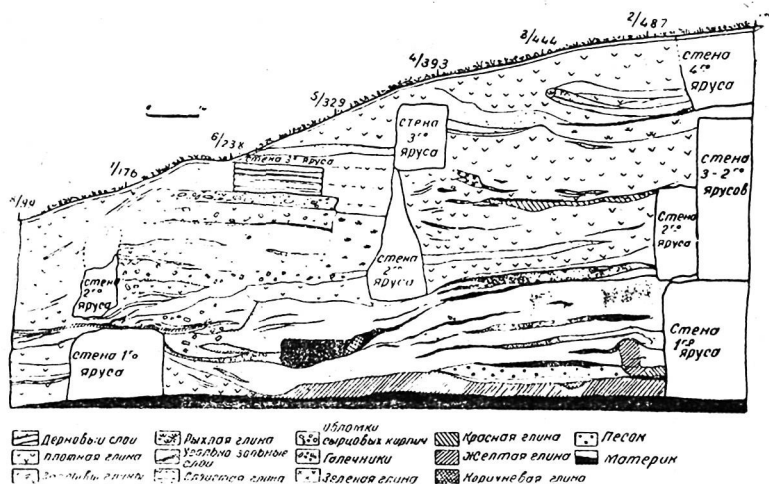

Рис. 4. Восточный профиль стратиграфического раскопа на городище Ак-Бешим.

Средней Азии в XI—XII вв.), который по сведениям письменных источников был очень большим городом и существовал до XIV в. Зарегистрированный отдельными отрезками вал к топографии городища не относился, а считался ирригационным сооружением.

Мы считаем, что представление о городище Ак-Бешим, высказанное на основе работ Семиреченской археологической экспедиции, с получением новых данных требует значительных поправок и дополнений.

Во-первых, в комплекс городища нужно включать, кроме центральных развалин, и все мелкие холмы, окруженные длинной стеной, что изменяет представление о структуре города вообще.

Во-вторых, сейчас нельзя считать, что восточная часть центральных развалин возникла только в XII в. Против этого говорят материалы VII—VIII вв. Семиреченской экспедиции и христианская церковь VIII в., раско-

панная Чуйским отрядом в 1954 году, а также вышеупомянутая передатировка материалов А. Н. Бернштамом по основным его объектам.

Начальник Чуйского отряда Л. Р. Кызласов хронологические рамки города суживает (V—X вв.), полагая, что в караханидское время город уже лежал в развалинах. Он считает основную часть центральных развалин шахристаном города, восточную часть мало застроенным рабадом, окружающее их большое пространство со следами довольно густой застройки — одиночными зданиями, ограниченное с трех сторон длинной стеной — городской округой.¹

Такое представление о городе также вызывает ряд возражений.

Во-первых, конечная дата—X век—для всего поселения едва ли будет правильной. Караханидская керамика, не получившая в Чуйской долине в IX—XII вв. столь широкого распространения, как в других районах Средней Азии, все же встречена здесь в подъемном материале в нескольких местах на центральных развалинах и за их пределами, а также зарегистрирована Семиреченской экспедицией почти для всех раскопов в восточной части центральных развалин. Встречена она и в верхних слоях буддийского храма. В нескольких пунктах развалин найдены и караханидские монеты. Наконец, историческая обстановка X—XII вв. (период бурного развития оседло-земледельческой жизни в Чуйской долине, как и во всей Средней Азии) не дает оснований допускать, чтобы в этот период большое хорошо обжитое поселение было заброшено.

Во-вторых, нельзя согласиться с отождествлением восточной части центральных развалин с малозастроенным рабадом, в котором не было сплошного культурного слоя, а были разбросаны кое-где отдельные здания. С одной стороны известно, что к концу IX—X вв. процесс сложения феодальных городов Средней Азии завершился. С другой,—если рабад и шахристан нам известны, то трудно объяснить расположение двух больших буддийских храмов сразу же за их пределами при наличии свободных мест в рабаде.²

Нам представляется, что топографическую структуру городища Ак-Бешим есть все основания отождествлять с топографией более полно изученного Краснореченского городища. Это позволяют и хронологические рамки жизни обоих городищ V—XII вв., и топография развалин. В обоих случаях мы имеем большие по площади, состоящие из двух или нескольких частей, центральные развалины (шахристан феодального города) со следами мощных укреплений и огромными культурными наслоениями, в одном углу которых находится цитадель.

Окружающие шахристан, рассредоточенные на большом пространстве одиночные холмы—это, как и в Краснореченском городище, остатки построек жителей, занимавшихся как ремесленно-торговой деятельностью, так и сельским хозяйством. Назвать эту часть ремесленным предместьем будет неправильно.

¹ Л. Р. Кызласов. О работе Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ вып. 26, М., 1957, стр. 88.

² Примечание редактора. Ответственный редактор книги Л. Р. Кызласов не может согласиться с такой точкой зрения автора по поводу даты заупустения городища Ак-Бешим и с приведенными автором соображениями по этому поводу. Он оставляет за собой право вернуться к обоснованию этого вопроса на страницах печати.

щадкой, размером с запада на восток 100 м и с севера на юг—120 м. Площадка расположена к северу, но небольшой террасой обходит тепе и с восточной стороны. Тепе сильно приподнято над площадкой, которая, в свою очередь, возвышается над всей остальной поверхностью городища. И тепе, и площадка, вероятно, представляли сплошной комплекс построек с основным входом в восточной стене.

К цитадели примыкает небольшой двор, въезд в который был в южной стене между тепе и башней.

Южная стена имела пять башен, следы которых хорошо видны. Через стену в южную часть входил ручей.

Западная стена, проходившая вдоль берега лога, слабо выражена. Значительных укреплений на ней не видно, заметно всего два холма от башен. Примерно в середине стены находился узкий проезд к ручью в лог. Возможно это был въезд через подъемный мост. Северная стена сильно оплыла. Через нее вытекал ручей, входивший сквозь южную стену. На ней сохранились только две башни: одна около проема ручья, а вторая, очень мощная и сильно вынесенная наружу, в северо-восточном углу.

Восточная стена сохранила в пролете следы всего двух башен. Особо больших размеров достигает северная, возвышающаяся над уровнем стены до 2,5 м и выступающая за ее линию до 15 м. Между ними был въезд, являющийся, по-видимому, основным в этой части. Холм чрезвычайно мощной башни находится на северо-восточном углу.

Внутреннее пространство южной части не везде имеет одинаковую толщину культурных наслоений. Наибольший массив лежит ближе к цитадели и западной стене. Он имеет форму неправильного холма, занимающего около трети внутреннего пространства—от двора цитадели до северной стены. Против проема в южной стене расположен большой плоский холм и несколько меньших холмов, тянувшихся по направлению к северной стене. Участок внутреннего пространства, прилегающий к восточной стене, наиболее понижен и был меньше застроен, здесь видно всего несколько невысоких холмов.

Северная часть центральных развалин примыкает узким (в 130 м) перешейком к северной стене южной части, а затем неправильным многогранником расширяется до 550 м. Размер ее с севера на юг 500 м. Эта часть представляет собой холм с неровной поверхностью, высоко поднимающийся над окружающей местностью. Характерно, что внутреннее пространство на большой площади выше краев, и валы здесь не выступают так четко, как в северной части, хотя в некоторых местах периметра видны очень ясно, особенно в пунтах, где были проемы ворот, защищенные башнями.

Таких проемов несколько. Один из них находится в восточной стороне и имеет выносную башню. Он ведет в небольшой дворик с хаузом размерами 30 м с востока на запад, 50 м с севера на юг. Второй проем в северной стороне с мощной далеко вынесенной башней и пандусом. Дорога через этот въезд вела по улице мимо большого хауза, расположенного здесь, на самую возвышенную часть. В северо-западном углу, где площадка наиболее низкая, располагался третий въезд, а в западной стороне, защищенной выносной башней,—четвертый. Последний, пятый, воротный проем в южной стене соединял южную и северную части центральных развалин.

По мощности культурных наслоений северная часть городища производит впечатление застраивавшейся более плотно и длительно. Возникла она, по-видимому, позже южной части, но жизнь здесь была более интенсивной. По толщине наслоений ее можно разделить на три части. Первая, наиболее возвышенная, находится примерно в середине, располагаясь вокруг высокого бугра сферической формы. Вторая площадка, окружающая первую со всех сторон, имеет сильно сглаженную поверхность, понижающуюся к северо-востоку. Третья, самая низкая часть (около 2 м над окружающей местностью), занимает северо-западный угол и, возможно, является самой поздней пристройкой.

На большом пространстве вокруг центральных развалин к северу, востоку и западу разбросаны разной величины холмы—остатки небольших одиночных построек. В северо-восточном и самом южном секторах явных следов застройки нет, что может быть связано с многолетней распашкой местности под посевы.

На распаханых полях довольно часты находки керамики, в том числе и поливной. Наблюдения над этой частью поселения позволяют говорить о нескольких типах застройки на ее территории.

Близ центральных развалин сосредоточены крупные (диаметром в 15—40 м, высотой 1,5—2,5 м) холмы, отстоящие друг от друга в среднем на 40—60 м. Расположены они беспорядочно.

Далее, по направлению к внешней длинной стене, в некоторых местах прослежены ряды холмов высотой 1,5—2 м и диаметром 25—30 м на расстоянии 40—70 м друг от друга, напоминающих расположением ряды домов на улице.

У самой длинной стены небольшими квадратами (размером 60×60 м) и прямоугольниками (размерами 80×100 м) располагались постройки усадебного типа. Они обнесены валиками шириной у основания 4—6 м и высотой 0,4—0,6 м. В одном из углов или у одного из валов возвышается холм диаметром 15—20 м и высотой 0,8—1 м.

Все пространство с развалинами незначительных построек обнесено длинным валом, имеющим форму неправильного многогранника с периметром свыше 12 км. Сильно оплывший вал во многих местах размыт или распахан, но периметр его прослеживается четко, за исключением двух разрывов: в южной стороне, где вал на протяжении 1 км был разрушен при строительстве водоемов и отстойников для сахарного завода, и в северо-восточной стороне, где проходит лог шириной 200 м. Высота вала достигает 1,5—1,7 м, ширина по основанию 10—12 м, по верху—3 м. В цепь вала местами включены большие бугры, по-видимому, остатки башен, охранявших проезды или древние курганы. По обоим сторонам вала видны рвы глубиной 0,8—1 м, шириной 6—10 м.

Разрез вала показал, что он является сильно оплывшей глинобитной стеной шириной внизу до 2,7, вверх—2,5 м. Сохранившаяся высота равна 0,75 м. Остальная часть стены разрушена корневой системой растений и потеряла плотность и цвет.

От описанного кольца оплывшей стены на юго-востоке отходит еще одна стена в виде ломаной кривой, прослеживаемой к югу на протяжении 1 км и теряющейся при самом входе в с. Калининское. В юго-западном секторе находится другая ветвь вала, идущая к югу и теряющаяся на южной окраине с. Калининского. От северо-восточного участка стены тянется третья ветвь в виде ломаной линии, длиной около 800 м.

Вполне вероятно, что эти ответвления вала от первого длинного коль-

ца шли ко второму длинному кольцу, деля окруженное пространство на отдельные секторы.

Второе кольцо прослежено на три четверти своего протяжения. Оно идет «концентрически» к первому на расстоянии 0,5—3 км. От него достаточно хорошо сохранились западная, северная и восточная стороны, от южной же—значительные отрезки только в западной и в восточной частях. Средняя часть вала проходила по усадьбам с. Калининского, вдоль железной дороги через территорию сахарного завода, и от нее никаких следов не осталось.

Общая длина второго вала составляет 28 км. Он охватывал на юге всю теперешнюю территорию с. Калининского и частично селений Ново-Николаевского и Александровского, а на севере—территории колхозов им. Федорова, «Джекен» и «Ирису». Общая площадь, окруженная вторым валом, по приблизительным подсчетам, достигала 50 кв. км.

Ко второму, 28-километровому кольцу вала, в северо-восточном пункте примыкает полукольцо длиной около 5 км. Второе полукольцо небольшим отрезком заметно на юго-западе.

Разрез вала показал, что он был насыпным (высота 1,36 м, ширина по основанию 12 м), полусферической формы, по внешней стороне его шел ров (шириной 8 м, глубиной 0,60 м).

Каких-нибудь остатков застройки на этой территории не зарегистрировано.

Приведенные выше данные о наличии двух колец валов позволяют не согласиться с выводами экспедиции надзора за строительством БЧК, принявшей остатки построек внутри первого кольца валов за сельские поселения,¹ а отрезок второго длинного вала за ирригационное сооружение.²

Совершенно очевидно, что все одиночные постройки, окруженные стеной, представляют единый комплекс с центральными развалинами. К тому же поселение имело второй вал, ограждающий прилегающую округу.

Городище до наших работ раскопочному изучению не подвергалось. Чтобы проследить процесс развития этого огромного населенного центра, мы заложили четыре разведочных раскопа площадью 6—10 м² в обеих частях центральных развалин и за их пределами.

Раскоп в южной части центральных развалин несколько северо-восточнее цитадели (площадью 6,5 м²), прорезал толщу культурных наслоений в 3,6 м. С западной стороны раскопа для удобства выброса земли была сделана прирезка площадью 1×1,5 м, доведенная до глубины 1 м. Наивысшая точка внутреннего пространства центральных развалин возвышается над уровнем места раскопа не более чем на 1,2 м. Следовательно, наибольшая культурная толща в этой части шахристана не достигала 5 м.

До отметки 2,35 м в раскопе отмечены относительно мягкие лёссово-глинистые напластования с зольными линзами, далее следуют сильно слежавшиеся лёссово-глинистые слои разных оттенков; с отметки 2,5 м пошли слои глины с галькой, а глубже при такой же общей структуре стали попадаться окатанные камни средней величины. В западном срезе раскопа (с глубины 0,85 и до 2,2 м) выступает стена из сырцового кирпича толщиной 8 см (другие промеры установить не удалось), ее очертания вследствие разрушений имеют неправильные формы.

Перестройки, заметные в стене, а также подстилающие и перекрывающие слои позволяют говорить о четырех строительных горизонтах.

¹ МИА, № 14 стр. 99; А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое..., стр. 25.

² МИА, № 14 стр. 99.

Из раскопа получен обильный керамический материал, относящийся к VI—XII вв. В нижних слоях преобладает лепная керамика. Среди нее наиболее характерны фрагменты сосудов с интенсивным красным лощением. Весьма показательна находка ручки от глиняной крышки оссуария со схематическим изображением лица человека.

Средние слои характеризуются наличием лепной посуды: достарханов с врезным орнаментом, серии орнаментированных крышек с ручками различной формы, светильника на трех ножках, боковин сосудов, а также станковой посуды — узкогорлых кувшинов, поддонов чаш и др.

В верхних слоях преобладает станковая керамика разнообразных форм, весь комплекс которой хорошо датируется высококачественной поливной посудой с росписью X—XII вв.

Раскоп в северной части центральных развалин площадью 6 м² также был расположен не на самой высокой точке (до высшей точки от уровня раскопа около 2,5 м). До глубины 2,8 м раскоп снимался со всей площади, а дальше до 4,1 м углублялся только в южной части на площади 1,5×1,5 м.

Стратиграфия наслоений очень трудно читается. Верхние слои до 1,75 м состоят из глины и золистых пятен. На глубине 1,75—2,6 м из-под западного обреза в раскоп выступила сырцовая стена, сложенная из кирпича размером 40×20×10 см и 30×22×15 см. По всему раскопу на отметках от 1,75 до 2,25 м шел мягкий завал.

На отметках 2,25—2,4 м залегала плотная глиняная прослойка, возможно, пол здания, к которому относится и стена. Ее подстилает золистая прослойка толщиной 20 см, а ниже чередуются тонкие слои разных структур.

В раскопе также много керамического материала, позволяющего датировать наслоения. Его отличительной чертой является то, что поливная керамика в комплексе с резко преобладающей станковой посудой встречается в большей части наслоений. Так, она была встречена на первых трех метрах, и только последний метр не дал поливной керамики. Лепная керамика в верхних слоях встречается довольно редко (несколько фрагментов, крышек и боковин сосудов), зато в последнем слое она находится совместно со станковой.

Весьма интересна находка терракотовой фигурки льва, сидящего на задних лапах. Сохранилась нижняя часть тулова (отсутствуют верх спины и голова). Грива и шерсть на тулове изображены вдавленными полукруглостями, исполненными камышинкой. На груди аналогичные вдавления сделаны каким-то специальным приспособлением. Этот комплекс можно датировать VII—XII вв.

Раскоп площадью 10 м² на одном из больших холмов за пределами центральных развалин, с восточной стороны, прорезал культурные наслоения мощностью 2,07 м. Эти слои состоят из черной однородной глинистой земли до глубины 0,45 м, далее из разноцветных наслоений такого же характера. На глубине 0,7 м в срезе по всем сторонам отмечена выкладка из сырцового кирпича (30×18×9) в один слой, под которой проходит однородный завал из мягкой темной земли. Эту вымостку можно считать полом второго строительного горизонта. Других данных к делению культурной толщи нет.

В верхнем горизонте встречена как лепная, так и станковая посуда, в том числе поливная. В нижнем горизонте преобладает лепная керамика. Редко встречаются фрагменты посуды с красным лощением. Большинство же лепной посуды без лощения: жаровни, горшкообразные сосуды, крыш-

ки с густым процарапанным орнаментом, ручки крышек и др. Но здесь есть лепная керамика — котлообразный сосуд с одной сохранившейся конической ножкой, крышки с процарапанным орнаментом и пр.

Материалы раскопа позволяют датировать нижний ярус VI—IX вв., а верхний X—XII вв.

Второй раскоп вне центральных развалин был разбит на холме, в турткуле, расположенном в 170 м от северного вала. Турткуль представляет собой остатки усадьбы, стоящей в группе ей подобных. Усадьба ограничена валами высотой 0,6—0,8 м, шириной по основанию 4—5 м. Размер усадьбы 42×60 м. В юго-восточном углу турткуля возвышается небольшой холм высотой 1,4 м, диаметром 18—20 м.

Раскоп площадью 10 м² показал, что культурные наслоения достигают 1,2 м. Стратиграфия почти не различается. Только на глубине 0,6 м в срезе северо-западной стены виден слой плотной глины, напоминающий глинобитную стенку. Находок в этой рядовой постройке, как и следовало ожидать, мало. Встречена серия фрагментов станковой посуды и равное количество лепной керамики: горшкообразных сосудов, крышек с процарапанным орнаментом, часть достархана и др. Интересна находка крышки с ручкой в виде фигурки сидящей птички.

Весь комплекс находок с учетом того, что он найден в небольшой постройке рядового горожанина, можно датировать X—XII вв.

Таким образом, стратиграфические данные и керамический материал говорят о том, что южная часть шахристана с цитаделью является наиболее древним элементом в городище Шиш-Тюбе, зародившимся около VI в. и просуществовавшим до XII в. Северная часть шахристана возникла позже (не ранее VII в.), но застроена гуще, и жизнь на ней была гораздо интенсивнее. Поэтому культурные наслоения времени X—XII вв. здесь достигают трехметровой толщины. Она возникла в то время, когда южная часть с цитаделью, являвшаяся военно-административным центром уже сложилась. Поэтому северную часть можно считать местом торгово-ремесленной жизни.

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что в городище Шиш-Тюбе мы имеем цитадель, шахристан, состоящий из двух частей и огромную территорию с одиночными постройками. Ранние следы жизни поселения относятся к VI—VII вв., а конец — к XII в. Развитие его можно представить следующим образом: первоначально возникла южная часть его (шахристан с цитаделью), затем была пристроена северная часть шахристана. Одновременно с нею начали появляться одиночные постройки вне шахристана. Эта часть поселения уже в X в. разрослась до пределов первого кольца стены.

Городище Ашпара (рис. 6) расположено к западу от с. Чалдывар, на берегах старого рукава русла р. Ашпара, ныне заболоченного выходящими в него мелкими ключами.

Центральные развалины с мощными укреплениями, стоящие над правым берегом старицы, резко делятся валами на три части и различаются уровнями культурных наслоений. Наиболее возвышенная часть, укрепленная высокими стенами, в плане представляет неправильный четырехугольник. Западной стороной она примыкает к обрыву старого русла и имеет размеры сторон: северной—186 м, восточной—170 м, южной—160 м, западной—150 м. Внутренняя поверхность ее слабо всхолмлена с небольшим повышением у западного вала.

В северо-западном углу расположено подпрямоугольное возвышение,

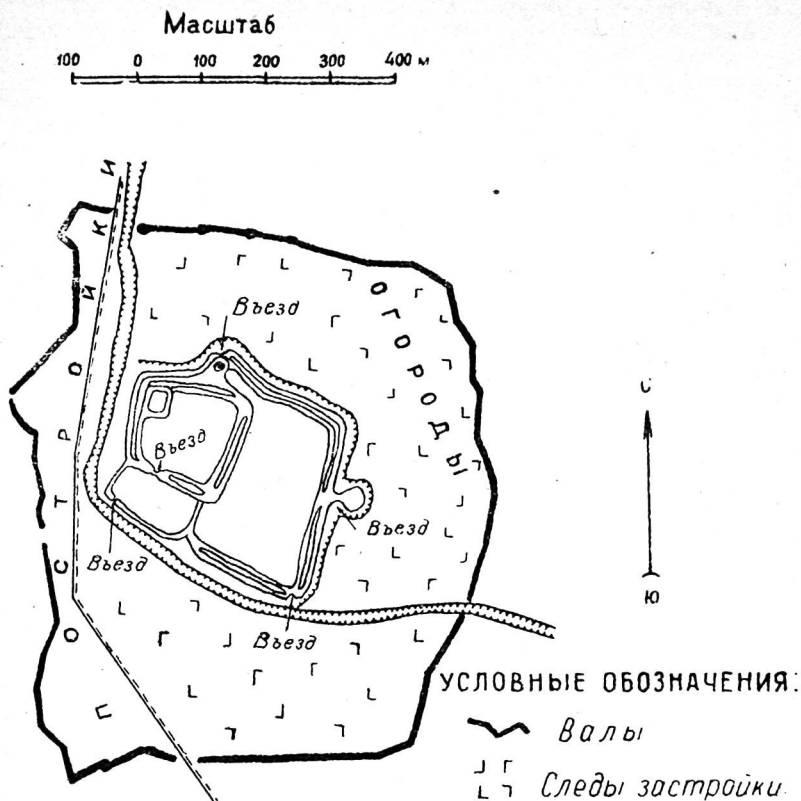

Рис. 6. Схематический план городища Ашпара.

ограниченное валами, высота которых меньше внешних валов описываемой части. Оно является или остатками цитадели, или крупной постройки позднего времени. Других признаков цитадели нет. Убедительными доказательствами поздней перестройки этой части поселения, которая и могла уничтожить бугор цитадели, являются рвы (с внутренней стороны вдоль южного и западного валов) и ряд ям (вдоль северного и восточного валов). Догадку о перестройке или возобновлении здесь укрепления подтверждает также ров, проходящий с внешней стороны восточного вала. Следы перестройки явственно видны только здесь. Возможно, что в тимуридское время¹ была восстановлена только эта часть развалин средневекового поселения. Въезд в нее был только через южную стену.

К наиболее возвышенной части центральных развалин с востока примыкает вторая, гораздо большая по площади. С севера ее стена частично охватывает первую часть, а на юге соединяется с южной пристройкой. Раз-

¹ МИА, № 14, стр. 24.

меры стен: северной—245 м, восточной—300 м, южной—196 м. Эта территория имеет почти плоскую поверхность, здесь толща культурных наслоений гораздо меньше, чем в первой части. С внешней стороны по всему периметру стен идут рвы (глубиной до 2 м, шириной по верху 10 м, по дну — 3 м).

В эту часть поселения было три въезда: один в юго-восточном углу по пандусу, идущему вдоль южной стены (через ров сохранилась дамба), второй, хорошо защищенный въезд, был у северо-западного угла (пандус этого въезда виден, а дамба через ров размыта), а третий и, по всей вероятности, основной, находился в восточной стене. Он был хорошо укреплен далеко выступающим предвратным сооружением (пандус и дамба через внешний ров здесь видны ясно).

Южная пристройка размером 74×160 м, видимо, была сделана позднее. Это подтверждается и расположением и небольшим культурным слоем. Она значительно врезается в пойму рукава речки, проходившей до постройки у самой стены шахристана. Стены ее ниже. Въезд и сейчас очень ясно различается по пандусу и проему в стене у юго-западного угла. От этих ворот шла дамба на западный берег речки, связывавшая западную часть поселения с шахристаном.

Как и в предыдущих городищах, вокруг центрального холма много остатков рассредоточенных построек, раскинувшихся по обоим берегам старого русла Ашпары. Границы их распространения строго определяются остатками стен в виде оплывших валов, которые во многих местах разрушены, но в общем прослеживаются достаточно хорошо на всем протяжении и смыкаются полностью, образуя неправильный многогранник, состоящий из небольших отрезков в среднем 40—80 м длиной. Общая длина внешних стен поселения равнялась несколько более 3000 м. В некоторых частях вала хорошо видны бугры башен. Высота вала доходит до 1,2 м, ширина по основанию 10—12 м.

Почти вся территория, окруженная валом, занята современными постройками и распахивается под огороды. Она выравнена отдельными террасами для удобства орошения. Но и сейчас есть очень много признаков, позволяющих считать, что эта территория была ранее застроена. Ими являются, во-первых, останцы холмов—развалин построек, сохранившиеся во многих местах, и во-вторых, встречающиеся всюду фрагменты керамики и другие находки.

Наиболее возвышенная часть центральных развалин, возможно, была перестроена в тимуридское время, поэтому здесь ранние культурные слои перекрыты более поздними. Собранный здесь преимущественно по валам стен подъемный материал состоит из мелких фрагментов венчиков, боковин и поддонов глиняных сосудов, как сделанных на гончарном круге, так и лепных. Это, вероятно, предметы, попавшие в массу стены из культурных слоев раннего средневековья. Находка части боковины чаши с голубой поливой и темно-коричневой росписью и других фрагментов керамики подтверждает предположение об обжитости этой части поселения в тимуридское время.

Перестроен был и южный сектор шахристана. Об этом свидетельствует проходящий здесь въезд в основную часть и наличие общего рва с восточной стороны. Среди подъемного материала, собранного здесь, встречаются фрагменты сосудов с красным ангобом и лощением. Отдельные из них относятся к VIII—IX вв., а находка частей поливных сосудов с росписью дает возможность предполагать существование жизни и в X—XII вв. В восточной части шахристана найден подъемный материал (фрагмен-

ты сосудов, сделанных на гончарном круге и от руки), относящийся к VIII—IX вв. Эта часть, по-видимому, не претерпела перестройки в тимуридское время.

За пределами шахристана подъемный материал был собран отдельно к востоку и к западу от рукава реки.

К востоку от реки площадь сплошь засеяна кукурузой и подъемный материал немногочислен. В промывке стены здесь найдено два звена гончарных водопроводных труб, характерных для IX—XII вв. От местных жителей был получен найденный во время постройки усадьбы небольшой узкогорлый кувшинчик с вертикальной ручкой. Такая форма часто встречается в стратиграфическом раскопе городища Ак-Бешим, датируемом монетами VIII—IX вв.

К западу от реки собрано значительное количество фрагментов керамики. Наиболее интересными для датировки являются овальные ручки от узкогорлых сосудов, встречаемых часто в стратиграфическом раскопе городища Ак-Бешим и ножки достарханов с процарапанными «елочками» и пальцевыми вдавлениями, известные на других городищах и относимые в археологической литературе к VIII—X вв.

Часто встречаются фрагменты сосудов, характерные для других городищ. Они имеют приподнятое плоское дно, край которого в профиле имеет форму половины ромба, на верхней грани его нанесены насечки в виде коротких дуг.

Весь подъемный материал, найденный к западу от реки, свидетельствует о том, что эта часть поселения не была обжитой в тимуридское время. Въезд же с западного берега в южную, а из нее и в основную часть шахристана по дамбе, через русло рукава, можно объяснить тем, что узкая дамба была более удобна для обороны, чем въезд в укрепление с ровного открытого места.

Из приведенного выше описания видно, что территория городища Ашпара, окруженная длинным валом, имеет значительно меньшие размеры, чем в других поселениях с длинными стенами. Это требует своего объяснения. Современные развалины стоят на р. Ашпара, сохранившей свое древнее название, поэтому они отождествляются всеми исследователями с древним поселением.

Для суждения о топографии городища в ранние периоды его жизни у нас оснований нет, так как ранние слои перекрыты более поздними. А о городе IX—XII вв. уже можно говорить. Письменные арабоязычные источники IX в. упоминают Ашпару без эпитета «большое селение»,¹ употребляемого для других городов. В конце X в. городище в большом списке, известном для этого времени, совсем не упоминается².

Может быть эти отрывочные данные и соответствуют, тому, что мы сейчас наблюдаем в топографии развалин. Поселение Ашпара никогда не было особенно большим, даже в период наивысшего расцвета оседло-земледельческой жизни.

Но структура здесь такая же, как и в других городищах, существующих с VI—VIII вв.: несколько частей в центральных развалинах и длинная стена, окружающая рассредоточенные постройки. Отсутствие четко

¹ Л. З. Писаревский. Извлечения из *Китаб ал-Масалик ва-л-Мамалик* ибн-Хордадбега. Рукопись фонда Отд. общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 1820. стр. 7. Его же. Извлечения из *«Китаб ал-Харадж»*. Кудамы ибн-Джафара. Там же, стр. 11—20.

² Его же. Извлечения из *«Ахсан ат-Таксим фи ма рифат ал-акалим»*. Абу-Абдалла-х Мухаммеда ибн-Абу-Бекра ал-Мукаддаси (ал-Макдиси). Там же, стр. 29—30.

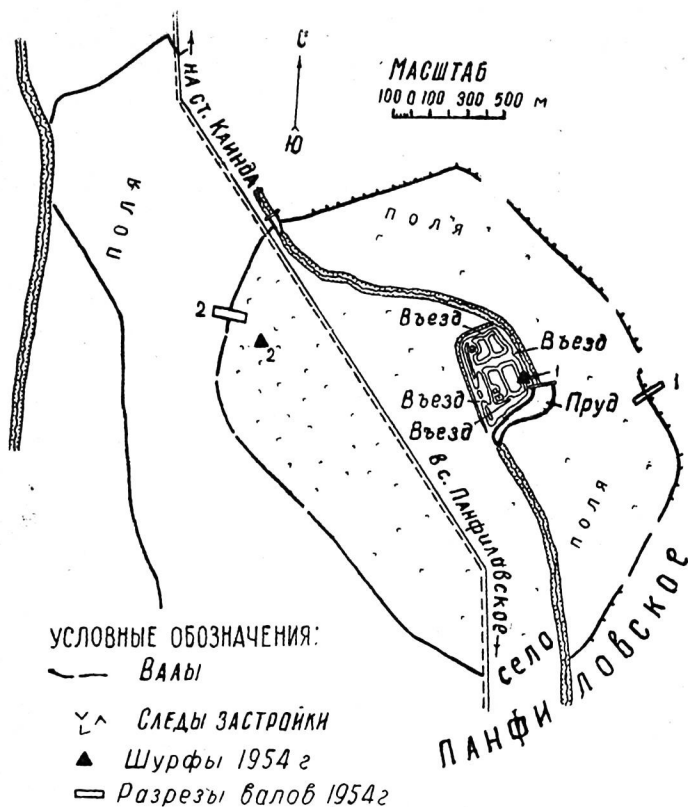

Рис. 7. Схематический план Каиндинского городища.

выраженной цитадели. по-видимому, объясняется перестройкой основной части шахристана в тимуридское время, когда цитадель была разобрана для восстановления стен нового укрепления.

Каиндинское городище (рис. 7) расположено между с. Панфиловским и ст. Каинда по обе стороны большого заболоченного лога.

Центральные развалины, расположенные на западной стороне лога, имеют в плане форму неправильного четырехугольника и резко выделяются своей высотой над общей поверхностью городища (цитадель—до 6 м, шахристан—до 3 м).

Цитадель находится в юго-западном углу шахристана. Это высокий холм в форме усеченного конуса с основанием 40×50 м. Южная и западная стороны цитадели совпадают с соответствующими сторонами шахристана. С севера к цитадели примыкают хауз и небольшой двор.

Шахристан подпрямоугольной формы и делится на южную (с примыкающим к ней с запада двором) и северную части. Стены по краям не выделяются. Создается впечатление, что культурные слои в последний период

или доросли до уровня стен, или в этот период стен на шахристане не было. Южная, прилегающая к цитадели часть по-видимому, была наиболее рано заселена и укреплена. Она простирается с севера на юг на 200 м и делится на две равные части глубокой впадиной. Это главная улица шахристана. Ее концы в северной и южной стенах ясно прослеживаются, обозначая собой вьезды (ворота).

Есть основание предполагать наличие еще одного воротного проема в восточной стене, на границе южной и северной частей шахристана. Эти ворота, вероятно, вели к логу—источнику воды. К востоку и западу от сквозной улицы поверхность шахристана имеет почти один уровень.

На севере к описанной части развалин примыкает часть шахристана, возникшая несколько позже. Она отделена широкой (до 30—40 м) впадиной (улицей), выходящей на западе во двор, а на востоке служащей выходом к логу. В северо-западном углу ее расположен большой хауз, размером 50×50 м, на дне которого проступают подпочвенные воды.

Сквозная улица здесь несколько отклоняется к западу. В конце ее, как и в южной стене, ясно выражен проем ворот.

Третья часть шахристана—большой двор (60×190 м), прилегающий с запада. Он был защищен стеной, которая на севере соединялась со стеной шахристана, а на юге упиралась в юг. В стене двора, против цитадели, был укрепленный въезд. В северном конце двора находился третий хауз размерами 40×16 м. Со двора по впадине (улице), разделяющей шахристан на северную и южную части, можно было попасть на сквозную улицу шахристана и во двор цитадели, вход в который слабо прослеживается с запада около хауза.

Территория с остатками рассредоточенных построек в каиндинском городище гораздо больших размеров, чем в городище Ашпара. Ее границы ясно очерчены отдельной оплывшей стеной. Вал стены хорошо сохранился, его кольцо полностью замыкается и только на протяжении 400 м в южной стороне, проходящей по усадьбам северной окраины с. Панфиловского, не виден. Как и везде, он имеет ломаный периметр, приближающийся к замкнутой кривой линии длиной 8300 м.

Северная, восточная и часть южной стены имели башни, бугры от которых ясно видны. Башни выступали только наружу и находились друг от друга на расстоянии 60—80 м (диаметр теперешних их бугров равен 18 м, высота 1,6 м при высоте валов 1,2 м и ширине по основанию 12 м). В хорошо сохранившейся западной части вала следов башен нет, только в некоторых местах по гребню стены видны возвышения, которые можно принять за маленькие башни, не выступавшие за линию стены, а только возвышавшиеся над ней.

В Каиндинском городище был второй длинный вал, остатки которого длиной 3,1 км зарегистрированы к западу. Места соединения его с первым валом не сохранились. Он проходит по луговине непараллельно первой стене, а на разных расстояниях: южный конец в 950 м, северный в 1050 м, средняя часть в 500 м. Высота вала 0,8—1,2 м, ширина по основанию 10—12 м. Признаков застройки территории, окруженной этим дополнительным валом, нет. Вероятно, он окружал прилегающие к поселению земли. Такого характера валы встречаются вокруг многих поселений.

С внешней стороны первого кольца стен ясно виден ров шириной до 10 м и глубиной до 0,8—1 м. У дополнительной стены рвы меньших размеров видны с обеих сторон.

Нами был прорезан поперечной траншеей западный вал первого кольца стен, на котором не видно башен. Высокий уровень стояния подпочвен-

ных вод и процесс засоления уничтожил разницу в плотности тела стены и наплывов от разрушенных верхних ее частей. Поэтому какого-нибудь суждения о ней составить нельзя. Аналогичные разрезы были сделаны через восточную часть вала. Здесь была прорезана башня и стена между башнями. Наиболее интересные данные были получены при разрезе башни, показавшем в северном срезе толщину стены, длину северной стены башни и ширину восточной стены. А в южном — ширину стены, внутреннее пространство башни и восточную стену башни. Ширина стены поселения вместе с башней — 8 м, одной стены — 2,5 м. Стена состояла из двух оболочек внутренней и наружной — шириной по 1 м. Пустота между ними в 0,5 м заполнена рыхлой землей. Такая же конструкция стены видна и в разрезе между башнями. Толщина стен башни 2,5 м. Сама башня внутри была полой, ширина ее внутреннего пространства 3 м. Стены сохранились на высоту от 1 до 1,3 м.

Пространство, окруженное первой длинной стеной Каиндинского городища, дает немало данных о распланировке его территории и типах застройки. Площадь к востоку от лога покрыта редко расположенными, но крупными холмами диаметром от 20 до 30 м и высотой от 1 до 2 м. Видимо, это место поселения было застроено крупными усадьбами. Иногда в таких усадьбах было по несколько построек, от которых сохранились бугры, расположенные поблизости друг от друга. По берегу лога идет ряд крупных холмов, стоящих почти на равном расстоянии (от 40 до 60 м). Эта часть пересечена несколькими логами и впадинами. Значительная площадь ее в настоящее время распахивается и засеивается зерновыми культурами. Постоянные распахки сильно сnivelировали микрорельеф и большего членения различить не удастся.

Площадь к западу от лога сохранила следы двух типов застройки. Ближе к шахрстану располагаются остатки крупных строений, холмы от которых достигают в диаметре 25—30 м и в высоту до 2 м, а вдоль всей западной стены идет сложная система небольших валов шириной по основанию от 4 до 7 м и высотой от 0,4 до 0,9 м, расходящихся в разные стороны. Некоторые из них начинаются от первой стены, в которой в этих местах ясно видны проемы. Вероятно, это были въезды, а валик обозначал границу улицы. На большой площади, описываемой части поселения, валики образуют прямоугольники и неправильные четырехугольники — остатки отдельных усадеб, в них около одной стены или в одном из углов обычно расположен холм — остатки строения. У северного и южного отрезков стены такие усадьбы более или менее четко не прослеживаются. Но наличие валов, иногда идущих параллельно и как бы образующих улицы, говорит о том, что и здесь была застройка усадебного типа.

Совершенно четко усадьбы видны вдоль западной части первого кольца стены, где они имеют вид примыкающих друг к другу дворов, разделенных общими стенами. Приводим несколько промеров усадеб.

- 1) С востока на запад 38 м, с севера на юг 100 м, холм постройки (15×15 м) в северо-восточном углу.
- 2) С востока на запад 35 м, с севера на юг 100 м, холм постройки (12×15 м) в северо-восточном углу.
- 3) С севера на юг 120 м, с востока на запад 40 м, холм пристройки (10×20 м) в юго-восточном углу.
- 4) С севера на юг 120 м, с востока на запад 36 м, холм (15×18 м) в северо-восточном углу.
- 5) С севера на юг 70 м, с востока на запад 80 м, холм пристройки (25×20 м) у западной стены.

На центральных развалинах была сделана зачистка срезов в старом строительном карьере по двум его стенам (западной и северной). Новые срезы были сделаны шириной 1,1—1,2 м, а по длине они составили 10,5 м.

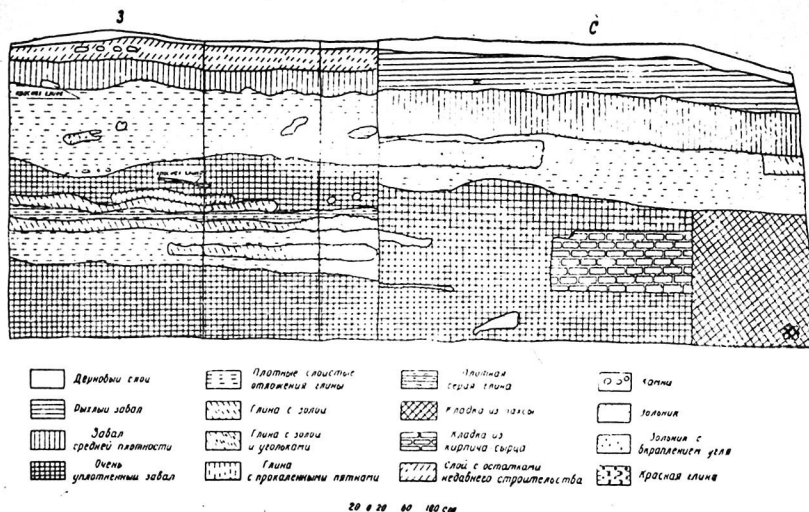

Рис. 8. Кандинское городище. Профиль зачистки старого карьера на шахристане.

Общая площадь среза равна не менее 11 м². Зачистка была доведена до материковых слоев, которые появились от высшей точки края карьера на глубине 4,9 м (рис. 8).

Срез вдоль западной стены прошел по завалам строительного мусора, глиняным и глинисто-золотистым заплатам. Здесь не было вскрыто ни кладки стены, ни других строительных остатков, позволяющих делить толщу культурных наслоений на отдельные горизонты. Срез вдоль северной стены обнажил нижние слои восточной стены шахристана. Она сверху перекрыта культурными наслоениями толщиной 1,9 м. Стена глинобитная, наружная сторона ее в значительной мере разрушена, сохранившаяся ширина — 2 м, высота — около 2 м. Здесь же вскрыты на глубине 2,25—3,25 м профиль еще одной стены (шириной 2,4 м, высотой 1 м), примыкавшей изнутри вплотную к описанной внешней стене. Она сложена из сырцового кирпича (размерами 20×9×? см). Вполне возможно, что это не поперечный, а продольный разрез стены, и тогда названный промер — 2,4 м будет не шириной, а длиной стены. Это более вероятно, так как наличие двух широких стен, расположенных впритык, трудно объяснить. В пользу этого говорят разные уровни оснований стен. На остальной плоскости северного среза выступают плотные глинистые и глинисто-золотистые заплаты. При зачистке срезов карьера обнаружены фрагменты керамических изделий, которые на всей толще характеризуются преобладанием лепной посуды над станковой.

Стратиграфических данных, позволяющих наметить четкое разграничение керамики по периодам, в данном объекте нет.

Одна группа лепной керамики характеризуется асимметричностью форм, небрежностью лепки, заметной даже на мелких фрагментах,

рыхлостью глины, значительным количеством разного рода примесей. Другая, при всех перечисленных признаках имеет достаточно качественную формовку. На многих фрагментах есть ангоб различных оттенков, а также прорезной и процарапанный орнамент. Редко встречаются обломки стенок, сосудов с красным ангобом и затиркой. Обнаружен сосуд с лощением красноватого оттенка. Керамика, сделанная на гончарном круге, немногочисленна и представлена фрагментами узкогорлых кувшинов с вертикальными ручками и горшкообразных сосудов. О ней можно сказать что она сделана тщательно, из хорошо подготовленного глиняного теста. В нижних слоях встречаются преимущественно «согдийского» типа сосуды с красным ангобом и затиркой в верхних—такой керамики нет, а имеются обломки достарханов с врезным и вмятым орнаментом, крышки с процарапанным орнаментом и др.

Таким образом, материалы шахристана можно датировать, по аналогии с данными других стратиграфических разрезов, временем VI—X вв.

Вторым объектом раскопочных работ на Каиндинском городище был один из серии турткулей, расположенных у западной части первого вала. Турткуль 60×140 м. представляет собой остаток усадьбы в 70 м от длинной стены поселения и образован четырьмя валами. В северо-восточном углу его находятся остатки постройки в виде холма 20×22 м, высотой около 1,5 м. С южной стороны холма, во дворе, видно подквадратной формы незначительное углубление, заросшее болотной травой, по-видимому, остатки хауза.

Раскоп размером 6×4 м был заложен на холме турткуля. Культурный слой в нем достигает 1,2 м толщины. Раскоп прорезал в основном, завалы строительного мусора. Только вдоль восточного края его прослеживалась глинобитная стена, высотой около 0,4 м (продольный разрез). В юго-восточном углу раскопа на глубине 0,9—1,1 м от высшей точки холма вскрыты обломки обожженных кирпичей, беспорядочно разбросанных и уходящих под южный и восточный срезы. Вероятно, это остатки сильно разрушенного очага, форму которого проследить не удалось. Кирпичи очень грубые, неравномерного обжига, с вмятинами пальцев на поверхности. Размеры не восстанавливаются, неполный промер их равен 16,5×4,5×13 см. Одновременно встречаются кирпичи прямоугольной формы 7,5×4,5×17,5 см (неполный промер). Найдены части плит размерами 15×16×3 см с закругленными углами неравномерного обжига (красный на 0,5 см от поверхности, внутренняя толща темно-серая). Культурные наслоения расчленил очень трудно, потому что земля в раскопе очень сырая, стены сохранились плохо из-за засоления почвы, связанного с высоким стоянием подпочвенных вод. Находка жженных кирпичей в рядовой постройке представляет значительный интерес.

Так же, как и в усадебной постройке городища Шиш-Тюбе, находок здесь мало, и они очень невыразительны, а сходны с материалом верхних слоев центральных развалин, причем преобладает лепная керамика. Это—части плоскодонных сосудов, вертикальная ручка от узкогорлого сосуда, несколько фрагментов крышек с процарапанным орнаментом. Среди них есть два фрагмента от крышек подпрямоугольной формы. Керамика, сделанная на гончарном круге, невыразительна. Тесто лучшего качества и обжига, но с примесями. Следы вращения на круге мало заметны. Закраины слабо профилированы.

Внутри первой стены, на группе значительных по размерам холмов, к северо-западу от шахристана, где колхозом вырыто несколько силосных ям, собрано значительное количество подъемного материала. Среди него

На остальной площади можно выделить три части:

1) четырехугольник на северо-западе (60×80 м), 2) большой массив, занимающий всю центральную и западную части и 3) пониженный участок в восточном и северном секторах.

В центральные развалины прослеживается несколько въездов, три из них хорошо видны и сейчас: один в юго-западной части, ведущий по пандусу в четырехугольник из валов, а два других—в северо-западной и северо-восточной сторонах, ведущие на пониженную часть. При прежнем обследовании на центральном холме был зарегистрирован еще один вал, начинающийся от четырехугольника. Но сейчас он не виден.

Городище имеет также длинный вал, сохранившийся не на всем протяжении. Остатки его удалось выявить к северу от центральных развалин на расстоянии 2 км, где сохранилась ломаная линия его длиной 1,5 км, начинающаяся от крутого правого берега р. Сокулук. Далее к востоку на протяжении 1,2 км вал разравнен в 1952 г. в связи с планировкой колхозных полей. Восточнее центральных развалин он опять прослеживается на протяжении около 3 км. Расположение отрезков длинного вала вокруг центральных развалин по аналогии с другими городищами позволяет предполагать, что длина его была не менее 10 км. На окруженном им пространстве в некоторых местах сохранились небольшие холмы—остатки построек. Они видны к северу от центральных развалин на ровном месте и к югу на останках большого лога или старицы.

Городище достаточно убедительно датируется богатыми археологическими находками из разреза центральных развалин. Здесь собрано большое количество поливной керамики карахидского времени со сложным расписным орнаментом красной, белой, зеленой и черной красками, в том числе найдены блюда с изображениями фазана, лягушек, сфероконические сосуды и неполированная керамика. Для карлукского времени—орнаментированные достарханы и крышки, неполированная керамика, тюркешские монеты. Для тюрко-согдийского времени—стилизованные фигурки животных, культовые светильники, сосуд в форме фигуры человека, лощеная керамика.

На основе этих материалов, возникновение поселения относится к V—VI вв. Большая площадь вскрытых наслоений наглядно показывает рост этой части поселения. Так, если верхние слои прослеживаются на протяжении 500 м, то нижние—только на 150 м. Конец жизни на поселении относится к началу XIII в.

Воссоздавая картину роста поселения, С. С. Сорокин говорит только о развалинах на гребне возвышенности.¹ Отсутствие сведений, вернее неполное обследование центральных руин, и особенно неосведомленность о наличии длинного вала, сузило представление исследователей о размерах этого поселения и его характере.

При описании городища, а также в связи с высказываниями по другим вопросам, прежние исследователи употребляют разноречивую терминологию. Они его называют то просто древним центром гончарного ремесла², то городом,³ то древним и своеобразным гончарным центром,⁴ то древним безымянным городом с торгово-ремесленным предместьем.⁵

Материалы же наших обследований показывают, что поселение имело

¹ МИА, № 14, стр. 93—97.

² Там же, стр. 137.

³ Там же, стр. 97.

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое..., стр. 23.

⁵ Там же, стр. 12.

гораздо большие размеры. Разрезы, произведенные на Александровском и Краснореченском городищах в связи с сооружением Большого Чуйского канала и наши разведочные раскопки на других, подобной конструкции городищах, дают достоверные данные о наличии жизни и внутри длинного вала. Наличие холмов в Сокулукском комплексе также подтверждает это предположение.

Таким образом, Сокулукское городище в последний период своего существования (X—XII вв.) — типичное поселение с длинными стенами, для которых мы в случаях лучшей сохранности знаем три элемента — цитадель, шахристан и огромную площадь с рассредоточенными постройками.

Александровское городище (рис. 10) находится на 35 км дороги Фрунзе—Калининское, у северо-западного конца с. Александровка.

Центральные развалины стоят между двух логов шириной 40—60 м, по дну которых протекают ключи. Северная сторона развалин в значительной части разобрана для насыпки дамб канала через оба лога. В настоящее время в холме центральных развалин, вытянутом с севера на юг, можно выделить две части, отличающиеся высотой и ориентировкой.

Северная часть, наиболее возвышенная (2,5—3 м), ориентирована сторонами по странам света (с небольшим отклонением) и имеет размеры с востока на запад 100 м и 140 м с севера на юг. В северо-восточном углу расположена цитадель, возвышающаяся над этой частью холма еще на 2—2,5 м. Форма цитадели в сечении трапецевидная, в плане — квадрат со стороной 30 м.

Южная часть, отклоненная к востоку (ориентировка углами по странам света), резко сужается и понижается до 1,5—1,2 м. Ее размеры с северо-запада на юго-восток 90 м и с юго-запада на северо-восток 80 м. Поверхность относительно ровная, только близ южного угла ясно очерчена округлая впадина (диаметром около 25 м и глубиной до 2 м), вероятно, хауз. По обводу всего холма нигде не видно валов от бывших стен.

Городище имеет длинный вал, прослеживающийся в западной, северной и восточной частях. Южная часть вала прослеживается нечетко, хотя в 500 м к югу от шоссе Фрунзе—Калининское заметны его слабо выраженные следы. Протяженность сохранившейся части внешнего вала достигает 5,5 км. Длина всего кольца была не менее 7 км, высота 1—1,2 м, ширина по основанию 10—12 м. Здесь, по-видимому, была и вторая стена, окружавшая прилежавшие к поселению земли, следы ее видны в северной части.

Остатки построек внутри длинного кольца вала заметны во многих местах, особенно к северу от центральных развалин, хотя все это пространство очень давно распаивается.

При прокладке русла канала, а также для насыпки его дамб в обоих

Рис. 10. Схематический план Александровского городища.

логах, была срезана, как выше отмечено, северная часть центральных развалин и снесена серия одиночных небольших холмов к востоку и западу от них. Здесь собран значительный материал. В разных местах найдены железные орудия, гончарные печи с полуфабрикатом, браком и готовой продукцией: жженный кирпич, кровельная черепица, керамика, облицовочные

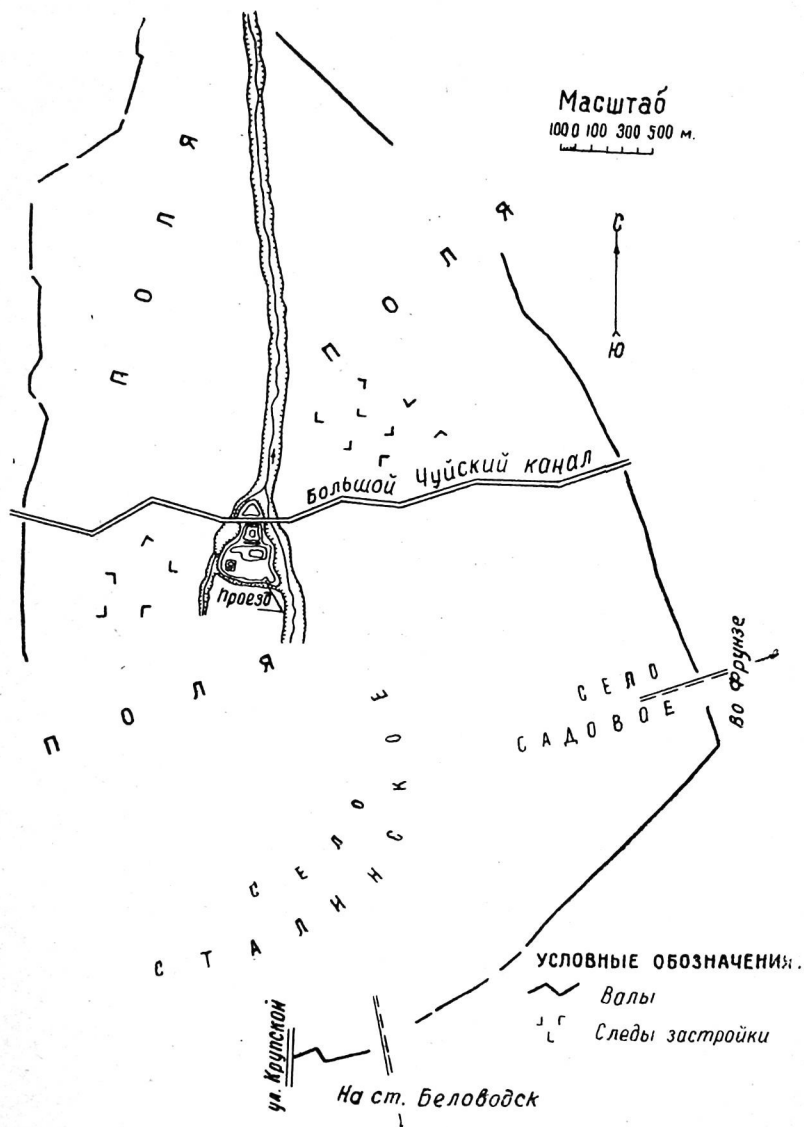

Рис. 11. Схематический план Беловодской крепости.

плиты, покрытые голубой поливой с ленточным плетением белыми полосами, бронзовые стволы «подсвечников» и пр.

Материалы показывают, что Александровское городище возникло не ранее VIII в.¹ и существовало вплоть до XIII в. Полученные данные свидетельствуют о том, что это было значительное поселение, в котором был водопровод, развитое гончарное и кузнечное ремесло, а также производство строительных материалов. Жители поселения имели торговые связи с Ираном, что фиксирует находка люстрового сосуда.

Прежние исследователи называют поселение то просто благоустроенным ремесленным поселком², то кара-китайским ремесленным поселением³, то более или менее значительным поселением⁴.

При описании Александровского городища, кроме цитадели, не дается какое-нибудь определение шахристана или рабада. Но при общих высказываниях по истории поселений это городище приводится как пример возникновения в Чуйской долине укрепленных поселений типа мавераннахрских шахристанов⁵. В другом контексте прямо говорится о рабаде Александровского городища.⁶

Таким образом, здесь, как и в ряде других случаев, мы имеем неполное обследование памятника и связанные с этим обстоятельством столь различные представления о поселении. Обнаружение у него первого кольца длинных валов и части второго кольца, ставит его в общий ряд городищ с длинными валами. Обильные вещевые материалы позволяют время его существования определить с VI по XIII вв.

Беловодская крепость (рис. 11) — холм центральных развалин городища, расположенного севернее с. Сталинского. Центральные развалины находятся на северном краю мыса, образованного соединением двух глубоких и широких логов. Они прорезаны руслом Большого Чуйского канала и цитадель, расположенная в северном конце, оказалась отрезанной от остальной части. Для насыпки дамб канала через оба лога землеройными машинами снята значительная часть холма, в западном логе дамбой образован пруд, а вдоль южной стороны холма проходит ров, соединяющий оба лога и являющийся аварийным сбросом пруда.

План центральных развалин обусловлен контурами мыса, на котором они расположены, имеющим резко неправильную форму. Поверхность их можно разделить на три части: цитадель, среднюю часть, ограниченную с севера цитаделью, а с юга — оплывшей стеной, и южную, самую низкую.

Средняя часть занимает узкий длинный перешеек. Его высота нарастает к центру, достигая 3 м. Оплывшая южная стена высотой 1—1,5 м, шириной у основания 12 м прослеживается от восточного до западного края. С обеих сторон вала видны глубокие западины, по-видимому, рвы. Эта часть больше всего пострадала от выбора земли для насыпки дамб, и ее верхние слои сняты почти по всей поверхности.

Третья часть — наибольшая по площади. Здесь вдоль вала, разделяющего среднюю и южную части, во всю ширину холма тянется плоское возвышение, достигающее в центре около 3 м, в юго-западном углу расположен турткуль размерами 70×80 м, разделенный пополам внутренней

¹ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое..., стр. 21.

² МИА, № 14, стр. 97.

³ Там же, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 134.

⁵ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое..., стр. 22.

⁶ МИА, № 14, стр. 139.

стеной. Остальная часть почти одного уровня с малозаметными впадинами и возвышениями.

Въезды в укрепление проследить трудно из-за сильных разрушений холма, только один из них достаточно четко виден в южной стороне в 60 м от юго-восточного угла, с восточной стороны которого возвышение — остатки предвратного сооружения. По обводу холма так же, как в централь-

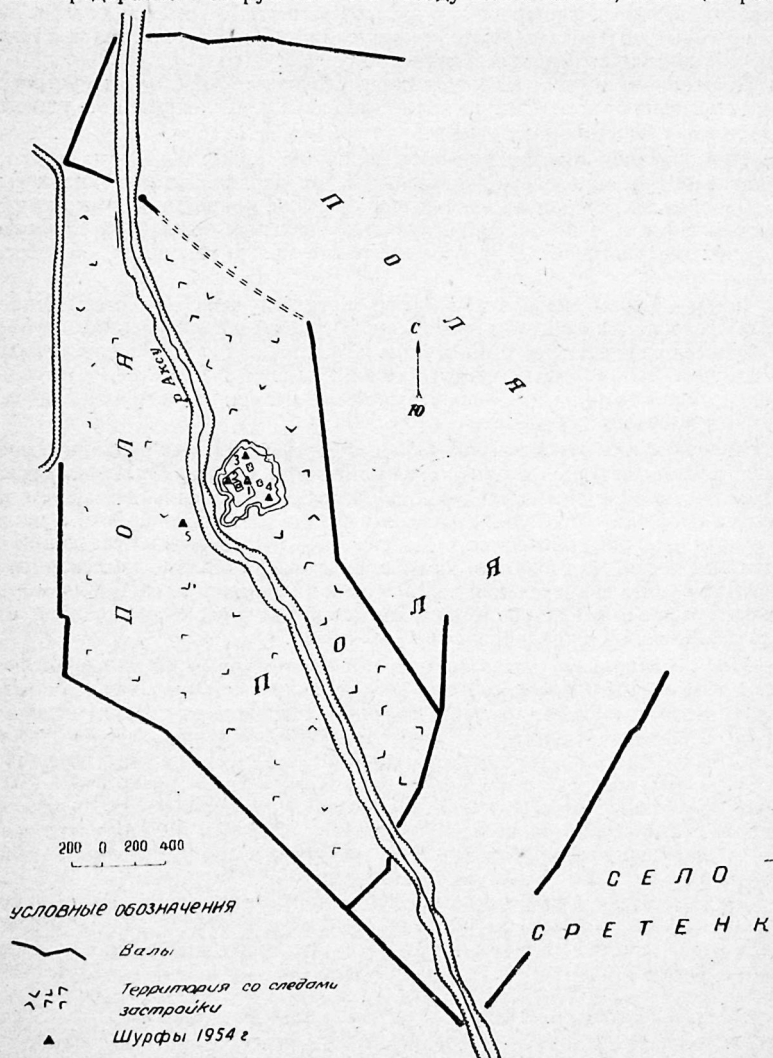

Рис. 12. Схематический план Сретенского городища.

ном холме Александровского и Каиндинского городищ, не видно возвышающихся стен.

Зарегистрированный вокруг центральных развалин длинный вал частью проходит по с. Садовому, частью — по усадьбам с. Сталинского. На севере его дуга выходит далеко за эти села. На значительном протяжении юго-западного сектора, там, где вал проходит по центру с. Сталинского, он не прослеживается. На протяжении свыше 1 км в северной стороне вал срыт землеройными машинами и был зарегистрирован по свежим следам на еще не перепаханном свекловичном поле. Общая протяженность вала, даже при измерении в местах разрыва по прямой, достигает 17,5 км, высота 1,5—1,7 м, а ширина по основанию 12—13 м. По внешней стороне почти на всем протяжении вала виден ров.

Большая часть окруженного длинным валом пространства застроена усадьбами колхозников. Свободными от застройки остались центральные развалины и прилегающая к ним территория узкой полосой с юга и востока и более значительной площадью с запада и севера.

Эта площадь давно распахивается под посевы. Поэтому говорить с уверенностью о плотности застройки территории, окруженной валом, нет оснований. Немногочисленные небольшие холмики видны к востоку от центральных развалин на нераспахиваемой луговине. На основе наблюдений над другими городищами можно высказать предположение, что зарегистрированный вал представляет собой большое кольцо, окружавшее и поселение, и прилегавшую к нему округу. Стена же, окружавшая поселение, по-видимому, оказалась застроенной усадьбами.

Беловодская крепость отождествлялась с рибатом средневекового города Харран-джувана. Размеры центральных развалин (500×300 м), а также наличие остатков длинной стены полностью убеждают нас в том, что Беловодские развалины — остатки крупного населенного пункта с обычными для поселения Чуйской долины тремя элементами. Судя по археологическим материалам, жизнь на нем существовала по времени не позже с X по XIII в. Это подтверждают поливная керамика, водопроводные трубы, клад караханидских монет, поливные облицовочные плиты и др. То обстоятельство, что все земляные работы на этом городище при постройке БЧК велись с помощью механизмов, лишило возможности зафиксировать весь вскрытый материал. Но собранный впоследствии нами подъемный керамический материал, а также топографическая структура городища (особенно наличие высокой цитадели) позволяет отодвинуть дату возникновения поселения по меньшей мере к VIII—IX вв.

Сретенское городище (рис. 12) находится к северо-западу от с. Сретенки Сталинского района. Центральный холм носит местное название Ак-Тюбе. Комплекс развалин расположен по обоим берегам р. Ак-Су. Вся территория городища, за исключением центрального холма, давно распахивается.

Центральные развалины стоят над левым берегом Ак-Су. В плане они представляют неправильный шестигранник, форма которого обусловлена рельефом местности и линией надпойменной террасы реки Ак-Су. Три стороны шестигранника идут вдоль террасы Ак-Су, следуя ее изгибам. На поворотах стен располагались мощные оборонительные сооружения: на западном углу резко выделяются холмы двух мощных выносных башен диаметром 20 и 35 м и высотой до 3 м, на южном углу одна башня, не выступающая за линию стен. Южная сторона большей частью идет вдоль оврага, впадающего в Ак-Су, и только две стороны обращены к ровной местности. У подножия стен видны сильно оплывшие рвы.

Холм центральных развалин делится на две площадки, резко отличающиеся уровнями. Верхняя, составляющая южную часть холма, имеет подпрямоугольную форму, ориентированную углами по странам света с размером сторон: с северо-востока на юго-запад 240 м, с северо-запада на юго-восток 220 м. Юго-восточная сторона площадки является общей со склоном всего холма. Ее поверхность возвышается над нижней площадкой от 1,2 до 2 м. Края ее не имеют ясных признаков стен, по-видимому, эта часть поселения, по крайней мере в последний период своего существования, значительных самостоятельных оборонительных сооружений не имела.

В юго-западном пункте находится подпрямоугольный в плане, конусообразный бугор (размерами по основанию 40×40 м и высотой около 5 м) — очевидно цитадель. Севернее и восточнее цитадели был небольшой двор или площадь, от которой шли три и сейчас видимые проезда — улицы. Недалеко от первого стоит второй холм значительно меньших размеров (24×30 м в основании и около 3 м в высоту). Это — остатки второй цитадели, так как башни внешней стены несравненно меньших размеров. Остальная поверхность описываемой площадки имеет невысокие холмы и западины — остатки значительных построек, расположенных очень плотно. Наиболее крупные сооружения были по восточной и западной сторонам.

Нижняя площадка, в виде неправильного шестигранника, находится в границах остальной площади внешнего периметра центральных развалин. Высота её валов над окружающей местностью около 2,5—2,7 м. Внутренняя поверхность всюду ниже стен не менее, чем на 1 м. На стенах видно 16 башен, первоначально их было значительно больше. Если среднее расстояние между башнями принять за 50 м, то башен должно быть свыше тридцати.

Кроме трех проездов, поднимающихся на верхнюю площадку, было еще три въезда, ведущих только на нижнюю площадку. Сразу же у северо-восточной стороны верхней площадки находятся две глубокие впадины, лежащие на уровне окружающей местности. Одна из них правильными очертаниями напоминает большой (60×70 м) хауз. Вторая, неправильной формы, доходит до внешней стены и представляет, видимо, свободную от застройки площадь. Значительное понижение культурных наслоений заметно в южной части, где в стене есть проем въезда. Юго-западная часть нижней площадки возвышена в форме острого мыса, на ней расположен еще один хауз (40×40 м).

В комплекс городища входят два смежных кольца длинных валов. Первое окружает значительную территорию вокруг центральных развалин по обоим берегам р. Ак-Су. Здесь, несмотря на многолетние распашки, все еще видны во многих местах холмики — развалины рассредоточенных построек рядовых поселенцев, короткие отрезки небольших валиков — остатки стен и другие следы застройки. Во многих местах на пахоте нами найдены фрагментированные керамические изделия.

Кольцо вала, окружающее территорию, со следами застройки, сильно вытянуто вдоль берегов Ак-Су, периметр его достигает 12,5 км. В северо-западной точке, на правом берегу Ак-Су, вал оканчивается башней, диаметром 16 м и высотой 2 м. В других местах башен не зафиксировано.

В западной части кольца, на протяжении около 2 км, вместо стены преградой служил глубокий и широкий лог, правильностью своих форм напоминающий искусственное сооружение или подправленный естественный лог. Северо-восточная часть кольца разровнена в 1952 г. землеройны-

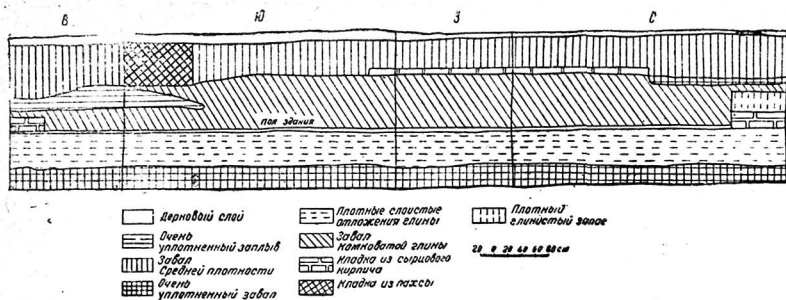

Рис. 14. Сретенское городище. Профиль шурфа в пределах длинного вала на левом берегу Ак-Су.

копа, на глубине 1—2,1 м, видна разрушенная стена из сырцового кирпича, уходящая под обрез, поэтому ее ширина не установлена. Следы стены видны также в середине северного среза, где просматриваются отдельные целые кирпичи и целое пятно битого кирпича. Остальные части верхнего яруса составлены глинисто-золистыми напластованиями разной плотности с очень ясным делением тонкими сплошными прослойками на три подслоя (деления на уровне 1,2—1,8 м).

Во втором строительном ярусе на глубине 2,2—2,35 м выявлена небольших размеров стенка дувального типа (ширина 42 см, высота 35 см). На глубине 2,45 м сплошная лента (толщиной 0,4 см) из глины с известью делит его на два подслоя. Остальные части состоят из плотных глинистых прослоек с вкраплениями золистых пятен.

Третий шурф в северо-восточной части шахристана на нижней площадке площадью 6 м², прорезал толщу всего в 2,05 м, состоящую из двух строительных горизонтов. Верхний горизонт идет от поверхности до глубины 1,2 м и состоит из глинистых и золистоглинистых наплывов, зольных и угольных пятен. Нижний горизонт характеризуется наличием остатков глинобитной стены и расположенной рядом с ней мусорной ямой. Стена пересекает раскоп наискось с северо-запада на юго-восток (ширина 1,8 м). Мусорная яма заполнена слоями глины с золой и прокаленной землей.

Все три последних шурфа дают материал, относящийся к VI—IX вв.

Раскоп на холме за пределами центральных развалин прорезал культурные наслоения мощностью 2,25 м (рис. 14). На глубине 0,62 м расчищена сырцовая вымостка из кирпича размером 45×22×10 см в один слой, вероятно, пол верхнего строительного горизонта. На глубине 1,5 м по всей поверхности раскопа расчищен пол, хорошо прослеживаемый по многократным прослойкам смазки. Пол является границей второго и третьего строительных горизонтов. Вещественных материалов в раскопе очень мало, но упомянутый большемерный кирпич и образцы высококачественной гончарной керамики позволяют ориентировочно датировать его наслоения VIII—XI вв.

Ключевское городище (рис. 15) находится на девятом километре дороги Фрунзе—Калининское, у западной окраины с. Ключевого.

При обследовании памятника вокруг центральных развалин вслед за П. П. Ивановым¹, нами был зарегистрирован длинный вал. На окруженном

¹ П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Труды Института истории АН Киргизской ССР, вып. 1, Фрунзе, 1957, стр. 65—109.

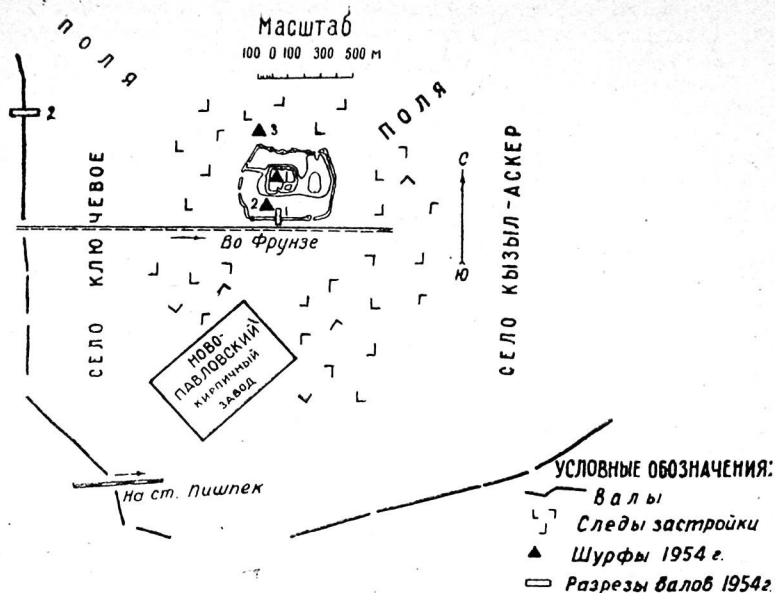

Рис. 15. Схематический план Ключевского городища.

им пространстве, несмотря на застройку его усадьбами селений Кызыл-Аскер и Ключевое и корпусами Ново-Павловского кирпичного завода, а также долготелные распадки, во многих местах видны холмы от рассредоточенных построек.

Центральные развалины Ключевского городища по своей структуре отличаются от других городищ с длинными валами. Отличие состоит в том, что они делятся на 3 элемента. Цитадель с прилегающим к ней высоким холмом составляют как бы цитадель с маленьким шахристаном. Цитадель, сильно нарушенная глиняным карьером, находится в юго-восточном углу и имеет в настоящее время размеры 40×40 м, высоту над уровнем холма 2,7 м.

Пятигранный в плане холм, составляющий с цитаделью единое целое, вытянут с севера на юг на 160 м и с запада на восток на 200 м. По его обводу, на северной и западной сторонах, ясно видны валы стен, а в северной стене — следы четырех башен. Это свидетельствует о том, что описываемая часть поселения имела довольно мощные укрепления. В нее было три въезда, два из них (в южной и западной стенах) четко прослеживаются резкими западинами по линии стен и ложбинами, идущими к центру холма и там пересекающимися. Третий въезд был в восточной стене и вел, вероятно, во двор цитадели, имеющий в настоящее время вид несколько возвышенной площадки с невысокими валиками по краям. Размеры площадки к северу и западу от цитадели 30 — 40 м. Остальная часть поверхности холма покрыта отдельными невысокими (до 1,5 м) возвышенностями округлых форм диаметром до 25—30 м.

Вокруг описанных двух частей центральных развалин располагается

еще одна часть, оконтуренная валом, образующим неправильную фигуру периметром около 2 км (ширина вала по основанию 14 м, высота 1,5 м). В северной стороне вала, образующего несколько довольно резких изгибов, хорошо видно 7 башен, а близ северо-восточного угла между угловой и следующей башнями — след проема ворот. Восточная стена дугообразной формы с тремя значительными разрывами (один из них был, несомненно, проездом, два, вероятно, представляют собой промоины), башен на ней не заметно. Южная стена прямая, сильно разрушенная при постройке шоссе на дороге, на ней видны две угловые башни и одна (очень больших размеров) в пролете близ юго-восточного угла. Диаметр последнего холма по основанию 30 м, высота около 3 м. С востока от башни были ворота. Второй въезд в этой стене расположен близ юго-западного угла, от него на север почти параллельно западной стене идет след улицы. Восточная стена сильно разрушена проведенным по ее западному склону арыком, и поэтому ничего сказать нельзя ни о наличии в ней башен, ни о въездах. Внутреннее пространство третьей части центральных развалин по строению поверхности можно разделить на три элемента. Наиболее контрастно здесь выделяется впадина в северо-западном углу, уровень которой не превышает отметки окружающей местности. С севера и запада она ограничена частями соответствующих сторон внешней стены, с юга подходит к центральному холму, а западнее его отделяется от остальной части резким подъемом, по краю которого идет вал. С востока впадина отделена крутым подъемом, идущим от второй башни северной стены к восточному углу центрального холма. Все пространство впадины ровное, без следов застройки и углублений. Называть ее хаузом не позволяют размеры. Наиболее вероятно, что это был двор.

Северо-восточный сектор третьей части имеет наиболее мощные культурные наслоения. Здесь особенно выделяется большое возвышение между центральным холмом с цитаделью и восточной стеной. Его размеры с севера на юг 100 м и с запада на восток 80 м. Высота этого возвышения местами достигает высоты центрального холма.

Территория, прилегающая к южной стене и части западной, имеет культурные наслоения толщиной до 3 м. Ее поверхность всхолмлена. Начиная от юго-западного угла к северу, почти параллельно западной стене, идет довольно глубокая ложбина шириной 15 м, напоминающая след сильно заплывшей улицы. Вторая такая же ложбина начинается у большой башни в южной стене, но сейчас она завалена мусором и плохо прослеживается.

При обследовании местности вокруг центральных развалин был обнаружен вал, являющийся остатками окружающей поселение стены. П. П. Иванов зарегистрировал весь вал, представлявший почти квадрат со стороной в 4 км. В настоящее время вал прослеживается только с западной и южной сторон. На юго-востоке он теряется среди строений ст. Пишпек. Восточная часть вала, вероятно, была постепенно разрушена при возведении построек на ст. Пишпек и в селении Кызыл-Аскер. Северная часть проходила в районе трассы Большого Чуйского канала на распахиваемой ныне под посевы площади, и следы ее поэтому трудно обнаружить. Высота вала в местах наилучшей его сохранности достигает 1,2 м, ширина по основанию — до 12 м. Центральные развалины находятся в 1,4 км от западной стороны вала и в 1 км от северного конца его.

На городище нами было проведено 3 раскопа: на центральном холме, на территории южного сектора третьей части и за пределами центральных развалин, к северу от них, на одиночном небольшом холме.

Раскоп на центральном холме (площадью 7 м²) прорезал четырехметровую культурную толщу, состоящую из сложных бессистемных напластований (разноцветные плотные глинистые прослойки, завалы пахсы, угольные пятна, золисто-угольные и золисто-глинистые линзы). Строительных деталей или правильных горизонтальных прослоек, дающих возможность разделить наслоения, ни в одном срезе раскопа нет. Из раскопа получено значительное количество фрагментов глиняной посуды. Характерным является отсутствие поливной посуды, неполивная же—представлена станковой и лепной. Верхние и нижние слои дали керамику, различную по формам и технике изготовления. В нижних слоях керамика более архаична. Из самого нижнего метрового слоя (четвертого) получена лепная посуда из серого рыхлого глиняного теста с большим количеством примеси дресвы. Встречаются фрагменты и из плотного теста, но с такой же примесью. Во втором снизу метровом слое вместе с плоскими крышками (с концентрическими канелюрами) и фрагментами боковин сосудов, имеющих полулунные наклепные ручки, встречены части хумов. В двух верхних метровых слоях залегала керамика сходных типов.

Лепная посуда представлена крышками, плоскими и коническими (с криволинейным процарапанным орнаментом и ручками в виде двух рогов), обломками от стенок сосудов (с глухими наклепными полулунными и прямыми, петлеобразными горизонтальными ручками) и частями котлообразных сосудов с загибающимися внутрь краями. Отдельно следует упомянуть о горловине кувшина с частью плечиков, по которым имеется вокруг наклепной с насечками жгут (треугольный в сечении) и два пояска орнамента из косых насечек и уголков. Налеп поднимается вертикально и по горловине. Достарханы украшены глубоким врезным орнаментом. Станковая посуда представлена узкогорлыми кувшинами с вертикальными коленчатыми ручками, боковинами сосудов с вдавленным штампом орнаментом (из двух рядов треугольников или двух концентрических кружков), горшками с отогнутыми венчиками и большими глубокими чашами.

Раскоп в южном секторе третьей части центральных развалин (площадью 7 м²) показал, что здесь толщина культурного слоя достигает 3 м, в нем также нет каких-нибудь четких признаков для расчленения толщи на горизонты (рис. 16).

В раскопе, в срезах и в ходе снятия отдельных слоев, выявлены две

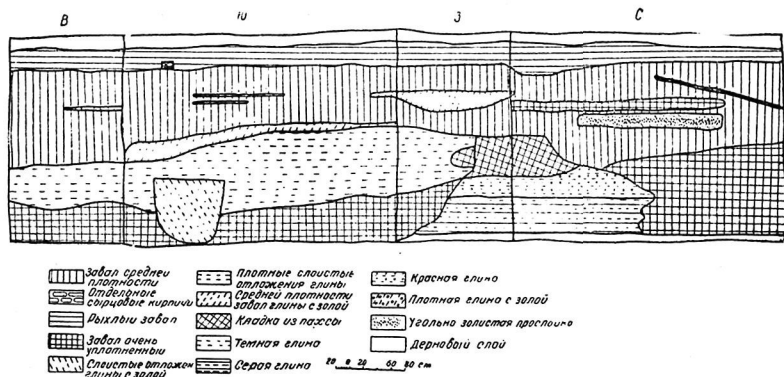

Рис. 16. Ключевское городище. Профиль шурфа на третьей части шахристана к юго-западу от цитадели.

разновременных ямы, которыми наслоения сильно перемешаны. Это затрудняет расчленение наслоений. Но в целом керамические материалы совершенно идентичны материалам из раскопа на центральном холме. Они также состоят из лепной и станковой посуды, поливная керамика отсутствовала. В отличие от предыдущего раскопа здесь зарегистрировано несколько новых форм. Из станковой керамики: маленький очень правильных форм кувшинчик и часть другого, изысканной формы, маленького сосуда; из лепной: жаровни, крышки с новыми формами ручек, достарханы «ступки». Особо следует упомянуть ручку в виде схематизированной фигурки животного, видимо, собаки. Задние ноги животного даны отдельно, передние вместе. Довольно ясно переданы морда с глазами-дырочками, уши, поднятый короткий хвост (длина фигурки 8,5 см).

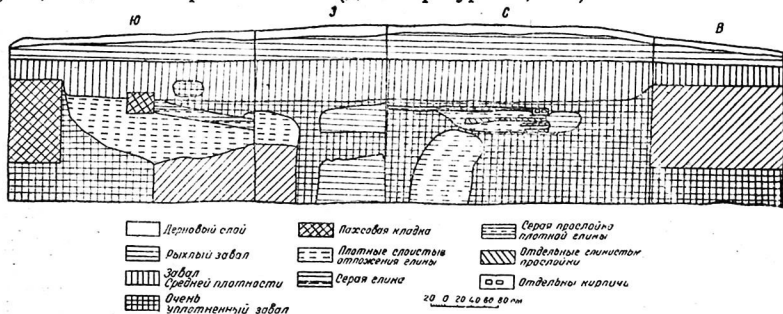

Рис. 17. Ключевское городище. Профиль шурфа на холме в пределах длинного вала.

Раскоп внутри длинной стены (площадью 8 м²) был разбит на округлом холме диаметром 22 м и высотой 2,6 м (рис. 17). Культурный слой мощностью в 2,75 м в нем явственно различаются два строительных горизонта. Верхний простирается на глубину до 1,4 м и отделяется основанием глинобитной стены и завалами рушеной пахсы. Нижний имеет две стены, лежащие ниже границы, разделяющей горизонты. Керамический материал в верхнем горизонте представлен только станковой посудой: тонкостенные из отмученной глины большие сосуды и большие глубокие чаши. В нижнем горизонте керамика встречена и лепная, и в небольших количествах станковая. Из станковой посуды следует отметить часть узкогорлого кувшина и фрагменты боковин, из лепной — миниатюрный кувшинчик и часть горшкообразного сосуда с полулунной глухой ручкой из теста с дресвой и известковой примесью.

Как видим, все три раскопа дали керамический материал, который по фактуре черепков и технике изготовления можно с привлечением наблюдений за стратиграфией наслоений отнести к хронологическому периоду VII—XII вв. Выше подчеркивалось отсутствие в раскопах поливной керамики. Но среди подъемного материала она встречена в разных местах. По качеству изготовления и характеру росписи она может быть отнесена к XI—XII вв. Из случайных находок следует упомянуть водопроводные трубы, обнаруженные экскурсией Фрунзенского дворца пионеров. Эти дополнительные данные подтверждают существование жизни на Ключевском поселении и в караханидское время, вплоть до монгольского завоевания.

На городище, кроме того, были сделаны разрезы валов, в результате чего установлено, что вал, окружающий центральные развалины, являет-

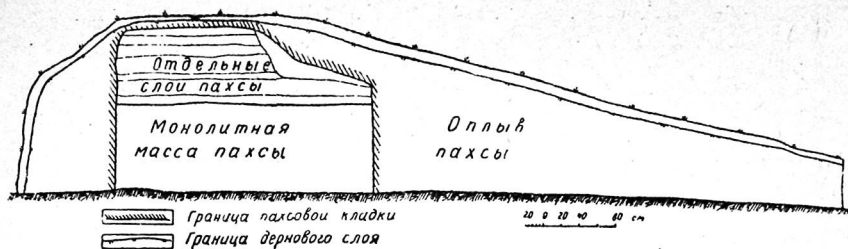

Рис. 18. Профиль разреза внутреннего кольца стен Ключевского городища.

ся остатком стены шириной 2,8 м сохранившаяся высота 1,8 м (рис. 18). Стена глинобитная, из отдельных слоев, отличающихся цветом и толщиной, прослежено 10 слоев, толщиной от 7 до 20 см. Длинный вал, окружающий все поселение, представляет остатки стены, имевшей ширину 2 м (сохранившаяся высота составляет 0,7 м).

Ново-Покровское городище (рис. 19) находится на 10 км дороги Фрунзе—Токмак, на северной окраине с. Ново-Покровского.

Оно расположено на сильно пересеченной местности, так как его территорию пересекают два глубоких лога, по которым протекают ручьи, берущие начало здесь же из ключей.

По своей топографической структуре (особенно центральных развалин) Ново-Покровское I городище еще более сложно, чем Ключевское. Здесь можно различить 5 элементов. Центральный холм прямоугольной формы размерами 150×120 м также напоминает цитадель с маленьким шахристаном. В нем хорошо виден четырехугольник стен, ориентированных по странам света, в западной части которого был двор, а в восточной, два разделенных проездом, больших бугра—остатки крепостных или дворцовых сооружений. Видны два въезда в западной и восточной стенах. Цитадель достигает высоты 8,5 м, валы двора — до 6,5—7 м, а поверхность его—5,5 м от уровня окружающей местности. Третья часть, представляющая четырехугольник размерами 300×320 м, ориентированный сторонами по странам света, окружает первые две. Оплывшие стены его рельефно выражены и возвышаются до 1,5 м над внутренней поверхностью, извне высота достигает 3,5—4,5 м. Их оборонительный характер резко подчеркнут башнями, наибольшие из которых размещены по всем четырем углам и возвышаются над уровнем валов до 2 м, диаметр башен до 20 м. Кроме угловых, в пролетах северной, западной и восточной стен имеется еще по 4 башни. В каждой стене был проезд, оборонявшийся двумя предвратными башнями. Южная стена, видимо, была глухой, в ней кроме угловых, есть одна большая башня в середине пролета. Внутреннее пространство четырехугольника почти одного уровня, но поверхность его покрыта компактно расположенными невысокими сильно оплывшими холмами и западинами.

Четвертая часть поселения ограничена хорошо сохранившимся валом, образующим неправильную прямоугольную фигуру с периметром стен 3,4 км. Западная и восточная части прорезаны глубокими, широкими логами с ручьями, вытекающими из ключей, на остальной части пространства заметны остатки построек. Особенно густо бугры (диаметром 20 м, высотой до 2 м) расположены в северной части, где они в некоторых ме-

стах почти соприкасаются своими подошвами. Валы более крупных построек встречаются редко. Стена этой части достигает высоты 2 м и ширины по основанию 12 м. Во многих местах есть разрывы некоторые из них являются остатками проездов. Проезд в восточной стене, совпадающий по местоположению с проездами в восточных стенах двух предыдущих частей поселения, имел мощное оборонительное сооружение, бугор которого сейчас выступает до 30 м в обе стороны за линию стен и возвышается до 1 м над их уровнем.

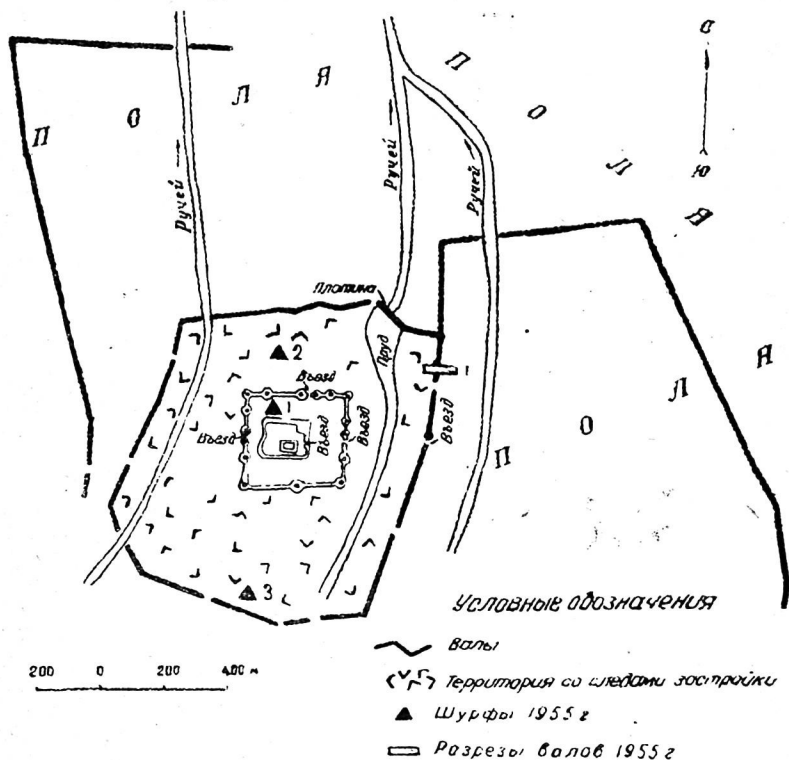

Рис. 19. Схематический план Ново-Покровского городища.

Пятая часть городища ограничена длинными валами, выявленными в двух местах, к северо-западу и востоку. Северо-западный отрезок почти на всем протяжении в настоящее время приспособлен под улучшенную дорогу и прослежен нами на расстоянии 2250 м. Начинаясь от западной стороны четвертой части центральных развалин, он вскоре разветвляется; южная ветвь тянется всего на 200 м, теряясь у околицы села. Северная прослежена на протяжении 1150 м, затем заворачивает под углом к востоку и видна еще на 700 м и, наконец, теряется на пшеничном поле. Восточный отрезок по своему положению как будто не имел точек соприкосновения с северо-западным, но это и не может быть исключено. Начинаясь

от северо-восточного угла первой длинной стены, он идет к северу на протяжении 300 м, затем к востоку на 650 м, а далее, поворачивая к югу тремя неравными отрезками, виден еще на расстоянии 1400 м и теряется у околицы села. О застройке пространств, окруженных обоими отрезками длинных валов, нет возможности сказать что-либо определенное, так как здесь давно производятся распахши. Но в северной части, вдоль террас ручьев, прослеживаются немногочисленные холмики.

Вокруг Ново-Покровского I городища на разных расстояниях разбросано несколько мелких городищ, о которых речь будет ниже, а в 1,5—2 км к северо-западу на открытом поле расположена значительная группа холмов, давшая обильный подъемный материал, в том числе фрагменты стеклянных сосудов, поливной керамики и пр.

Раскопные работы производились только на центральных развалинах, где было разбито три раскопа: один на третьей части и два на четвертой.

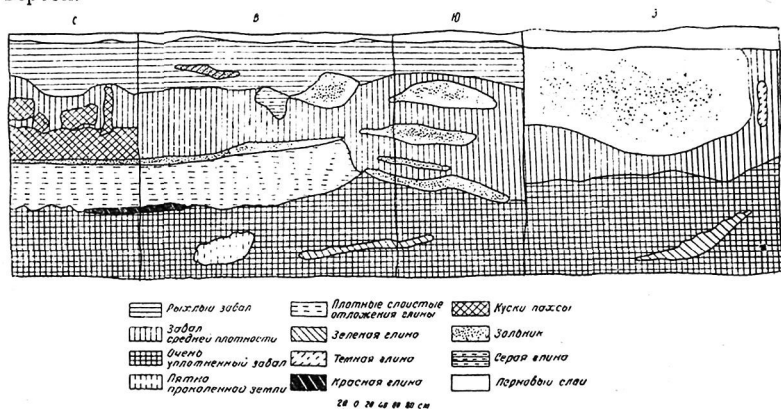

Рис. 20. Ново-Покровское I городище. Профиль шурфа в северо-западном углу третьей части шахристана.

Раскоп в северо-западном углу третьей части площадью 8 м² прорезал культурные наслоения мощностью 3,9 м с двумя строительными ярусами (рис. 20). Линия деления проходит на глубине двух метров в виде сплошной тонкой золыной прослойки, подстилающей глинобитную стену, относящуюся к первому горизонту. Ниже под стеной продолжают наслоения второго строительного яруса. Как и всюду, наслоения составлены бессистемно расположенными гнездами золыников, завалов пахсы, глинистых заплывов.

В первом ярусе керамика станковая и лепная. В числе станковой в единичных экземплярах встречается керамика с белой поливой. Среди станковой неполливой керамики отмечены следующие формы: узкогорлые кувшины с вертикальными ручками и сливами, большие глубокие чаши, маленькие чаши типа пиал, горшкообразные сосуды, отличающиеся высокой техникой изготовления, хорошим качеством теста. В лепной керамике формы иные: большие чаши, горшки с наклепной полулунной ручкой, крышки, светильники на цилиндрической ножке.

Во втором ярусе количество керамики резко сокращается. Поливная посуда совершенно отсутствует. Станковая и лепная наличествует с незна-

чительным преобладанием последней. Формы в обоих типах повторяются.

Анализ керамического материала дает возможность наметить разницу в составе керамики верхнего и нижнего ярусов. Наличие в верхнем ярусе фрагментов поливной посуды и неполивных сосудов высокой техники изготовления дает основание отнести его к XI—XII вв., нижний же—по отсутствию поливы и наличию некоторых признаков находящейся в нем керамики — к VIII—X вв.

Второй раскоп площадью 8 м² был разбит на отдельном холме близ северной стены четвертой части центральных развалин. Культурные наслоения его достигают 2,25 м и состоят из рыхлого светло-коричневого суглинка и затеков такой же структуры. Керамический материал немногочислен и сходен с материалами верхнего яруса первого раскопа.

Третий раскоп площадью 8 м² разбит на отдельном небольшом холме в этой же части центральных развалин, но в южном секторе. Толщина культурного слоя 2,4 м. Для деления ее на отдельные яруса нет данных. Поэтому о находках можно говорить суммарно. В керамике нижних и верхних слоев нет ярко заметных различий, что является следствием сильной перемешанности слоев. По аналогиям с другими городищами можно полагать, что керамические находки из раскопа относятся к продолжительному хронологическому периоду. Так, небольшой кувшинчик с узкой горловиной и вертикальной коленчатой ручкой, слив от такого же, но гораздо большего кувшина и небольшая чашечка, покрытые красным лощением, а

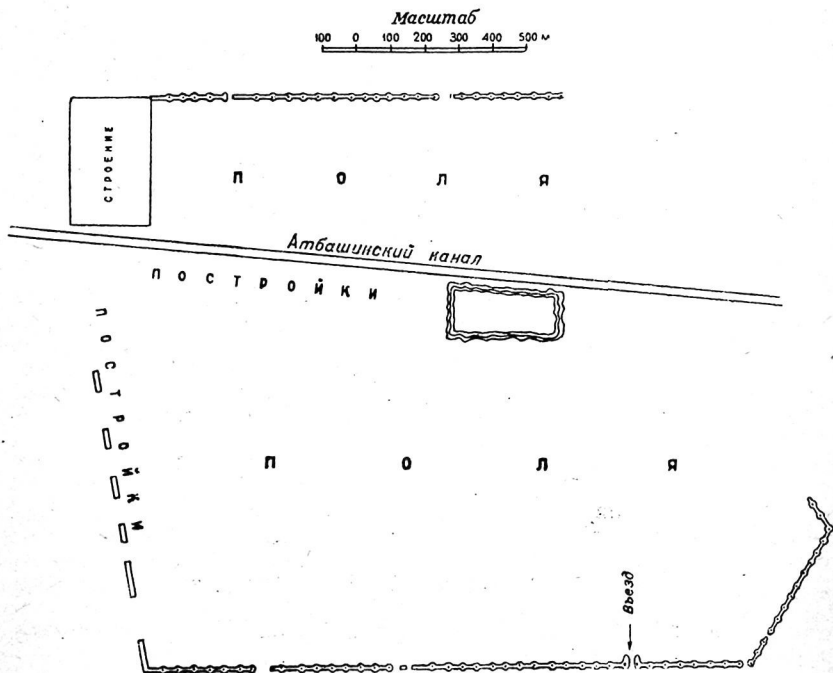

Рис. 21. Схематический план Чумышского I городища.

также ряд фрагментов лепной керамики относятся к раннему периоду существования городищ с длинными стенами.

Изящная станковая посуда баночной формы и кувшины относятся к X—XII вв.

Таким образом, Ново-Покровское I городище, как и Ключевское, по керамическому материалу относится к VII—XII вв. В пользу такой датировки говорит и сложная структура центральных развалин, образовавшаяся в течение длительного периода существования. В более поздних городищах мы не знаем столь развитых центральных развалин. В них основная экономическая жизнь сразу сосредоточивается в пределах территории, замкнутой длинными стенами.

Чумышское I городище (рис. 21) находится в 2 км к востоку от с. Ленинского, недалеко от Чумышских гор, в широкой пойме р. Чу. Оно сильно разрушено современными постройками и распахами. По планировке сходно с остальными городищами с длинными валами: в нем есть центральные развалины, мелкие постройки вокруг них и длинная оплывшая стена. Но в фортификационных сооружениях есть одно существенное отличие—а именно очень большой размер длинной стены и наличие в ней мощных башен, расположенных очень часто.

Центральные развалины в настоящее время имеют форму неправильного подпрямоугольного холма, поверхность которого распланирована механизмами и застроена помещениями животноводческой фермы. Высота холма свыше 3 м, размеры с севера на юг 170 м и 340 м с запада на восток. Остальное пространство внутри длинной стены также все сплошь распланировано и занято посевами. Произвести даже разведочные раскопки на этих развалинах, а, следовательно, исследовать стратиграфию наслоений не было возможности. Но нами был собран подъемный материал в выбросах из недавно выкопанной большой силосной ямы на центральных развалинах. В основном это станковая посуда: узкогорлые кувшины с колечатыми вертикальными ручками, плоские днища разных сосудов, нижние части «ступок» с вмятинами на ребре приподнятого края дна, части достархан, обломки обожженных кирпичей. Лепная керамика представлена плоской крышкой без орнамента и фрагментом боковины большого сосуда с остатком ручки в виде прямого налета. Вне центральных развалин найдена группа жженных кирпичей размером 25,5×16×3 см; 24×23,5 см, 15,5×?×3 см, 16×?×3 см. Характерно, что среди подъемного материала не встречено ни одного фрагмента поливной керамики.

Оплывшая внешняя стена в виде длинных отрезков (до 2 км) сохранилась неполностью: совершенно отсутствуют значительные отрезки восточной и северной стен, под строениями находится и северо-восточный угол. Длина внешней стены (при условии измерения мест разрывов по прямой) достигает 7 км. В стене четко видны башни, расположенные в северной части на расстоянии 40, а в южной—на расстоянии 44 м друг от дру-

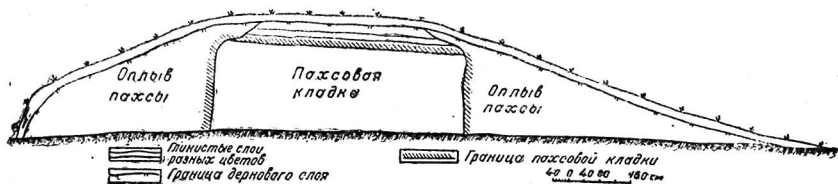

Рис. 22. Разрез южной части вала Чумышского I городища.

га. Ширина вала по основанию между башнями 22 м, высота 2,75 м. Ширина на линии башен 26 м, высота 3,7 м. Разрез вала между башнями показал, что стена имела ширину 6 м, сохранившаяся высота достигает 2,4 м. Интересно отметить, что от основания до 1,8 м тело стены представляет глинобитный монолит, а от 1,8 м до 2,4 м, вероятно, в результате ремонта она надстроена тремя слоями пахсы (рис. 22).

Чрезвычайно мощные оборонительные сооружения внешней стены Чумышских развалин ставят их в особое положение среди городищ с длинными стенами. Некоторую аналогию им составляет только Каиндинское городище, в южной и восточной сторонах длинной стены которого также есть башни. Но в общей планировке оно сходно с остальными. Керамические и строительные материалы, как мы видели из их перечисления, относятся к VIII—X вв. Основного критерия керамики караханидского времени—поливной посуды—мы в верхних разрушенных слоях не знаем. Нижние слои нам неизвестны. Нет поливной керамики и в Каиндинском городище, но там мы знаем раннюю согдийскую керамику. Эти обстоятельства позволяют ориентировочно относить оба городища к одному хронологическому периоду, т. е. к VII—X вв. Но Чумышские 1 развалины своей монументальностью напрашиваются на отождествление их с важным военно-административным центром.

Городище Кысмычи. В Чуйской долине это третье городище, вокруг которого была известна и до наших работ длинная стена, считавшаяся оборонительной стеной поселения, построенной в XIV в. Это одно из трех городищ Чуйской долины, где проводились раскопочные работы Семиреченской археологической экспедицией.¹ Есть и другие, но весьма краткие известия об этом поселении.² Раскопочных работ на развалинах нами не производилось. Приводимая ниже характеристика руин основана на предыдущих работах и наших обмерах.

Центральные развалины размерами с севера на юг 300 м, с востока на запад 400 м, расположены на самом краю высокой правой надпойменной террасы р. Чу, план их предопределен сильно пересеченной местностью. Они, по-видимому, были созданы в несколько этапов, что также явилось причиной сложного плана, имеющего форму неправильной четырехугольной фигуры. Цитадель находилась близ северо-западного угла, отделяясь от внешней стены небольшим пространством. В плане бугор ее овальной формы.

Шахристан состоит из двух частей, разделенных подправленным обрывом.

Меньшая, восточная часть, с относительно ровной поверхностью; западная, большая, кроме цитадели имеет еще одну площадку, резко возвышающуюся над общей поверхностью внутреннего пространства. Площадка примыкает к восточной стене и представляет собой в плане почти правильный четырехугольник. Остальная часть поверхности не имеет ярко выраженных рельефных особенностей и значительно понижается к юго-западному углу, в котором был один из главных въездов, открывавшихся в пойму р. Чу. Второй въезд виден в восточной стороне.

Значительное пространство к востоку от центральных развалин, не имеющее выраженных культурных наслоений, окружено отдельной сте-

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 83—84; МИА, № 14, стр. 27 и 55, 58.

² А. Х. Маргулан и Е. И. Агеева. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. Известия АН Казахской ССР, № 46, серия археологическая, вып. 1, 1948, стр. 128.

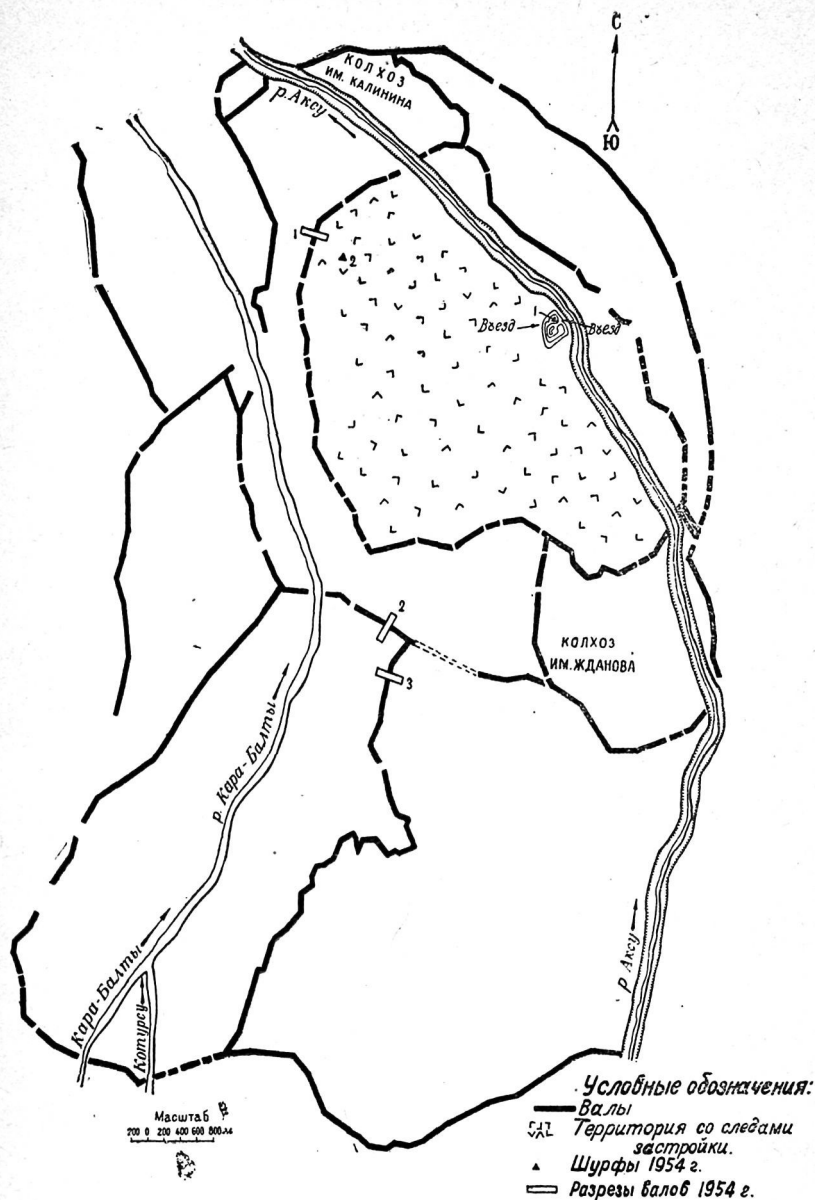

Рис. 23. Схематический план Степнинского городища.

ной. Внешняя длинная стена, по обмерам Семиреченской экспедиции, имеет ломанный периметр. Ее длина около 10 км. На основе наблюдений за топографией и раскопочными материалами возникновение городища относится ко времени VII—VIII вв. Жизнь на нем продолжалась еще и в каракитайское время. Но возникновение длинной десятикилометровой стены относится А. Н. Бернштамом к XIV в. и связывается с восстановительной деятельностью Тимура¹.

Многочисленные факты наличия длинных стен вокруг поселений, опустевших в начале XIII в. и не восстанавливавшихся более, противоречат такой поздней датировке длинной стены и такому определению ее функций. По аналогии с другими городищами с длинными стенами, мы считаем, что Кымычы представляет остатки поселения, возникшего в VII—VIII вв. и просуществовавшего до XIII в. Достаточно убедительных данных о существовании его в XIV в. пока нет.

Степнинское городище (Ак-Тюбе) (рис. 23). Севернее с. Степного Калининского района, на границе Киргизии и Казахстана находятся грандиозные развалины, которые бесспорно, можно считать руинами очень большого города, со сложной и мощной системой оборонительных сооружений.

Городище расположено по обоим берегам р. Ак-Су. К западу оно распространяется до р. Кара-Балты и охватывает своими оборонительными сооружениями часть ее поймы.

Центральные развалины стоят над левым высоким обрывистым берегом р. Ак-Су, образуя неправильный пятигранник, размером 250 (с севера на юг) на 300 м (с запада на восток), состоящий из двух, резко отличающихся своей высотой, площадок. Нижняя площадка окружает со всех сторон верхнюю, выступая к югу на 94 м, к востоку на 80 м, к западу на 76 м и к северу на 96 м. Поверхность ее сильно сглажена, но и в таком виде достаточно четко членится на холмы (развалины построек) и углубления (дворики и пр.). С трех сторон ее окружает ров шириной по верху 12 м, по дну 4 м и глубиной до 1,7 м. Северо-восточная сторона сливается с обрывом берега Ак-Су, образуя прямоугольной формы углубление, тянущееся до самой верхней площадки. С восточной и южной сторон—невысокие, сильно оплывшие склоны. Высота площадки с восточной стороны 1—1,5 м, с северной и южной—около 1,5 м и только к западу в одном участке близ верхней площадки—до 2,5 м. В юго-западном углу—большая западина (хауз или двор) размерами 20×26 м. Рядом с западиной—остатки разобранного здания из обожженного кирпича, размер здания без раскопок установить нельзя. Весьма характерно, что нижняя площадка по всему своему обводу не имеет более или менее выраженных валов стен. Их, вероятно, не было совсем или, по крайней мере, в последний период существования города.

Верхняя площадка в плане представляет неправильный прямоугольник, ориентированный углами по странам света, северо-восточная и юго-западная стороны его равны 150 м, а северо-западная и юго-восточная соответственно, 110 и 100 м. Она поднимается над нижней площадкой до 6 м. Наиболее возвышенная часть находится в южном углу, восточнее ее виден проезд, проходящий через всю площадку, заметный также и на нижней площадке. В восточном углу находится отдельная возвышенность с запада ее обходит упомянутый проезд, а с юга и востока—небольшой двор.

¹ МНА, № 14, стр. 27, 58.

В юго-восточной стороне верхней площадки видна небольшая отдельная стена.

Можно полагать, что верхняя площадка является руинами одного мощно укрепленного комплекса, скорее всего замка владельца города. Нижняя же—была занята постройками подсобного характера и не имела больших оборонительных сооружений.

Небольшой размер центральных развалин Степнинского городища с достаточной убедительностью говорит за то, что они не были экономическим центром поселения, а служили лишь средоточием политической власти. Не могли они играть и роли последнего убежища в случае военной опасности для всех или даже хотя бы для избранной части населения. Основная городская жизнь была сосредоточена на большой территории вокруг центральных развалин, покрытой почти сплошь различной величины буграми—остатками построек. Эта территория оборонялась мощной стеной, достигавшей в длину 15 км.

При обследовании этой громадной территории установлено, что только в ее южном секторе, на террасах, а также в широкой пойме Ак-Су и к северу от поймы, нет ясных следов построек; остальное же пространство имеет следы застройки разной плотности и характера.

В северо-западном секторе преобладают одиночные холмы, отстоящие друг от друга на 25—80 м, но чаще всего через 40—50 м. Иногда такие изолированные бугры тянутся цепочкой до 10 штук, напоминая развалины домов одного ряда улицы. Ближе к центру местами прослеживаются сильно оплывшие холмы, стоящие тесно друг около друга, составляя слитный массив, и взаимное отношение их определить трудно. В иных местах ясно видна застройка отдельными прямоугольниками—усадебками (размерами от 25×50 и до 40×50 м), с остатками стен по всем четырем сторонам и с холмом в одном из углов. Усадьбы стоят впритык. Валы, огораживающие их, имеют высоту 1—1,5 м и ширину по основанию 6—8 м. Местами валы тянутся на значительном расстоянии, являясь как бы границей улицы (дувал). Лежащие за ними усадьбы разделяются меньшими по размерам валиками.

Встречается и еще один тип построек—турткули, или отдельные сильно укрепленные усадьбы. Одна из них расположена у южной стены. Она четко ограничена четырехугольным валом шириной по основанию 6—8 м, высотой 1,2—1,5 м, размерами 50×60 м. Большая часть внутренней поверхности турткуля почти одного уровня с окружающей местностью. В центре его западной стены расположен холм диаметром 16 м и высотой около 2 м. Холм таких же размеров расположен в центре восточной стены. К последнему примыкает метровой высоты площадка, занимающая весь северо-восточный угол.

Рис. 24. Разрез первого (внутреннего) кольца длинных валов Степнинского городища.

15-километровый вал, огораживающий застроенную территорию, и ныне выглядит очень эффектно. Его высота превышает 3 м, достигая в некоторых местах 3,5 м, а ширина по основанию равна 18—20 м. С наружной стороны вала виден ров, шириной 8—10 м, глубиной 0,6—0,8 м. Поперечный разрез через вал показал, что он является сильно оплывшей стеной, плотной сбитой из лёссового суглинка, шириной 4,4 м, в высоту она сохранилась на 2,5 м. Судя по мощности наплывов, можно предположить, что первоначальная высота стены достигала 5—6 м (рис. 24).

Кроме вала, окружающего застроенную часть, в Степнинском городище зарегистрировано еще несколько валов. значительных по своей протяженности. Так, на расстоянии 0,3—2 км от описанного 15-километрового вала «концентрически» идет второе кольцо, длиной 23 км. Вал окружает большое пространство по правому берегу р. Ак-Су, переходит на ее левый берег, частично достигая поймы р. Кара-Балты. Высота его 1,3—1,6 м, ширина по основанию до 12 м. Форма его в сечении — уплощенная полусфера. В южном отрезке вала на протяжении около 1 км в качестве препятствия использован глубокий ров, к концам которого примыкает вал. Разрез вала, сделанный в южной части, дал не совсем ясную картину. В профиле внешнего, южного, склона отмечена очень твердая толща лёссового суглинка, весьма напоминающего глинобитную стену (ширина 2 м, высота 1,3 м). Профиль другого, северного, склона не дает таких четких различий в твердости и напоминает насыпной вал, но в срезе кое-где видны небольшие участки твердого лёсса, по-видимому, завал глинобитной стены. В настоящее время мы не можем с полной уверенностью сказать, что второй вал является остатком стены. Может быть это был вал, наружная сторона которого была ограничена отвесной стеной толщиной около 2 м. Но аналогий подобному оборонительному сооружению мы не знаем. Возможно, что это была стена, сходная по конструкции с западной стеной в Кайдинском городище, которая имела глинобитные края и засыпь в толще.

Между первым и вторым валами проходят несколько поперечных отрезков, делящих пространство, окруженное вторым кольцом, на несколько секторов.

К левобережной части второго, 23-километрового вала, примыкает еще несколько полуколец валов. Один из них длиной 5 км охватывает пойму р. Кара-Балты и идет сначала двумя отрезками по подножью ее берегов, затем вдоль северной околицы с. Степного, пересекая ее. Этот вал также был прокопан поперечной траншеей, показавшей, что он был насыпным и никаких признаков стены не обнаружено.

Второе полукольцо, длиной 5,5 км, начинаясь от юго-восточного пункта первого (от берега поймы р. Кара-Балты), поднимается на высокие холмы и идет сначала на юго-восток, затем на северо-восток и доходит до поймы р. Ак-Су, не переходя на ее правый берег.

Третье и четвертое полукольца окружают значительные территории левого берега р. Кара-Балты. Они имеют одну общую сторону — отрезок, спускающийся в пойму и доходящий до второго кольца. Длина их проследженной части 4 и 3,5 км. Южный и северный концы их сильно распаханы и теряются.

Таким образом, мы видим тенденцию окружения валами как пойменных мест двух рек, так и значительных земельных угодий вдоль их берегов, за пределами самого поселения.

Кроме разрезов валов, на городище были произведены небольшие рас-

копочные работы разведочного характера. На центральных развалинах был заложен шурф площадью 4 м², доведенный до глубины 4,10 м. Он прорезал только слои IX—XII вв., состоящие из глинистых завалов, наплывов и небольших золистых пятен. На глубине 0,9—1,55 м в южной части раскопа выявлена сырцовая кладка из кирпича размерами 22×20×7 см. На глубине 1,32—1,55 м, в центре раскопа, лежали в горизонтальном положении три обожженных кирпича (размерами 32×18, 5×3 см; 22×21×3,7 см; 23,5×? см). В западном срезе раскопа на глубине 1,75—2,5 м было обнаружено два очага-тандыра, в форме удлиненных сосудов, расположенных один над другим с прослойками между ними в 0,25 м. Оба сделаны из красной глины, высота верхнего тандыра 0,54 м, наибольший диаметр 0,4 м, высота нижнего — 0,45, наибольший диаметр 0,5 м (толщина стенок обоих 0,7—0,8 см).

На глубину до 3 м шли слои, насыщенные материалами, которые нельзя отнести к более раннему времени, чем X—XII вв. Здесь преобладает станковая керамика, среди которой встречается поливная. Посуда сделана из отмученной глины и имеет высокий обжиг. Форма ее — чаши на дисковидном поддоне, светильники, узкогорлые кувшины с вертикальными ручками и др. Характерно, что и здесь лепная керамика встречается наряду с станковой вплоть до XII в., правда, составляя незначительную часть ее. В основном это кухонная посуда: больших размеров плоскодонные горшки с ручками и без ручек, употреблявшиеся для приготовления пищи, и крышки для кухонных сосудов. Посуда сделана из глины с дресвой и песком и имеет высокий обжиг.

Только последний метровый слой дал материалы, относящиеся к IX—X вв. Более ранних культурных слоев нет.

В 2 км к западу от центральных развалин у самого вала городской стены (в 120 м от западной части его) был разбит шурф на одиноко стоящем холме диаметром 12 м и высотой 1,35 м. В толще его один строительный горизонт, состоящий из остатков стенки, сложенной из сырцового кирпича (размером 30×15×8 см) и глинистых завалов. В дерновом слое найдено несколько обломков обожженного кирпича (18×?×3 см). Основную

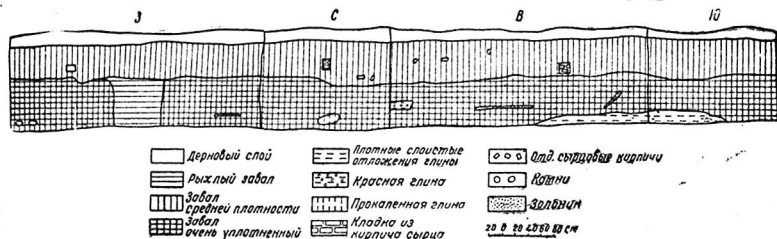

Рис. 25. Степнинское городище. Профиль шурфа на холме в пределах длинного вала.

часть наслоений составляют глинистые наплывы, но встречаются пятна прокаленной земли и мелкие линзы зольников (рис. 25). Полученные керамические материалы сделанные на круге и лепные, в том числе сосуд с высокой широкой горловиной очень правильных форм, дают возможность отнести холм к IX—XII вв.

Таким образом, все стратиграфические материалы и топографические данные позволяют сделать заключение, что Степнинское городище воз-

никло не ранее IX—X вв. и существовало, как и все поселения Чуйской долины, до конца XII в. Из приведенного описания видно, что здесь мы имеем иную конструкцию центральных развалин, отличающихся также и малыми размерами. Это не шахристан с цитаделью, как в Краснореченском городище, Ак-Бешиме и Шиш-Тюбе, а только военно-административный центр, местопребывание феодального владельца большого города. Город и его административно-военный центр возникли одновременно, т. е. это было своеобразное городское поселение, развивавшееся не по так называемому мавераннахрскому типу образования городов. Здесь основная экономическая и культурная жизнь была сосредоточена на колоссальной территории, имевшей отмеченную выше сложную систему обороны.

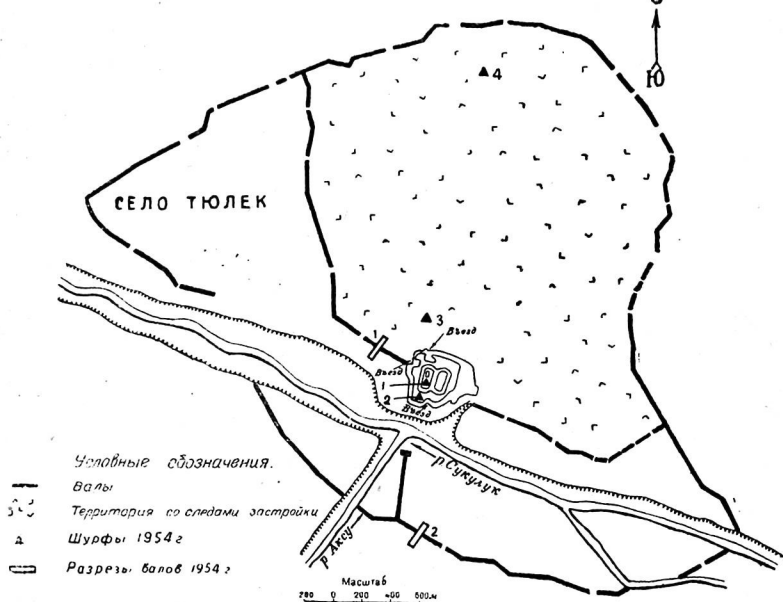

Рис. 26. Схематический план Толекского городища.

Толекское городище (рис. 26) расположено на восточной окраине с. Толек Сталинского района у слияния рек Ак-Су и Сокулук. Развалины его отличаются очень хорошей сохранностью, так как это один из немногих комплексов, которых почти не коснулась хозяйственная деятельность современных людей. Только западный отрезок первого длинного вала использован под постройки с. Толек, да часть шахристана занята под кладбище.

Цитадель с шахристаном стоят на правом берегу р. Сокулук прямо против места слияния ее с р. Ак-Су. Они расположены иначе, чем в предыдущих городищах, а именно, не в середине территории, окруженной длинной стеной, а в южной стороне, будучи включенными в кольцо стены.

Эта часть городища состоит из четырех ярусов. Нижний ярус виден только в восточной части и представляет собой сильно сглаженную пло-

щадку высотой около 1 м. Общий контур нижнего яруса — неправильный многогранник.

Второй ярус высотой около 4 м перекрывает нижний, за исключением упомянутой площадки в восточной части. В этом ярусе больше прослеживаются топографических особенностей. Так, в южной стене виден один из основных въездов, хорошо защищенный сильно выступающей слева высокой предвратной башней. От него идет ясно прослеживаемая ложбина — след улицы. Второй въезд был расположен в западной стене и обозначен большим разрывом ее. Оба въезда выходили из шахристана за пределы внешней стены. На территорию, окруженную длинной стеной, также было два въезда: один из них около соединения длинной стены со стеной шахристана и ведущий в небольшой двор округлой формы (размерами 60×50 м), примыкающий к западной стороне цитадели. Второй — во двор, прилегающий к северной стороне цитадели. В северо-восточной части находится овальной формы хауз размерами 40×50 м. По южной, западной и северной сторонам ясно видны стены шахристана с сохранившимися кое-где башнями.

Третий ярус центральных развалин расположен в центре и составляет около одной четверти их общей площади. Он имеет форму квадрата со

Рис. 27. Разрез первого (внутреннего) кольца вала вокруг шахристана Токеского городища.

сторонам в 200 м и делится на две равные части ложбиной, идущей с севера на юг. Это следы улицы, являющейся продолжением улицы второго яруса.

В северо-западном углу квадратного холма третьего яруса находится цитадель размерами 60 м с севера на юг и 80 м с запада на восток, возвышающаяся над третьим ярусом на 2—2,5 м.

Вполне вероятно, что три яруса, составляющие холм шахристана с цитаделью, являются остатками культурных напластований трех различных периодов. Это должны выяснить раскопки.

Вал, окружающий территорию вокруг шахристана, сохранился весь с небольшими разрывами, часть которых несомненно была проемами ворот. Общая длина его 9,5 км. Вал сильно оплыл, размеры его колеблются: высота от 1,2 до 1,8 м, ширина по основанию от 10 до 14 м.

Разрез показал, что он является остатком стены шириной 3 м, сохранившаяся высота — 1,2 м (рис. 27). Вся территория, окруженная валом, сохранила следы довольно плотной застройки, позволяющей предполагать, что эти территории и у других городищ также были полностью застроены, но длительная сельскохозяйственная деятельность современного населения разрушила и выровняла их. Остались нетронутыми только большие бугры. Это подтверждается частыми находками фрагментов керамики на пашнях, расположенных в этих частях (Ашпара, Шиш-Тюбе, Ак-Тюбе у Сре-тенки и др.).

Остатки построек в кольце первой стены позволяют сделать также

ряд наблюдений о типе и плотности застройки. У южной стены, близ шахристана, сосредоточены бугры крупных размеров (диаметр 25—30 м и высота 1,5—2,5 м), отстоящие друг от друга на расстоянии от 40 до 70 м. Между ними в некоторых местах ясно видны валики — остатки глинобитных дувалов, разделявших отдельные городские постройки. Иногда в 12—15 м от больших бугров находятся мелкие холмики (высотой до 0,5 м и диаметром 10—12 м), составляющие комплекс с большими буграми. Возможно, что это были подсобные хозяйственные постройки одной усадьбы. В некоторых группах больших холмов расстояние сокращается до 15—30 м. Близ цитадели городища расположено несколько турткулей (50×50 м, высота валов 1,5—1,8 м) с холмом у одной из стен. В юго-западной части различаются несколько четырехугольников (размерами 50×40 м) с буграми в углах или около одной из стен. Валики, окружающие их, достигают высоты 0,4—0,5 м и ширины по основанию 4—5 м.

В средней части пространства, окруженного длинной стеной, холмики от развалившихся построек расположены более компактно, что также может считаться признаком социальной топографии: здесь жила наименее состоятельная часть городского населения. Эти холмики располагались правильными рядами, создавая как бы отдельные кварталы.

В одном из таких кварталов нами зафиксировано два ряда домов (по 3 и 4 холма), идущих с севера на юг параллельно на расстоянии 40 м друг от друга; между холмами в рядах расстояние также 30—40 м. Заметны следы дувалов, ограждавших квартал. Общие размеры квартала 50×180 м.

В другом квартале направление рядов с запада на восток; в ряду по три холма (диаметр 15—18 м, высота 1,5—2 м), расположенных на расстоянии 20—25 м друг от друга. Между рядами построек расстояние 15—20 м. Общие размеры квартала 45×96 м.

Третий из числа довольно ясно прослеживаемых кварталов (100×90 м) состоит как бы из двух частей, разделенных валиком. Ряды построек вытянуты с запада на восток. Между двумя основными рядами видны отдельные холмы, по-видимому, остатки вспомогательных хозяйственных построек.

В зоне вдоль длинной стены, как и во многих других городищах, наблюдается большая рассредоточенность построек. Холмы небольших размеров отстоят друг от друга на расстоянии в среднем 40—50 м.

В Толекском городище имеются стены округи, примыкающие к первой стене с запада и юга. Одна из стен округи охватывает пойму рек Ак-Су и Сокулук и еще значительное пространство надпойменной террасы. Начинаясь от юго-восточного угла первой стены, она вначале уходит к югу, а затем продолжается почти параллельно ей, пересекая два рукава р. Сокулук, р. Ак-Су до и после впадения в нее р. Сокулук. В этом размещении можно усмотреть причины, преследовавшие как оборонительные, так и хозяйственные цели. Защита пойменных мест была связана с охраной выпасов и других угодий. Описываемая стена округи общей протяженностью 8,7 км; высота валов 1—1,5 м, ширина по основанию 10—12 м. Она имеет одно ответвление, идущее к шахристану, которое как бы делит окруженное ею пространство на два сектора. Возможно, что это было связано с разновременными постройками отдельных звеньев стены по мере роста поселения.

От второго вала недалеко от соединения его с первым кольцом в северо-западном углу ответвляется еще один вал, не снятый на план из-за недостатка времени.

На городище было разбито 4 разведочных раскопа: два на шахристане, два вне его. Первый раскоп на шахристане (площадью 10 м^2) поставлен на площадке III яруса (рис. 28). Он прорезал культурный слой толщиной 6,2 м. В снятых слоях и срезах раскопа по строительным остаткам и наслоениям можно выделить три горизонта. Нижний горизонт расположен от поверхности на глубине 3,4—6,2 м, средний горизонт примерно на глубине 2—3,4 м и верхний до 2 м от поверхности. Наслоения состоят из завалов сырцовых кирпичей и пахсы, глиняных заплывов, перемежающихся с зольными прослойками и зольными пятнами. В среднем горизонте зачищена стена из кирпича размерами $50 \times 25 \times 10 \text{ см}$, проходящая с северо-запада на юго-восток через весь раскоп. Ее глубинные отметки 2,45—3,4 м, ширина кладки 1,2 м. В нижнем слое, в северном срезе раскопа, зафиксирована глинобитная стена шириной 0,8 м, ее отметки 3,4—3,8 м.

Материалы, полученные из двух верхних строительных ярусов (до глубины 3,4 м), бесспорно можно датировать X—XII вв. Здесь мы встречаем как поливную, так и неполивную станковую посуду, а наряду с этим и лепную керамику. Самый ранний строительный горизонт (ниже 3,4 м) дал керамику более низкой техники изготовления из грубого теста ручной лепки. Но и здесь встречается станковая керамика. Этот горизонт следует отнести к IX—X вв.

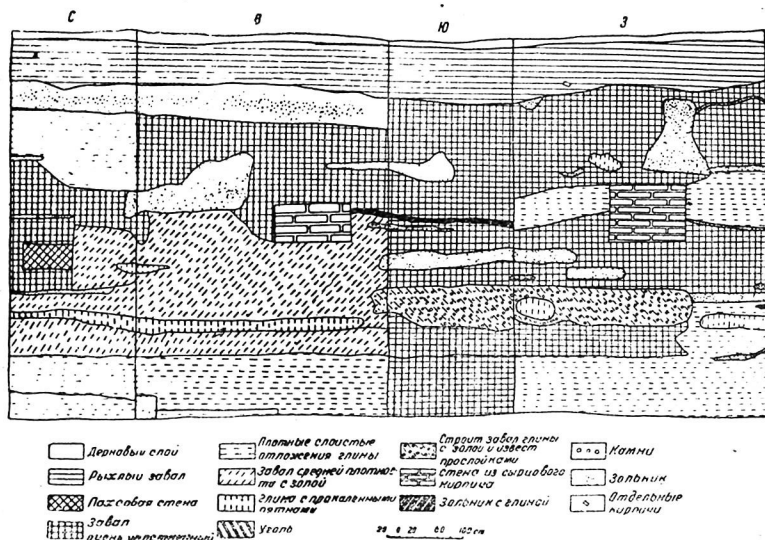

Рис. 28. Толекское городище. Площадь шурфа на верхней площадке шахристана.

Раскоп на площадке второго яруса шахристана (площадью 10 м^2) прорезал наслоения толщиной 5,1 м, т. е. всего на 1 м меньше, чем на верхней площадке, хотя разница в их уровне гораздо больше. Это объясняется, по-видимому, тем, что центральная часть шахристана стояла на каком-то естественном возвышении. Раскопом обнаружен угол помещения. Глинобитная стена его прослеживается с глубины 2 до 3,2 м и ясно отражает два периода ее сооружения. Примерно в середине она разделена прослой-

кой из глинисто-золистого завала толщиной 10 см. Эта перестроенная стена, подстилаемая двухметровой толщей и перекрываемая такой же толщей культурных наслоений, позволяет предполагать здесь наличие, по меньшей мере, четырех строительных горизонтов. Кроме стены, других строительных остатков, могущих служить для членения культурных наслоений, не обнаружено. По остальным срезам раскопа видны только глинистые и глинисто-золотистые завалы и заплывы. На материке лежит слой чистого песка в 30 см.

Преобладает лепная керамика, станковая посуда многочисленна, но невыразительна, поливной посуды совершенно нет. Это дает основание полагать, что второй ярус холма шахристана составляют культурные наслоения, образованные в период, предшествовавший времени широкого распространения станковой посуды и посуды с поливой, т. е. его можно датировать временем до X в.

Лепная посуда из теста с примесью и слабого обжига. Это—горшкoобразные сосуды с наклепными ручками, крышки с линейным, процарапанным и вдавленным орнаментом, светильник с резервуаром на высокой ножке и достарханы.

В кольце первого длинного вала один раскоп разбит на сравнительно большом холме, близ шахристана, в группе бессистемно расположенных холмов (высота холма 2 м, диаметр 25 м). Культурный слой составляет 2,7 м при высоте холма в 2 м. Холм постройки стоит на значительном культурном слое (до 0,7 м). Раскоп прорезал аморфные глиняные заплывы и рыхлые глиняные завалы до материка. Верхние наслоения до 2 м, судя по керамике (поливной и станковой), относятся к XI—XII вв. Слой ниже 2 м дают, в основном, лепную керамику с примесями в тесте, формы которой характерны для IX—X вв.

Второй раскоп был заложен у северного участка длинного вала на холме высотой 1,5 м и диаметром 20 м. Им прорезан культурный слой мощностью 1,65 м, состоящий из двух строительных горизонтов, образованных внизу твердыми заплывами, а сверху—рыхлыми завалами из лёссовидного суглинка. Весь вещевой материал относится к XI—XII вв.—это поливная, станковая и лепная керамика, жженный кирпич.

Раскопочные материалы с территории, окруженной первой стеной, подсказывают нам историю ее роста. Мы обнаружили большие культурные наслоения близ шахристана, причем нижние из них более ранние по времени. Окраины этой территории имеют менее мощный культурный слой позднего происхождения. Из этого видно, что огромное поселение разрассталось постепенно в ширину.

Толекское городище, как и Степнинское, судя по топографическим и раскопочным данным, возникло позже других поселений. Его возникновение связано с расширением зоны, освоенной оседло-земледельческим населением в Чуйской долине, вызванным общим ростом производительных сил в изучаемый период времени.

Полтавское городище (рис. 29) расположено между селами Полтавка и Петровка на 53 км дороги Фрунзе—Калининское.

Центральные развалины расположены на концевом выступе мыса между двумя глубокими и широкими логами, по которым протекают ручьи, берущие начало из ключей. В плане они имеют вид неправильной фигуры, повторяющей форму концевого выступа. Западная сторона в средней части имеет правильный прямоугольный П-образный уступ внутрь, выполнявший, вероятно, оборонительные функции. В середине этого уступа находится круглый в плане холм цитадели диаметром 50 м и высотой над

поверхностью городища 4 м. Северный и южный концы этой стороны имеют формы кривых линий.

Северная часть центральных развалин расположена на самом конце мыса. Восточная сторона имеет форму неправильной кривой линии, образующей уступ внутрь холма по линии северного конца цитадели, и далее значительно выступает к востоку, а южная сторона представляет прямую линию длиной 190 м, идущую с востока на запад. В южной стороне хорошо виден въезд по пандусу. На поверхности холма, кроме отмеченной цитадели, выделяются еще два возвышения в юго-западном и юго-восточном секторах, а далее, до цитадели поверхность имеет один уровень, и лишь в северной части значительно понижается. Характерно, что по краям холма развалин нигде не видно следов стен. Подобную деталь мы уже не раз наблюдали на целом ряде городищ.

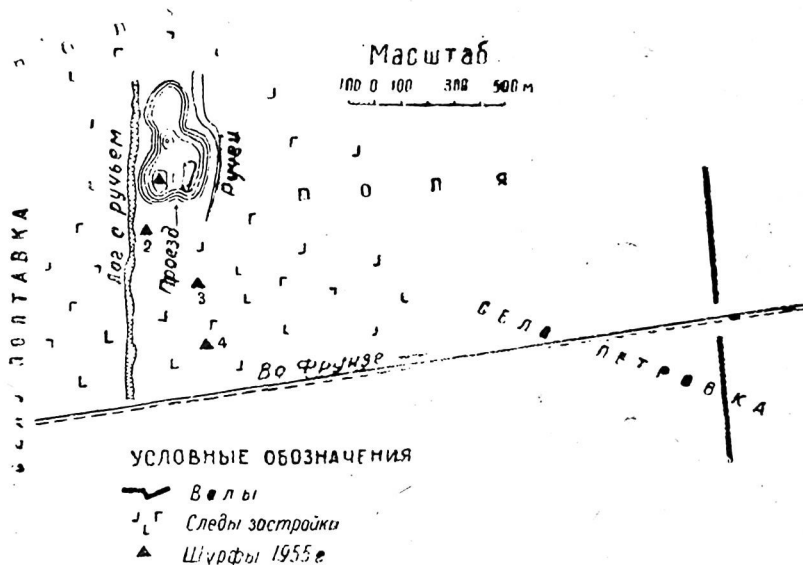

Рис. 29. Схематический план Полтавского городища.

Территория, прилегающая к центральным развалинам, несмотря на долгие распашки и большие планировочные работы, до сих пор сохранила следы былой ее застройки. Много одиночных холмов имеется к югу от центральных развалин на протяжении около 1 км вплоть до шоссе, а также на северной и западной окраинах с. Петровки. Но раньше, судя по материалам экспедиции надзора на строительстве БЧК, одиночных построек вокруг центрального холма было несравненно больше¹.

По рассказам жителей колхозов «Красный пахарь» и им. Коминтерна, вокруг этого городища был длинный вал, ныне разравненный с помощью землеройных машин. Южная дуга вала была распланирована только в 1952 г., одновременно с этим были уничтожены и мелкие холмы

¹ МИА, № 14, стр. 25, 99, 102.

в северном секторе. При очень тщательном обследовании местности вокруг центральных развалин часть вала была все же обнаружена к востоку от городища на усадьбах с. Петровки. Он прослеживается в направлении с севера на юг на расстоянии около 800 м. Сразу же за пределами усадеб вал теряется, но, по указаниям колхозников, разравненные валы сходились с концами сохранившегося вала. Зарегистрированный отрезок отстоит на восток от центральных развалин на расстоянии около 1,5 км. Примерно такое же расстояние было до северной и южной дуг разравненного участка. Общая длина вала достигала, очевидно, не менее 10 км. Все это позволяет отнести Полтавские развалины к городищам с длинными стенами.

На городище нами было заложено 3 раскопа. Раскоп № 1 площадью 8 м² разбит на центральных развалинах в юго-западном секторе. Культурный слой в этом месте достигает 3 м и состоит из бессистемных глиняных заплывов и завалов, перемежающихся с зольниками и золисто-угольными линзами (рис. 30). Керамический материал очень обильный и хорошо да-

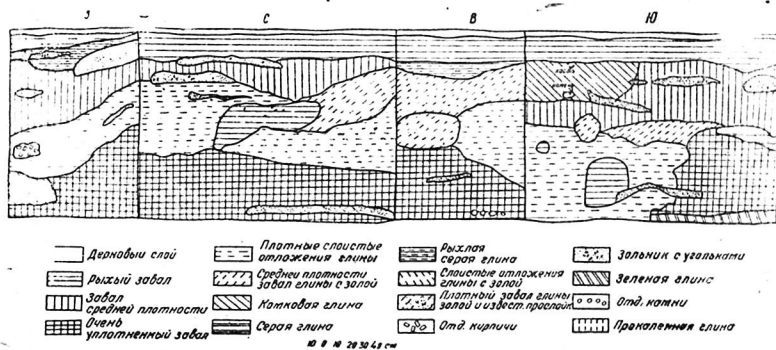

Рис. 30 Профиль шурфа на шахристане Полтавского городища.

тируется поливной керамикой с глазурью белого (с коричневой и черной росписью) и зеленого цвета разных оттенков. Формы посуды немногочисленны: это чаши, банкообразные сосуды, чираги. Неполированная керамика в подавляющем большинстве станкового изготовления сложной профилировки, весьма разнообразных форм: тонкостенные небольшие чаши, узкогорлые кувшины с коленчатой ручкой, широкогорлые сосуды типа ваз, горшкообразные и баночные сосуды, большие глубокие чаши. Лепная посуда встречается по всей толще, но очень редко и представлена невыразительными фрагментами больших кухонных сосудов со следами копоты. В верхних слоях было встречено несколько фрагментов стеклянных изделий.

Раскоп № 2 площадью 8 м² заложен на одном из сохранившихся холмов в 500 м к югу от центральных развалин. Холм распахивался, высота 0,81 м, диаметр 10 м. Толщина культурного слоя 1,95 м. Наслоения состоят из суглинков различных оттенков серого и коричневого цветов с вкраплениями зольных пятен. Керамический материал немногочислен и состоит из равного количества станковой и лепной посуды. Посуда по фактуре черепка и технике изготовления идентична станковой посуде центральных развалин (раскоп № 1).

Раскоп № 3 площадью 8 м² разбит на отдельном холме близ южной стороны центральных развалин. Культурный слой равен 2 м в толщину и

состоит из рыхлого пылевидного суглинка с зольными пятнами. Пахсовая стенка, идущая через весь раскоп по линии север-юг с глубинными отметками от 1 до 2 м, позволяет говорить о двух строительных горизонтах в культурных наслоениях. Керамический материал аналогичен материалу из раскопа № 1.

Резюмируя данные раскопок на Полтавском городище, следует отметить поздний характер керамики. Это дает возможность датировать поселение IX—XII вв. Признаков, характерных для городищ VI—VIII вв., ни среди раскопного, ни среди подъемного материала нет. В пользу более поздней датировки поселения говорят также размеры и небольшая мощность наслоений центральных развалин.

Грозненское городище (рис. 31) расположено в 3 км южнее с. Грозного Аламединского района, занимая узкую долину р. Аларчи, проходящую среди высоких адыров. Центральные развалины имеют своеобразную форму, которая, вероятно, объясняется рельефом местности.

Центральный холм с цитаделью имеет вытянутую форму, размерами с севера на юг 750 м и с запада на восток от 50 до 300 м. Холм расположен на краю террасы, его высота с восточной стороны достигает 2,5—3 м, а с западной—до 4,5 м. Цитадель стоит в северо-западной части холма, в плане это неправильный четырехугольник, сужающийся к югу, а в профиле—тепе с площадкой высотой 3—4,5 м. Размеры цитадели с севера на юг 70 м, а с востока на запад 40—50 м.

С севера, перед холмом с цитаделью, находится обширный, резко пониженный участок с очень маленькими культурными отложениями, по видимому, свободная от застройки площадь. Она ограждена высокой стеной, в северном и восточном отрезках которой было два въезда. Следует отметить, что въезд в северной стене имеет своеобразное фортификационное оформление. Он находится на отрезке стены, отступающей внутрь правильными уступами, по углам которых расположены бугры башен, а сами ворота, находясь в углублении, были под охраной двух предвратных башен. В восточной стене есть еще два въезда: один против цитадели, второй в южной части, где и сейчас видна глубокая ложбина, напоминающая улицу.

Самая южная оконечность центрального холма, резко расширяющаяся, образует как бы отдельную часть его. В пользу этого говорит и наличие вала, идущего с востока на запад через весь холм.

Вал стены центральных развалин длиной 3 км, кроме описанного холма с цитаделью, окружал значительное пространство, на котором сейчас не видно следов застройки. В северной и южной сторонах на протяжении

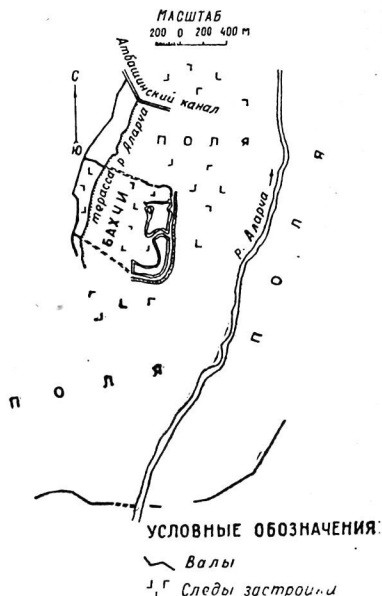

Рис. 31. Схематический план Грозненского городища.

от 300 до 500 м — он отсутствует. По-видимому, остатки стен построек здесь снесены паводковыми водами. О существовании стен свидетельствуют валы на западной террасе долины Аларчи, точно соответствующие описанному восточному валу вокруг центрального холма.

При обследовании долины Аларчи в окрестностях были обнаружены следы длинной стены, окружающей все городище. Один отрезок обнаружен в 2 км к югу. Здесь он пересекает всю долину Аларчи и поднимается на обе террасы. В долине его протяженность с разрывами составляет 110 м. На восточной террасе вал прослеживается на 500 м, на западной — около 1 км.

От северо-западного угла центральных развалин в северо-восточном направлении, на расстоянии свыше 700 м до Ат-Башинского канала идет второй отрезок вала. За каналом начинаются пахотные земли, на которых вал не прослеживается. О больших размерах Грозненского городища говорят находки керамики на пашнях, а также сильно распаханных холмах, на территории, соответствующей приблизительно дуге длинного вала. Наибольшее количество находок обнаружено к северу от центральных развалин, за Ат-Башинским каналом и до него.

Раскопчных работ на Грозненском городище не производилось. Но на его развалинах есть несколько глубоких обнажений культурных слоев и обширные распахки. В этих местах собран подъемный керамический материал, значительную часть которого составляет поливная керамика XI—XII вв. Есть данные, позволяющие говорить о существовании городища со времени IX—X вв., но не ранее.

Буранинское городище (рис. 32) носит название находящейся здесь башни «Бурана».

Городище занимает большую впадину по обоим берегам мелководной р. Бурана, в 15 км к югу от г. Токмака, на восточной окраине с. Дон-Арык.

Центральные развалины стоят над левым берегом р. Бураны. В плане это неправильный четырехугольник, ориентированный сторонами по странам света, который окружен оплывшей стеной высотой 4 м, шириной по основанию 20 м. Вал сохранился не по всему периметру. Юго-восточный угол и восточная стена сильно размыты р. Бураной. Длина сохранившихся сторон — северной и западной — 570 м, южной около 600 м, а восточной не более 500 м. В западной стене, ближе к северо-западному углу, хорошо виден один из въездов шириной 15 м.

Внутреннее пространство центральных развалин характеризуется слабым заполнением культурными наслоениями и наличием значительных площадей, освободных от застройки. Наибольшей толщины наслоения достигают в юго-западном углу, но и здесь они много ниже гребня стены. Ещё более низкая площадка культурных наслоений расположена вдоль восточной стены, где стоит башня Бурана. Отдельная небольшая группа возвышений находится несколько западнее восточной площадки. Значительная возвышенность отмечена в северо-западном углу четырехугольника. В настоящее время она застроена птицефермой.

Особенно резко бросаются в глаза два больших холма высотой до 15 м, стоящие в 60—70 м к северо-западу от башни Бурана. Они окружены площадкой и представляют один комплекс размером 100×100 м. Монументальность этих развалин позволяет не согласиться с высказанным А. Н. Бернштамом мнением, что это остатки мечети.¹ Вероятнее всего, это руи-

¹ А. Н. Бернштам. Археологические памятники Киргизии. М.-Л., 1950, стр. 42; МИА, № 14, стр. 11.

ны дворцового сооружения. Против отождествления с мечетью говорит и удаленность (60—70 м) от «башни», являющейся минаретом.

Примерно по середине (с юга на север) городища проходит глубокий

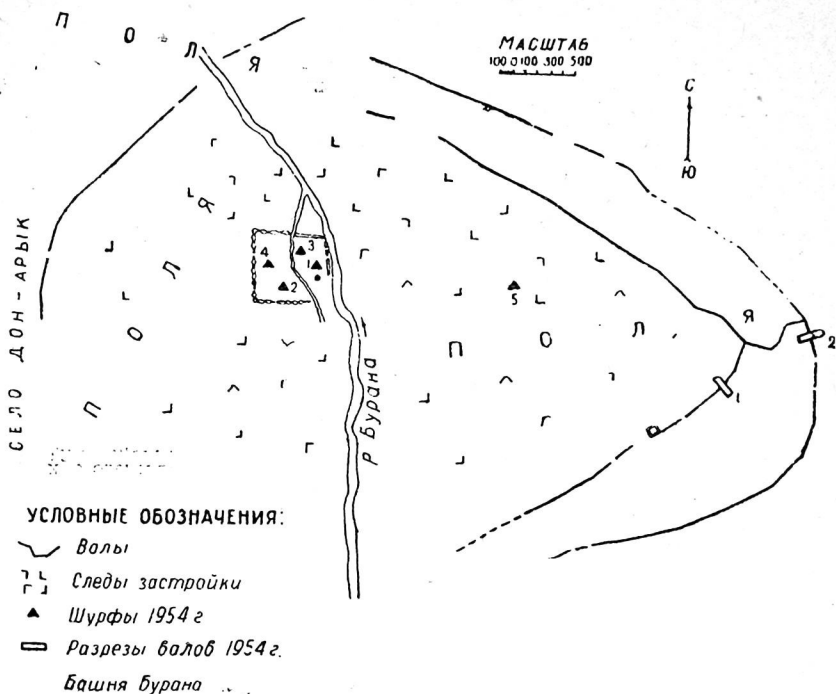

Рис. 32. Схематический план Буранинского городища.

овраг, весьма похожий на древний арык. Он не является результатом разрушения сточных вод, так как берет свое начало сразу же за южной стеной центральных развалин. В древности арык брал свое начало от р. Бурана и снабжал наиболее укрепленную часть водой. В юго-западном углу виден большой хауз, служивший для запаса воды. Северо-восточный сектор четырехугольника не имеет следов застройки. Свободное от застройки пространство было и против главного въезда в западной стене.

Вокруг центральных развалин и окружающих их мелких построек было два концентрических кольца стен, из которых полнее сохранилось внешнее. Внутреннее не имеет западной дуги, и оба кольца не сохранились в юго-западной части, в пойме р. Бураны, где, вероятно, были смыты. Оба кольца в сохранившихся частях идут не параллельно друг другу. Расстояние между ними в северной части 350 м, восточной—850 м, и южной—400 м. В восточной части между «концентрическими» валами в направлении с востока на запад проходит соединяющий их вал. Высота внешнего вала почти на всем его протяжении 1,5—1,7 м, ширина по основанию—14 м. Внутренний вал достигает таких размеров только в восточной части,

в северной и южной его высота—1 м. Общая длина сохранившегося внешнего вала 11 км, если прибавить к этому промер разрыва по прямой между концами вала, то получится цифра около 15 км. Территория, окруженная этими валами, почти сплошь распахивается под посевы. Небольшие участки, неудобные для пахоты, сохранили остатки построек разной величины.

Раскопочные работы на городище производились и на центральных развалинах (4 раскопа) и за их пределами (1 раскоп). Кроме того, было сделано три разреза стен: центральных развалин, а также первого и второго длинных колец.

Раскоп на центральных развалинах севернее башни Бурана (площадью 8 м²) прорезал культурный слой толщиной 2,2 м. Наслоения состоят из лёссово-глинистых прослоек разных оттенков и вымосток из больших камней. Керамический материал многочислен. Его характеризует полное преобладание станковой посуды высокой техники изготовления. Лепная посуда встречена в самых нижних слоях.

Станковая посуда представлена очень многими формами и в большом количестве экземпляров: а) большие глубокие чаши (диаметром до 35 см) с плоским венчиком, по которому идут пучки волнообразных линий; б) тонкостенные маленькие чаши типа пиалы с закругленным краем; в) небольшие мисочки с петлеобразными ручками; г) изящной профилировки кувшины с высоким узким горлом, коленчатой вертикальной ручкой и штампованным орнаментом из треугольников и кружков по плечикам; д) правильных форм горшки со слегка отогнутым венчиком и др. Лепная посуда представлена несколькими фрагментами стенок сосудов хорошего обжига.

Раскоп на центральных развалинах, в юго-западном углу, на наиболее возвышенной площадке (площадью 8 м²) прорезал наслоения толщиной 2,5 м. Стратиграфически разделить наслоения на отдельные ярусы нельзя. Керамический материал, как и в первом раскопе, характеризуется высокой техникой, совершенными формами и почти полным отсутствием лепной керамики. Среди станковой посуды встречены чаши разных размеров на дисковидном поддоне с петлеобразными ручками и без них, кувшинообразный сосуд, светильники и др. Полива темно- и светло-зеленых цветов. Она более позднего происхождения, чем белая полива с разными цветами росписи, относящаяся к караханидскому периоду и встречаемая в самых нижних слоях раскопа. Неполиваная станковая посуда повторяет разнообразие и совершенство форм керамики первого раскопа. Лепная посуда встречена в единичных экземплярах.

Третий шурф (площадью 8 м²) был заложен на наиболее пониженной части центральных развалин с целью проверки наличия здесь культурных наслоений. Установлено, что эта часть внутреннего пространства была свободна от застройки. В раскопе найдено лишь несколько кусков кирпича.

Четвертый шурф (таких же размеров) разбит в западном секторе, на слегка возвышенной площадке. Наслоения состоят из твердых серовато-коричневого цвета заплывов. Находки немногочисленны: куски кирпича, мелкий фрагмент поливного сосуда, мелкие фрагменты станковых сосудов. Они синхронны материалам из остальных раскопов. Наслоения говорят за то, что и в этой части центральных развалин не было постоянной застройки.

Шурф в пределах длинной стены (размерами 8 м²) был разбит на одном из небольших холмов, на расстоянии около 2 км к востоку от центральных развалин. Он прорезал плотные глинистые завалы с редкими вкраплениями мелкой гальки (рис. 33). В северо-восточной части раскопа (с отметки 0,8 до 1,7 м) разрезана глинобитная стена шириной 0,7 м,

стоящая уже на культурном слое толщиной свыше 0,2 м, относящемся к нижнему строительному ярусу. Из других строительных деталей были обнаружены отдельные обожженные кирпичи (размером 24×4×? см) и сыровый кирпич (размером 30×15×10 см). Отмечены следы очага, форму и

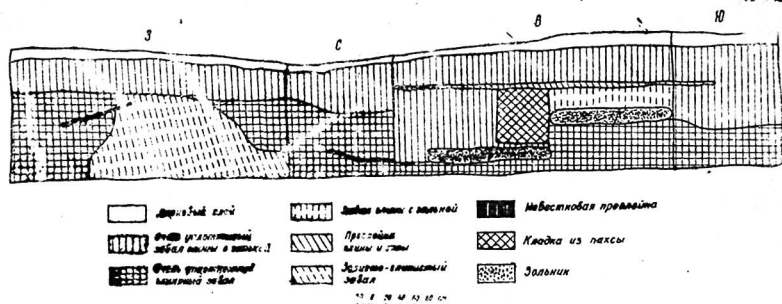

Рис. 33. Профиль шурфа в пределах длинного вала Буранинского городища.

размеры которого восстановить не удалось. Среди керамического материала немалую долю составляет поливная посуда—чаши с зеленовато-белой и белой поливой. Из неполивной станковой посуды встречены фрагменты открытых сосудов, узкогорлых кувшинов и боковин с гребенчатым орнаментом. Посуда ручной лепки представлена единичными экземплярами обломков от стенок сосудов и крышек.

Разрез оплывшей стены центральных развалин показал, что она воздвигнута из слоев пахсы толщиной от 10 до 20 см, шириной до 7 м. Сохранившаяся под наплывами высота достигает 3,5 м.

Разрез первого длинного вала обнаружил остатки глинобитной стены шириной 3 м, сохранившейся на высоту 1,85 м. Разрез второго (внешнего) длинного вала вскрыл такую же глинобитную стену, шириной свыше 3 м, сохранившуюся на высоту в 1,74 м (рис. 34).

По данным топографической структуры и стратиграфии, а также по раскопочным материалам Буранинское городище выделяется из всех рассмотренных нами городищ с длинными стенами.

С одной стороны, своеобразие плана, отсутствие цитадели, слабые культурные наслоения, обилие поливной посуды с абсолютным преобладанием станковой, говорят за то, что Буранинское городище относится к самому последнему периоду существования оседлых поселений в Чуйской долине. Оно существовало даже некоторое время и после гибели в результате монгольского нашествия большинства других городищ, что подтверждает обилие не встреченной на них зеленой поливы. С другой стороны,

Рис. 34. Разрез внешнего длинного вала городища Бурана.

совершенство посуды, наличие великолепного архитектурного памятника и редкий случай окружения городища двумя рядами длинных стен говорят за то, что поселение это не было рядовым. Оно имеет все признаки значительного политического центра.

ГЛАВА IV

МЕЛКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ

Кроме рассмотренных выше городищ с длинными валами, в Чуйской долине зарегистрировано еще свыше сорока других поселений и укреплений. Это небольшие, сильно разнящиеся своими размерами развалины. Для них характерно и многообразие планов и резкие отличия в мощности культурных наслоений. Но самое главное отличие—их местоположение. По этому признаку они делятся на две группы: 1) поселения в долине в округе городищ с длинными валами и 2) поселения при выходе самых больших ущелий Киргизского Ала-Тоо в Чуйскую долину. Мы изложим наши наблюдения отдельно по каждой группе развалин.

1. Поселения и укрепления в округе городищ с длинными стенами

В зоне городищ с длинными валами зарегистрировано и обследовано 28 мелких поселений и укреплений, группирующихся в их ближайшей округе.

Наибольшая группа, из 5 развалин, расположена севернее городища Ак-Бешим, по одной линии, вдоль края высокой надпойменной террасы р. Чу, на расстоянии 1—2 км друг от друга. Два из них (Старо-Покровское I и Малый Ак-Бешим) имеют следы крупных укреплений и мощные (свыше 3 м) культурные наслоения. Три остальные являлись укреплениями без следов жизни на протяжении длительного времени.

С восточной стороны городища Шиш-Тюбе, за пределами второго кольца валов, находится 4 городища. Они расположены несколько по-иному: одно стоит изолированно, а три вблизи друг от друга. И здесь только два городища имеют значительные размеры и мощные наслоения. В числе двух последних находится единственное из мелких долинных городищ (Ново-Николаевское), вокруг центрального бугра которого, аналогично городищам с длинными валами, расположено большое количество мелких холмов от одиночных построек. Восточнее этих развалин стоят остатки небольших укрепленных поселений типа самостоятельных усадеб.

В окрестностях Чумышских развалин с длинной стеной, в пределах 1,5—4 км, находятся 4 укрепленных поселения. Три из них (Чумышское II, Георгиевское, Луговское) по своей структуре имеют ярко выраженный характер крепостей с ничтожным культурным слоем. В двух случаях это подчеркивается еще и местоположением укреплений на высоких террасах,

где исключены возможности занятия земледелием. Четвертое городище (Милянфанское) имеет периметр стен около 2 км; в нем есть останец центральных развалин, но культурные наслоения внутри стен в теперешнем состоянии не превышают 0,2 м.

Вокруг Ново-Покровского городища, на расстоянии до 2 км от его длинного вала, обнаружено четыре городища. Только одно из них имеет большой культурный слой (свыше 3 м), остальные производят впечатление укреплений с не очень мощными оборонительными сооружениями.

В ближайшей округе Беловодской крепости зарегистрировано еще три городища. Одно из них состоит из двух частей и имеет мощный (более 3 м) культурный слой; два других с небольшими наслоениями (до 1 м).

Два городища расположены с западной и восточной сторон Красно-реченских развалин; одно к северо-востоку от городища Кысмычи; по одному — близ Сокулукского и Ключевского городищ и два турткуля к северо-западу от городища Кара-Джигач. У городища Бурана, за вторым валом, отмечены небольшие усадьбы.

Из вышесказанного следует, что все описываемые развалины тяготеют к большим городищам. Часть из них имеет характер небольших укреплений, другие выглядят как довольно значительные поселения (Ново-Николаевское, Кысмычи II, Милянфан, Петровское). Нам представляется, что они возникли как форпосты на подступах к большим поселениям. Одни из них не вышли за свои первоначальные рамки, а некоторые в период расцвета оседло-земледельческой жизни в X—XII вв. разрослись в значительные населенные пункты, как бы отпочковавшись от поселений с длинными стенами. Об этом свидетельствуют стратиграфические материалы, полученные на некоторых поселениях. В них мы встречаем очень тонкие наслоения, слабо насыщенные материалами, относящимися ко времени до X в., и значительные слои с обильным бытовым материалом более позднего времени.

Подъемные материалы, происходящие преимущественно из верхних культурных напластований, относятся в большей части к X—XII вв.

На некоторых поселениях в поздних слоях мы встретили признаки, свидетельствующие о бытовании здесь ремесленных производств.

Городища в округе развалин Ак-Бешим

Малый Ак-Бешим стоит в 2 км к северо-западу от центральных развалин Ак-Бешимского городища с длинными стенами и в 200 м от северного отрезка его длинной стены у края второй террасы р. Чу. Оно неоднократно описывалось в литературе¹ и получило название Малого Ак-Бешима. В плане это квадрат со стороной 125 м, ориентированный сторонами по странам света. Вокруг него остатки слабо выраженных стен с башнями по всем четырем углам и по одной — в середине каждой из сторон. В северо-восточном углу находилась цитадель, имеющая размеры 30×20 м и высоту над поверхностью городища свыше 3 м. Внутреннее пространство ее почти ровное с слабым понижением к центру. Высота городища от основания до гребня стен 5,5 м. Вокруг стен тянутся большие рвы шириной до 15 м и глубиной до 2 м. Подъемный материал немногочислен и представлен мелкими фрагментами станковой посуды, относящийся к X—XII вв.

¹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки..., стр. 144; МИА, № 14, стр. 10 и табл. II, рис. 5.

Старо-Покровское 1 городище (рис. 35) находится на юго-западной окраине с. Старая Покровка. Оно относится к комплексу Ак-Бешимского городища. Остатки поселения стоят на самом краю второй надпойменной террасы р. Чу, их западная сторона составляет одну линию со склоном террасы. Городище имеет правильную квадратную форму с дли-

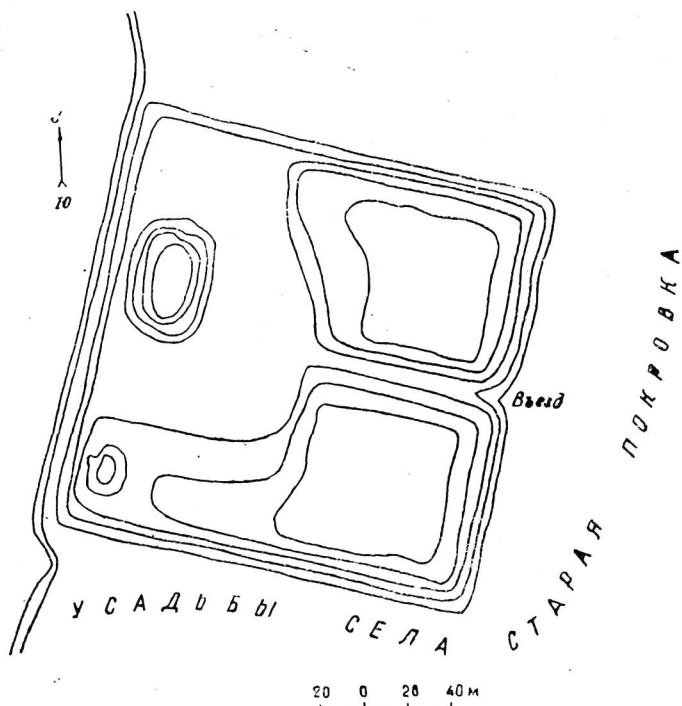

Рис. 35. Схематический план Старо-Покровского I городища.

ной сторон в 200 м; ориентировано сторонами по странам света. С внешней стороны оплывшие стены изрыты и размыты настолько, что трудно судить, имели они башни или нет. В центре восточной стороны был главный въезд, и сейчас хорошо выраженный большим проемом. С южной стороны проезда хорошо видна башня, возвышающаяся до 1 м над гребнем стены. Признаков других въездов не обнаружено. Высота стен до 3 м, ширина по основанию 15—16 м. У западной стены, несколько отступая от нее, расположен овальный в плане холм цитадели размерами 40 м по линии восток — запад и 56 м по линии север — юг, высотой над уровнем стен в 2,5 м.

Весь северо-западный сектор вокруг цитадели представляет пониженную площадку. Вдоль всей южной, восточной и половины северной стены

культурные наслоения почти сравниваются по высоте с гребнем стен, достигая особой мощности в юго-восточном и северо-восточном углах. В юго-западном углу возвышается отдельный холм—остатки значительного сооружения. От проезда в восточной стене (по линии восток—запад) четко видна западина—след главной улицы поселения, которая вела к пониженной площадке, расположенной вокруг цитадели.

Восточная часть городища занята кладбищем. На могильных холмиках кладбища (и в других частях) собран довольно значительный керамический материал, представленный в большинстве фрагментами станковых сосудов. Среди них есть две категории черепков, которые позволяют наметить две крайние хронологические границы жизни на этом поселении. Нижняя граница определена наличием сосудов с красным ангобом и интенсивным лощением, характерных для VI—VIII вв. Верхняя граница очень четко определяется высококачественной поливной с росписью посудой, получившей распространение в XI—XII вв.

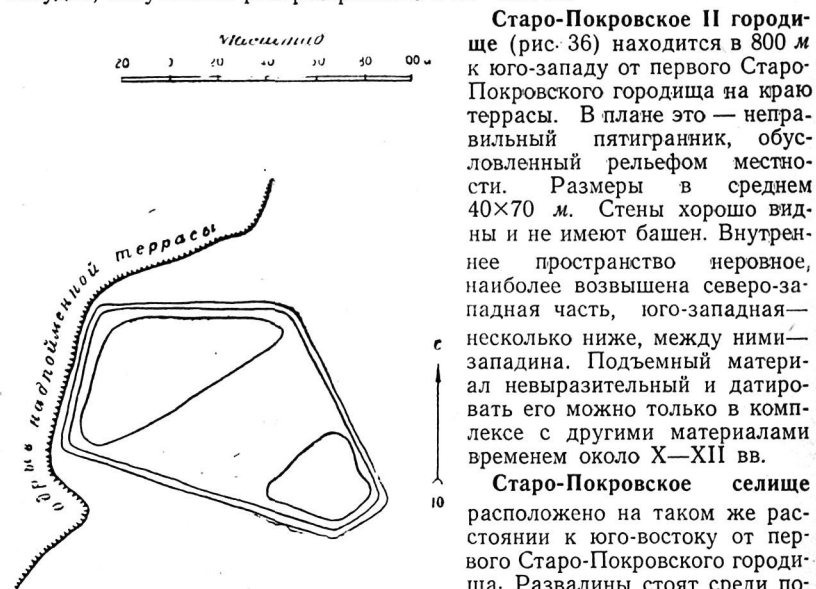

Рис. 36. Схематический план Старо-Покровского II городища.

изрыты при добыче глины для изготовления кирпичей. Сейчас это округлый холм диаметром 50 м и высотой 2,5 м, на поверхности которого очень редко попадаются мелкие фрагменты станковой керамики.

Укрепление к северо-востоку от Ак-Бешима стоит на краю надпойменной террасы по обеим сторонам широкого лога, проходящего восточнее городища Ак-Бешим. Оно имеет значительных размеров обвалованные стены вдоль южной, западной и восточной сторон. С северной стороны, проходящей по краю террасы, стен нет. Размер его по линии север—юг

170 м, восток—запад вместе с логом 240 м, ширина лога 70 м. ширина валов по основанию 12—15 м, высота—1,5—2 м. На территории внутри стен значительных культурных наслоений не заметно. Только в северо-западном углу, ныне застроенном овцефермой, заметно возвышение. Подъемного материала нет.

Городища в округе развалин Шиш-Тюбе

Городище в с. Ново-Николаевка (рис. 37) расположено в 1—1,5 км от второго длинного кольца вала развалин Шиш-Тюбе, на 60 км дороги Фрунзе—Калининское. Его центральные развалины стоят на северной

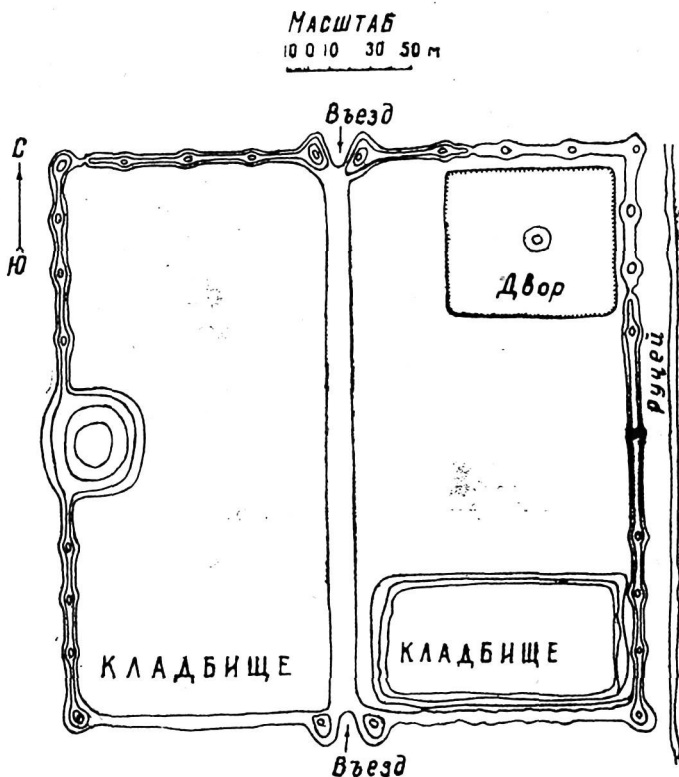

Рис. 37. Схематический план Ново-Николаевского городища.

окраине с. Ново-Николаевка, западной стороной над левым берегом заболоченного лога, с юга и востока его также обходит лог с водой меньших

размеров, северная сторона выходит на луговину. Таким образом, при строительстве городища было использовано болотистое окружение для увеличения недоступности укрепления.

Центральные развалины в плане представляют правильный квадрат со стороной в 270 м, ориентированный сторонами по странам света. По краю идут стены, высота которых снаружи—около 8 м, а изнутри—1—1,5 м. В стенах ясно видны холмики башен, но число их по отдельным сторонам разное. В западной стороне, кроме угловых, было еще 6 башен, расположенных на одинаковом расстоянии, к центру стены примыкает большой бугор цитадели, диаметром по основанию до 50 м и высотой над гребнем стен около 2 м, выступающий за линию стены и наружу. Вокруг цитадели просматривается небольшая западина двора. В этой стене не было въездов. В северной стене, кроме угловых, было шесть небольших и две большие далеко выдвинутые башни. Они обороняли въезд, расположенный в центре стены. Въезд имел пандус. Признаки маленького въезда видны и близ северо-западного угла. Второй небольшой въезд был восточнее главного въезда и вел во двор, расположенный в северо-восточном углу. В восточной стене было семь башен (кроме угловых). Близ северо-восточного угла находился небольшой проезд, ведущий в упомянутый уже двор. Южная стена сильно разрушена кладбищем, но в ней ясно виден въезд, повторяющий главный въезд северной стены. Между двумя главными въездами северной и южной стен проходит прямая ложбина—след улицы.

Северо-восточный угол представляет глубокую западину, дно которой почти не превышает уровень скружающей местности. В центре двора находится небольшой конический бугор. Сюда, как выше отмечено, вело два небольших въезда. В юго-восточном секторе возвышается уплощенный участок, занятый кладбищем. Остальная поверхность городища одного уровня, но с небольшими западинами.

А. И. Тереножкин во время своего обследования центральных развалин собрал фрагменты белой поливной посуды, сферокона, посуды с процарапанным орнаментом, достарханов и т. п.¹

Мы также собрали здесь значительный подъемный материал. В его составе фрагменты чаш с белой поливой и коричневой росписью, часть кувшина с высоким узким горлом и вертикальной коленчатой ручкой, крышка с ручкой в виде многолепестковой розетки и невыразительные фрагменты лепной и станковой посуды. Перечисленные находки, отражающие безусловно только верхние горизонты культурных слоев, позволяют их отнести к IX—XII вв. Более ранние слои без раскопок определить трудно.

Ново-Николаевское городище по сравнению с другими мелкими поселениями имеет существенное отличие, заключающееся в наличии вокруг центральных развалин значительного количества мелких холмов—остатков одиночных построек, видных на территории, незатронутой современными постройками с. Ново-Николаевского. К северу холмики тянутся на расстоянии до 1 км, остатки их сохранились и к западу, на усадьбах колхозников, но здесь они сильно разрушены. На одном из таких холмов нами был подобран фрагмент достархана с процарапанным орнаментом и несколько невыразительных фрагментов станковых сосудов.

¹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки..., стр. 145.

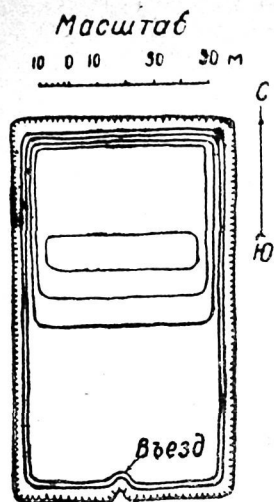

Рис. 38. Схематический план городища близ колхоза им. Коминтерна.

севера на юг. Его поверхность двухъярусная. Северная половина имеет высоту до 2,2 м, южная значительно ниже—всего 1,5—1,7 м. Вокруг городища идет ров шириной до 8—10 м и глубиной 0,6—0,8 м. Поверхность холма изрыта современным кладбищем. В выбросах собрана керамика, среди которой встречены формы, совершенно идентичные поздним образцам, найденным на Ново-Николаевском городище.

Второе городище расположено в 07—0,9 км к северо-востоку. По размерам оно гораздо меньше—65×25 м, его высота всего 1 м. В плане — прямоугольник, ориентированный длинной осью с севера на юг. Городище сильно разобрано для насыпки полотна дороги. Керамика очень невыразительная, но достаточно уверенно может считаться синхронной керамике первого городища (X—XII вв.).

Городища в округе Чумышских 1 развалин

Милянфанское городище (рис. 40) находится на юго-западной окраине с. Милянфан. Оно, по всей вероятности, относится к комплексу Чумышского 1, так как расстояние между ними равно 4 км. В плане—правильный квадрат 480×480 м, ориентированный сторонами по странам света. Оплывшие стены укрепления имеют значительные размеры: ширину по основанию 20 м, высоту 3,5 м. В стенах были частые башни, высо-

Городище близ колхоза им. Коминтерна (рис. 38) стоит примерно в 1 км к северо-востоку от второго кольца валов городища Шиш-Тюбе. Это высокий прямоугольный бугор размером 130×70 м, ориентированный длинной стороной с севера на юг. Наиболее высокая средняя часть—до 5 м, северная—3,5 м, южная резко понижена (до 2 м). Вокруг холма проходит ров шириной до 12 м, глубиной 1—1,5 м. Единственный ныне прослеживаемый въезд в центре южной стороны. В выбросах земли и обнаружениях современного кладбища собрана как станковая, так и лепная керамика. Городище, безусловно, следует отнести к комплексу Шиш-Тюбе и датировать в пределах X—XII вв.

Петропавловские укрепленные поселения. К северу от с. Петропавловки, на 58 км дороги Фрунзе—Калининское, зарегистрировано два городища, стоящих в 2 км к востоку от Ново-Николаевского городища. Большее по размерам (96×42 м) расположено у самой северной околицы селения (рис. 39). Это прямоугольный холм, ориентированный длинной осью с

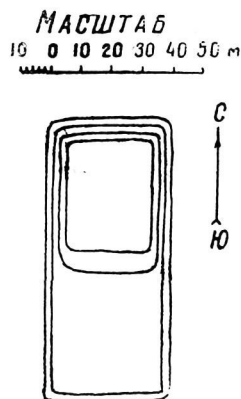

Рис. 39. Схематический план Петропавловского городища.

та их холмов выше 4 м, ширина по основанию 28 м. Кроме угловых башен в каждой стене имелось еще по 10 башен, расположенных на расстоянии 25—30 м.

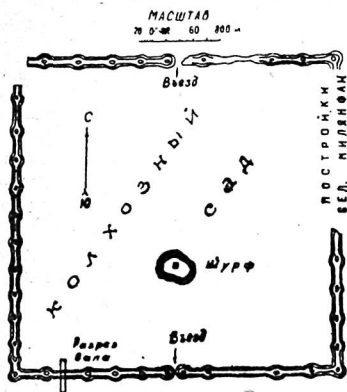

Рис. 40. Схематический план Милияфанского городища

нованию 70×50 м. По свидетельствам колхозников, холм был гораздо выше.

На останце нами был заложен шурф площадью 6 м², прорезавший на глубину 2,57 м на всей площади 20 слоев пахсы толщиной от 10 до 23 см. Создавалось впечатление, что раскоп попал на массивную стену из пахсо-

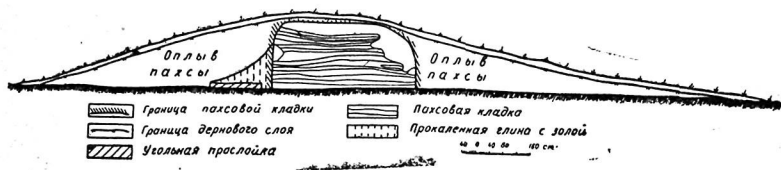

Рис. 41. Разрез вала Милияфанского городища.

вых слоев. Для проверки сделано еще три маленьких шурфа в разных точках, убедившие нас в том, что мы имеем дело не со стеной, а сплошным стилобатом из пахсовых слоев. От сооружения, стоящего на стилобате, ничего не сохранилось.

По тому немногочисленному подъемному материалу, который собран на пахоте, Милияфанское городище следует считать синхронным Чумышскому 1.

Георгиевское городище (рис. 42). Это значительное городище из комплекса Чумышских 1 развалин находится на правом берегу р. Чу. Место было выбрано с учетом стратегических выгод так, что с трех сторон городище выходило к обрывам надпойменной террасы или глубокого оврага, и только с одной стороны вдоль стены был вырыт искусственный ров.

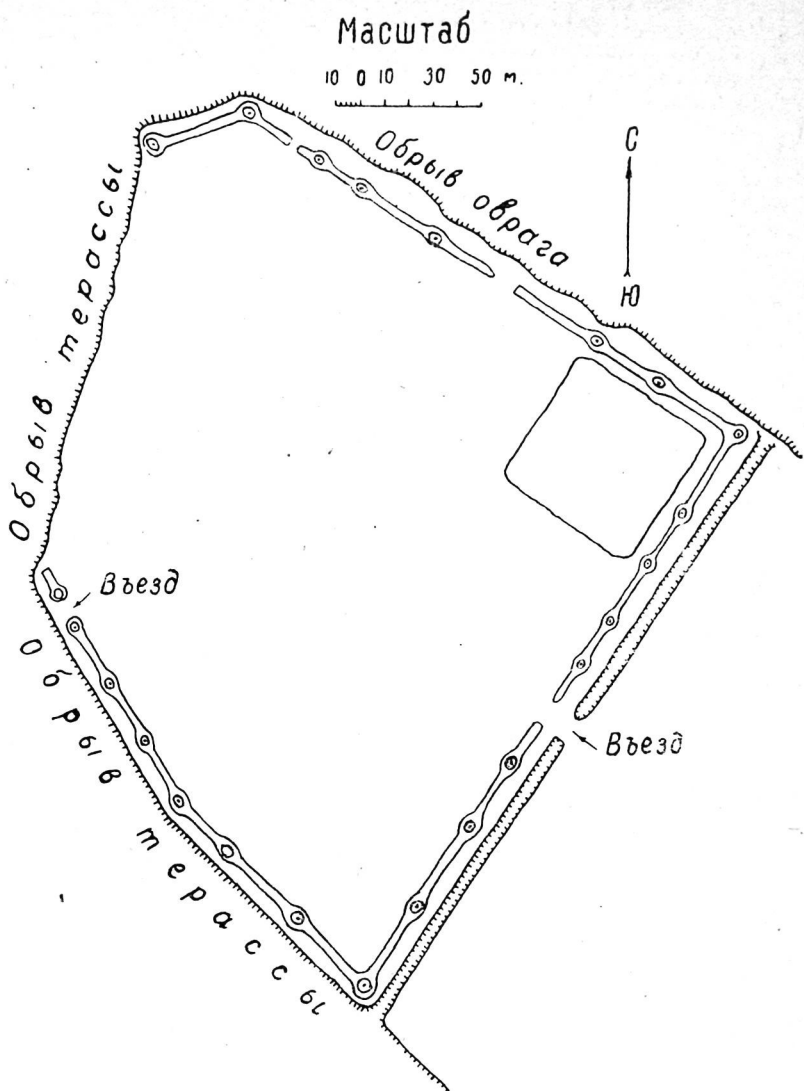

Рис. 42. Схематический план Георгиевского городища.

Это обстоятельство определило и неправильность плана укрепления. Размеры городища с севера на юг 255 и с востока на запад 235 м. Оплывшие стены сохранились только по трем сторонам. С западной стороны, вдоль террасы, стена, по-видимому, обвалилась вместе с краем берега. В стенах видны остатки башен, расположенных друг от друга на расстоянии от 25

до 40 м (ширина валов стен 10—12 м, высота 1,5—2 м, высота холмов башен 2,5—2,7 м), выступающих за линию стен как наружу, так и внутрь. На углах и резких поворотах башни далеко выходят наружу. Совершенно отчетливо виден в восточной стороне въезд, ров против которого засыпан дамбой. Никаких признаков цитадели в городище нет.

Внутреннее пространство имеет, по-видимому, небольшие культурные напластования, так как оно слегка всхолмлено. Но в восточном углу приподнимается до 1,2 м значительных размеров площадка, окопанная канавой. Здесь был собран подъемный керамический материал, среди которого много фрагментов от станковых сосудов. Формы их немногочисленны: небольшие тонкостенные чаши, горшкообразные сосуды с очень слабо выраженным венчиком. Найдено несколько горизонтальных ручек круглых и витых, а также обожженный кирпич с промерами 27,5×5×? см. Полливной посуды нет. По керамическому материалу городище можно датировать IX—X вв.

Луговское городище (рис. 43) расположено к северу от с. Луговое над левым берегом р. Чу на высоком изолированном останце террасы реки.

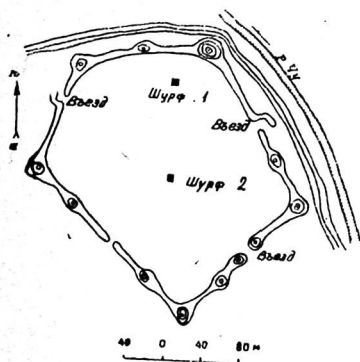

Рис. 43. Схематический план Луговского городища.

Его план в форме неправильного пятигранника определен рельефом местности. От восточной части останца укрепление отделяется глубоким и широким рвом, идущим с севера на юг. Городище имеет мощные оплывшие стены, высотой 2,8—3,5 м, кроме того, с внешней стороны склоны останца так искусно подрезаны, что высота их за счет этого увеличивается до 5—6 м, ширина валов по основанию 12—16 м.

По всему периметру, превышающему 850 м на неравных расстояниях, размещены остатки 12 башен. Наибольшей величины достигают башни, расположенные на углах и у главного въезда в восточной стороне. Они выступают за линию стен до 15 м, возвышаясь над их уровнем до 2 м.

Холм одной из башен в северном углу, над обрывом к р. Чу, по своим размерам напоминает цитадель. Его ширина по основанию около 50 м, а высота от внутренней поверхности 6 м.

Кроме отмеченного выше проезда, который открывался на гребень восточной части останца, было два въезда в сторону северо-восточного и западного обрыва, оборонявшихся Г-образным выступом стены перед въездом. В эти ворота со стороны обрывов вели пандусы, вырезанные по их крутым склонам. В юго-западной стене виден четвертый узкий проем без следов оборонительных сооружений. Возможно, это была калитка, а может быть просто современный размыв стены. Внутреннее пространство имеет резкий наклон с севера на юг, повторяя рельеф останца. Оно, по-видимому, давно распахиывается.

В 60 м от цитадели хорошо виден турткуль размерами 35×20 м. Кроме него есть еще несколько оплывших возвышений небольших размеров. Укрепление было очень слабо застроено. Два раскопа размерами 4×2 м каждый подтвердили это. Наслоения в них идентичны—серый од-

ноцветный суглинок с очень редко встречающимися находками. Только в одном из шурфов оказалось около десяти обломков обожженного кирпича толщиной 5—6 см, стороны в длину сохранились до 23 см. Планировка, фортификационные сооружения, а также состав керамики и тип обожженного кирпича Луговского городища сближают время его существования с Георгиевским.

Чумышское II городище (рис. 44) находится в 1,5 км восточнее Чумышского городища с длинной стеной. Оно состоит из двух частей и отличается геометрической правильностью своего плана. Это квадрат, ориентированный сторонами по странам света (размерами 570×570 м), высота валов до 1,5 м, ширина по основанию 8—10 м. В оплывших стенах видно несколько проемов, часть которых была въездами. Внутреннее пространство давно распахивается, и следов застройки нет.

В северо-западном углу большего квадрата находится второй квадрат гораздо меньший по размерам, но с мощными укреплениями. Он образован оплывшими стенами, шириной по основанию более 20 м и высотой свыше 3 м. Признаков башен в стенах не видно. В эту часть был всего один въезд в восточной стене, проем его шириной 8 м отчетливо виден. Вдоль всех четырех стен проходит широкий (до 15 м) ров, глубиной около метра, через который против въезда в восточной стене переброшена широкая дамба. Все пространство и этого укрепления распахивается. В момент обследования оно было засеяно ячменем, что сильно затруднило работу. Уровень внутреннего пространства не намного возвышается над уровнем окружающей местности. Аналогий планировке этого городища в Чуйской долине нет. Отдаленное сходство есть с Краснореченским II городищем, относящимся к IX—XII вв. Найденные фрагменты керамики ориентировочно можно отнести к IX—XII вв.

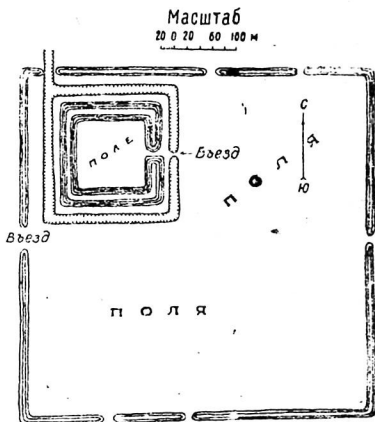

Рис. 44. Схематический план Чумышского II городища.

Городища в округе Ново-Покровских 1 развалин

Ново-Покровское II городище (рис. 45) находится на 11 км дороги Фрунзе—Токмак, в 50 м к югу от дороги. От него до центральных развалин Ново-Покровского 1 городища с длинными стенами 1,5—2 км. В плане это квадрат со стороной 120 м, ориентированный сторонами по странам света. Холм возвышается над окружающей местностью до 4,5 с южной стороны и до 6 м с северной. Склоны холма очень крутые. По краям квадрата слабо видны сильно оплывшие валы внешних стен. На всех четырех углах и по середине северной и южной сторон слабо выраженные следы башен. В центре западной стены—остатки небольшой цитадели (диаметр холма 30 м, высота 2 м). К востоку от нее—небольшая площадка, возвышающаяся над общим уровнем городища до 1 м, а напротив—большой вы-

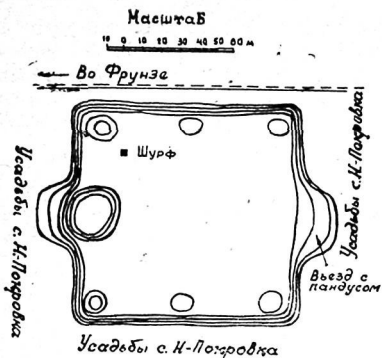

Рис. 45. Схематический план Ново-Покровского II городища.

ступ (до 20 м) за линию стены, склон которого не составляет единого целого со склоном цитадели, и является, по-видимому, пандусом въезда в укрепление. Такой же пандус симметрично расположен у восточной стены. Там въезд виден совершенно ясно. Внутреннее пространство слегка всхолмленное.

В северо-западном углу городища был разбит раскоп площадью 8 м.² Культурный слой достигает 5,6 м. Он состоит из перемежающихся пылевидного суглинка светло-серого цвета, золистых слоев, прокаленной глины, завалов сырца и пахсы, перегнивших органических ос-

татков, разной плотности глинистых заплывов.

Верхние слои до отметки 4,5 м датируются весьма определенно X—XII вв. поливной керамикой белого и светло-зеленого цвета, обожженным кирпичом. Отдельно следует отметить фрагменты боковины сосуда с коричневой поливой по внешней стороне и черной—по внутренней. Наряду с поливной и хорошей формовки станковой керамикой в верхних слоях есть и лепная посуда. Нижние слои по мощности не превышающие 1 м, характеризуются, в основном, лепной керамикой VIII—IX вв.

Сосуды, сделанные на гончарном круге, представлены несколькими формами: кувшины с узкой, высокой горловиной и вертикальной коленчатой ручкой (один такой сосуд из серой глины, а остальные из красной), горшкообразные сосуды изящной профилировки с петлеобразной ручкой, банкообразной формы, небольшой сосуд типа кувшина с пояском из штампованных треугольников. Здесь же найден светильник с широким круглым основанием, ножкой сложного профиля и резервуаром с загибающимися краями. Лепная посуда имеет более разнообразные формы: горшкообразные сосуды (с глухими налепными ручками полулунной формы), жаровни из глины с обильной примесью дресвы (высотой до 4 см), большие чаши, тарелки, маленькие чашечки, серия фрагментов крышек с процарапанным орнаментом и ручками в виде грибков, двух лопастей и цилиндров, с шестью выступами на головке. Особо следует отметить обломок котлообразного сосуда с одной сохранившейся тонкой цилиндрической ножкой (высота более 20 см), совершенно подобной ножке котла из городища Шиш-Тюбе, а также боковину сосуда грубой лепки с ручкой в форме крючка, аналогию которому находим в сосуде из кургана в Тянь-Шане. В составе лепных изделий найден также полый конический поддон от светильника с процарапанным орнаментом и две подставки для очага (подтреугольная и прямоугольная в сечении).

Отмеченное выше совместное залегание лепной и станковой посуды известно по многим другим поселениям, в том числе и на Ново-Покровском I городище. Основываясь на этом, мы считаем описываемое городище синхронным Ново-Покровскому I городищу.

В 1,5—2 км к западу от Ново-Покровского I городища с длинными стенами, на северной окраине села, рядом стоят два городища.

Северное (рис. 46), условно названное нами **Ново-Покровским III**, в плане представляет правильный прямоугольник (235×230 м), ориентированный сторонами по странам света. К городищу с восточной стороны прилегает болотистый лог, по остальным трем сторонам с внешней стороны идет ров (шириной 10—12 м и глубиной до 1,2 м). Высота валов — 1,8 м, ширина по основанию — 14 м. Стены были усилены башнями, следы которых ясно видны по углам и по обеим сторонам проезда в северной стене. Еще по одному проезду было в южной и западной стенах, где через ров переброшены дамбы.

Внутренняя поверхность укрепления имеет возвышение в юго-западном углу, сейчас застроенное зданием овцефермы. Остальное пространство плоское, немного возвышающееся над уровнем окружающей местности. На городище было заложено два шурфа, которые показали, что на плоском пространстве культурных наслоений не было, а на возвышенном участке, в юго-западном углу, хотя и были незначительные наслоения (до 1 м), но вещевого материала, позволяющего датировать это укрепление, в них не обнаружено.

Южное (рис. 47), названное **Ново-Покровским IV**, гораздо больших размеров, но менее рельефно выражено. Это большой прямоугольник, ограниченный оплывшей стеной, ориентированный с небольшими отклонениями, сторонами по странам света, у которого не сохранилась юго-западная часть. Размер с севера на юг 300 м, с запада на восток 440 м. Близ юго-восточного угла в южной стене был въезд, отмеченный проемом и двумя холмами предвратных башен. В сохранившейся части этой стены есть два прямоугольных уступа по 12 м.

Внутреннее пространство на большей своей площади не имеет культурных наслоений. В восточном секторе два плоских холма высотой 1,5 м диаметром до 80 м. На одном из них был разбит разведочный раскоп (площадью 8 м²). Культурный слой, вскрытый раскопом, не превышал 1,2 м. В раскопе найден один фрагмент стекла, несколько обожженных кирпичей размерами 30×30×4, 5—5 см и серия фрагментов в большинстве гончарной керамики.

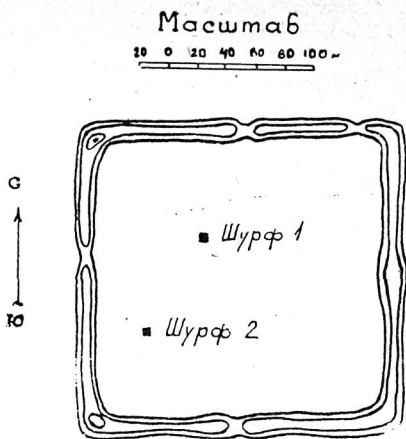

Рис. 46. Схематический план Ново-Покровского III городища.

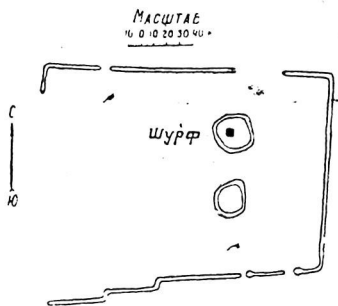

Рис. 47. Схематический план Ново-Покровского IV городища.

Последнее городище (рис. 48) Ново-Покровского комплекса находится в 3—3,5 км к северу от основного. Его образует прямоугольник оплывших стен, ориентированный сторонами по странам света. Размеры с севера на юг 370 м, с запада на восток 380 м, высота валов 1,5—2,5 м, ширина по основанию — 12—14 м. При знаков башен в стенах не отмечено. В центре восточной стены находится высокий холм, по-видимому, небольшая цитадель, высотой около 4 м диаметром по основанию 30 м.

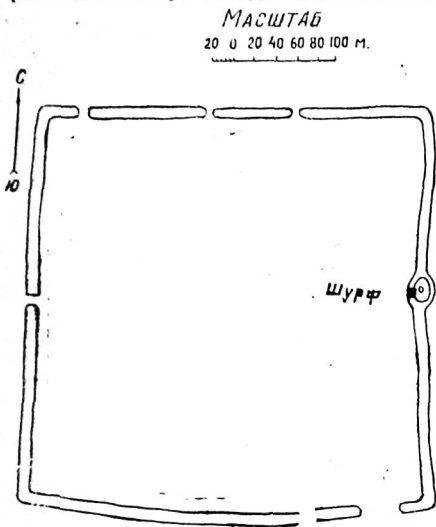

Рис. 48. Схематический план Ново-Покровского V городища.

серой черепицы с отпечатком матерчатого шаблона на внутренней стороне.

Квадратный сырцовый и обожженный кирпич, керамика и черепица представляют тот вещественный материал, который позволяет предварительно датировать описываемое городище X—XII вв. Эта дата может быть распространена на IV и возможно на III городища этого комплекса.

Городища близ Беловодской крепости

В этом районе нами зарегистрировано 3 городища. Одно из них находится между селами Сталинское и Петровка, в 3 км к северу от них. Оно стоит на луговине в 800 м к югу от с. Кызыл-Туу. В плане это как бы два прямоугольника, составленных под углом (рис. 49). Ширина его 40 м, а общая длина немногим более 100 м. Восточная часть возвышена (2,2 м) и наиболее укреплена. Средняя и западная имеют меньший культурный слой 1—1,5 м. По краям просматриваются слабые следы стен. Подъемный материал приближенно может быть сближен с керамикой верхних слоев на центральных развалинах Беловодской крепости.

На 45 км дороги Фрунзе—Калининское, сразу же за северной околицей с. Сталинское, стоит второе небольшое городище (рис. 50). По-видимому, оно упоминается в литературе при описании укреплений на подступах к Сретенскому городищу как хисна¹.

¹ А. Н. Берштан. Археологический очерк..., стр. 70.

В плане это почти правильный квадрат со стороной 120 м, ориентированный сторонами по странам света, но с отклонениями до 6—10°. Оплывшие стены хорошо выражены по всему периметру (их высота 1,5 м, ширина по основанию 10—12 м). Они были усилены башнями, расположенными по всем четырем углам и по одной в центре каждой стороны. Бугры башен в современном состоянии достигают в диаметре до 20 м и выступают наружу за линию стен до 10 м. Башня в центре южной стены выделяется своими размерами и напоминает небольшую цитадель (ее размеры по основанию 40×25 м, высота до 2,5 м). В укрепление был, по-видимому, один въезд в южной стене.

Внутреннее пространство имеет культурные наслоения в 1—1,5 м. Его поверхность равномерно понижается к центру. Оно занято современ-

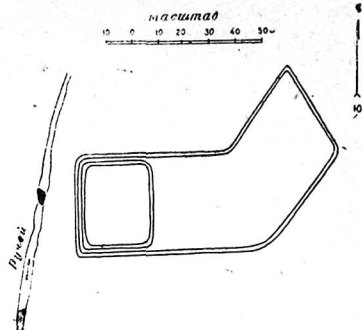

Рис. 49. Схематический план Кзыл-Туйского городища.

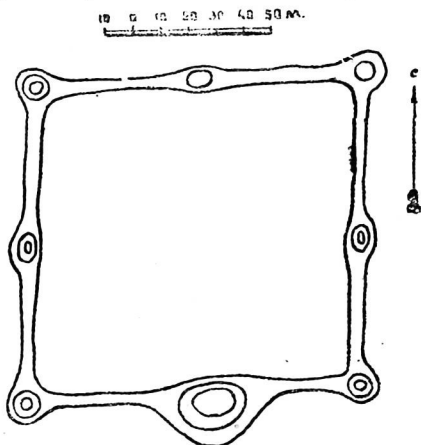

Рис. 50. Схематический план городища юго-западнее Беловодской крепости.

ным кладбищем, в выбросах из насыпей которого были собраны части хорошо профилированных высоких узких горловин кувшинов, фрагменты закраин и боковин станковых сосудов. Керамика может быть отнесена к X—XII вв. Городище расположено километрах в 3-х к юго-западу от центральных развалин Беловодской крепости и поэтому безусловно относится к комплексу этого большого поселения.

Около 4 км к западу от центральных развалин Беловодской крепости на окраине с. Петровки зарегистрировано третье городище значительных размеров (рис. 51). Оно стоит на луговине, с запада и востока от него протекают небольшие ручьи. Развалины состоят из двух частей. Северная, основная часть, неправильного четырехугольного плана размерами с севера

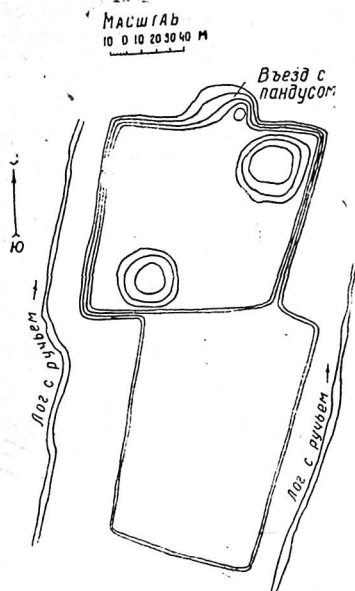

Рис. 51. Схематический план Петровского городища.

на юг 135 м, с востока на запад 140 м ориентирована сторонами по сторонам света, но с отклонениями до 15° . Холм возвышается над луговиной до 6 м. Стены по краям выделяются нечетко. Поверхность слабо всхолмлена. В северо-восточном углу есть возвышение (диаметром 50 м, высотой 1,5 м), по-видимому, цитадель. Второе возвышение расположено близ юго-западного угла, вдоль южной стены (диаметр 40 м, высота 1,5 м). В основной части городища ясно заметен только один въезд в северной стене. Он шел по широкому пандусу, и для его обороны была сооружена далеко выступающая за линию стены башня.

Вторая, южная часть, примыкая к основной, как бы смещена к востоку. От соответствующих сторон основной части ее западная сторона отступает на 45 м, а восточная — на 30 м. Размер этой части с севера на юг 180 м и с запада на восток 110 м, высота не превышает 3 м. Стены выражены слабо. Поверхность слабо

всхолмлена. Обнажений на развалинах нет, и подъемного материала хотя бы для самой предварительной датировки не удалось собрать.

В 30 м от северной стороны основной площадки городища расположены два сильно уплощенных холма высотой 2—3 м: восточный диаметром 80 м, западный — 100 м. Холмы сильно задернованы, и подъемного материала на них нет.

Около других городищ с длинными валами также были зарегистрированы остатки укрепленных поселений. К числу их относится городище, расположенное в 4—5 км к востоку от городища Кысмычи на краю той же надпойменной террасы р. Чу (рис. 52). Большая часть его размещена между двух глубоких логов с ручьями, и только западная, небольшая часть, стоит на террасе. Вдоль западной стороны хорошо виден ров. В плане развалины имеют вид неправильной фигуры.

Весь комплекс состоит из трех ярусов. Самый высокий участок составляет цитадель (80×180 м), в виде тепе с площадкой. Она находится в северном углу многогранника второго яруса, возвышаясь над его поверхностью до 1,5 м. Площадка второго яруса (125×200 м) имеет высоту над окружающей местностью до 4 м. По краям ее не видно следов укрепления. Поверхность слабо всхолмлена, однако разница в уровнях отдельных точек достигает 1,5 м. Наиболее пониженная часть — третий ярус — простирается к северо-западу на значительное расстояние, его промеры 250×250 м, высота над окружающей местностью около 2 м. И здесь поверхность сильно сглажена, но отдельные части, разделенные оврагами, разнятся по своей высоте.

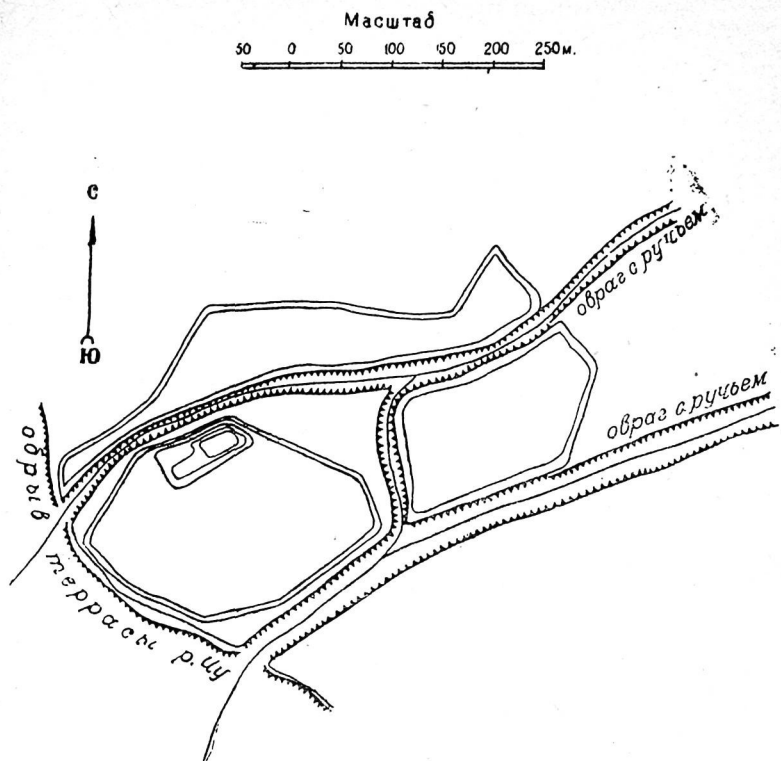

Рис. 52. Схематический план городища восточнее Кысмычи.

Таким образом, мы видим, что по размерам и планировке городище к востоку от с. Кысмычи представляет остатки значительного поселения. Толща культурных наслоений в нем раскопками не изучалась. Но по значительному подъемному материалу из обнажений, из силосных ям и строительных траншей на разных ярусах можно отнести это городище к X—XII вв.

Следующее городище находится в 3 км к северо-западу от Краснореченских развалин, недалеко от надпойменной террасы р. Чу (рис. 53). В плане это правильный квадрат (140×140 м), ориентированный углами по странам света. Высота оплывших стен укрепления 1,7 м, ширина по основанию 10 м. По всем четырем углам башни, кроме того, в каждой стороне по две башни, расположенных несимметрично. Они возвышаются над гребнем валов около 0,5 м. Въезд был один, в северо-восточной стене, и шел из поймы по пандусу. Внутреннее пространство одного уровня, но в северном углу есть две западины. Культурный слой не превышал 0,4 м. Обнажений нет. На холмах кладбища, расположенного внутри, собрана серия фраг-

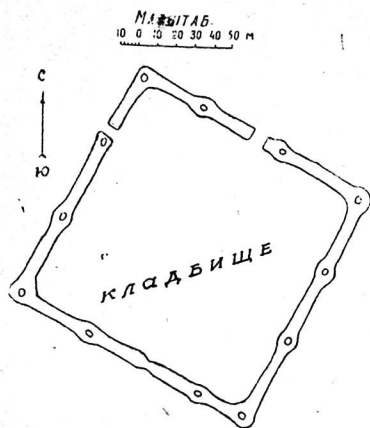

Рис. 53. Схематический план городища западнее Краснореченского.

расположенных на расстоянии 20—35 м друг от друга, возвышающихся над гребнем вала до 1 м. В западной стене, проходящей по террасе, также есть следы башен, но проведенный у подножья стены арык полностью снес выступы их за линию стен. Других следов укреплений нет. Места въездов в укрепление трудно определить.

Внутреннее пространство не имеет большой разницы в своем уров-

ментов керамики, преимущественно гончарной. Они могут служить основанием только для приблизительной датировки укрепления X—XII вв.

У западной окраины сел. Ивановки, на 43 км дороги Фрунзе—Токмак находится городище, не обследованное до наших работ и названное нами Ивановским (рис. 54). Расположенное вдоль края высокой надпойменной террасы р. Чу, оно частью своего периметра повторяет в плане ее неправильные очертания. Южная и часть западной сторон, обращенные к поверхности террасы, имеют форму прямых линий. Размер его 180 м с севера на юг и от 70 до 120 м с запада на восток. Наиболее сохранившаяся южная оплывшая стена несет следы башен,

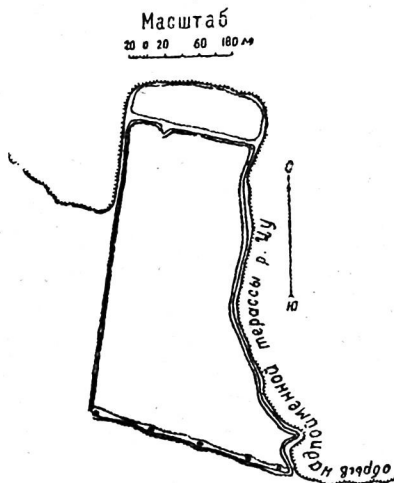

Рис. 54. Схематический план Ивановского городища.

не, колебания отдельных точек не превышают 1 м. Среди подъемного материала, собранного на поверхности и в срезах силосных ям, встречается лепная и станковая посуда. Из последней особенно интересны фрагменты поливной посуды с белой и темно-зеленой поливой. Этот признак позволяет утверждать, что жизнь на городище продолжалась до XI—XII вв. Нижнюю хронологическую границу жизни определить нет возможности.

Ивановские развалины находятся в 5 км от внешнего вала Краснореченского городища и всего 1,5—2,5 км от городища Кысмычи. Но поскольку городище Кысмычи стоит на противоположном берегу р. Чу, то больше оснований отнести его к Краснореченскому комплексу. Его положение можно сравнить с местоположением Старо-Покровского городища по отношению к Ак-Бешиму. Керамический материал обоих городищ также во многом идентичен, что дает основание относить их в верхних наслоениях к одному времени.

В 3 км к юго-востоку от села Токолькош расположено городище размерами 40×42 м (рис. 55). Оно ориентировано углами по странам света и имеет ослышшие стены шириной по основанию 12 м, высотой 1,7 м. Внутреннее пространство с заметным культурным слоем, понижается к центру.

Разведочный раскоп (площадью 8 м²) прорезал культурные напластования мощностью 0,9—1,2 м, состоящие из очень твердых лёссово-глинистых заплывов. В нем получен довольно значительный керамический материал. В его составе отмечены фрагменты станковых сосудов горшкообразного типа со слабо выраженным венчиком, встреченные в других местах в комплексе с керамикой X—XI вв., несколько боковин сосудов с гребенчатым орнаментом, характерным для того же времени.

Учитывая небольшую толщину культурного слоя, говорящего за непродолжительную жизнь, городище следует датировать X—XII вв.

Вокруг турткуля, на вспаханном поле и в арыках на значительном расстоянии попадают фрагменты керамических изделий, аналогичных материалу из разведочного шурфа. Поднято также несколько обожженных кирпичей (размер целого кирпича 24×24×45 см).

В 1—1,5 км к югу от с. Токолькош Аламединского района зарегистрирован небольшой турткуль (рис. 55). В плане — скошенный четырехугольник неправильной ориентировки. Оба его промера равны 80 м. Высота западного вала 1,5 м, а остальных по 2,5 м, ширина по основанию до 18 м. Северная и восточная стены глухие, в западной стене имеется небольшой проем, а в южной — хорошо видный проезд. Внутреннее пространство имеет относительно ровную поверхность, возвышающуюся над окружающей местностью до 1—1,2 м.

В западном секторе турткуля был разбит разведочный раскоп площадью 8 м², прорезавший культурные наслоения толщиной до 1,2 м. На-

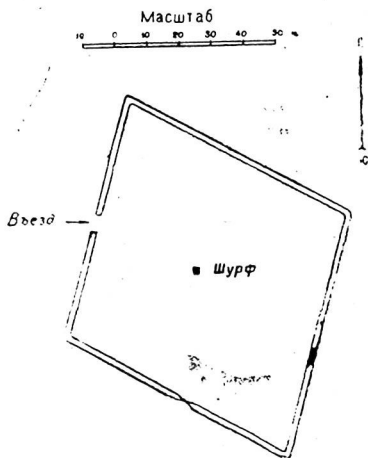

Рис. 55. Схематический план Токолькошского I городища.

пластования состоят из плотно слежавшихся глиняных завалов. Обильный керамический материал по большинству признаков относится к X—XII вв. Здесь встречены части стеклянных сосудов, два фрагмента сосуда из каши-на с белой поливой и коричневой росписью, кувшины с узкой и высокой горловиной и вертикальной коленчатой ручкой, закраины от горшкообразных сосудов, боковины с круглой полулунной ручкой и гребенчатым орнаментом.

Как и в первом Токольдошском городище, описанная керамика может быть отнесена не ранее чем к X—XII вв., с особенной уверенностью на этой дате позволяет остановиться кашинная посуда.

В округе городища, на распаханном поле, видны отдельные сильно оплывшие холмики, на поверхности которых была подобрана серия фрагментов керамики, идентичной материалу из раскопа внутри турткуля. В подъемном материале встречен обожженный кирпич размером $25,5 \times 23,5 \times 4,5$ см.

Все вышеуказанное характе-

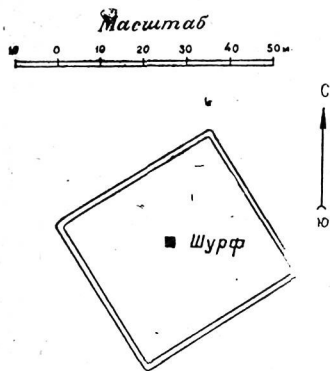

Рис. 56. Схематический план Токольдошского II городища.

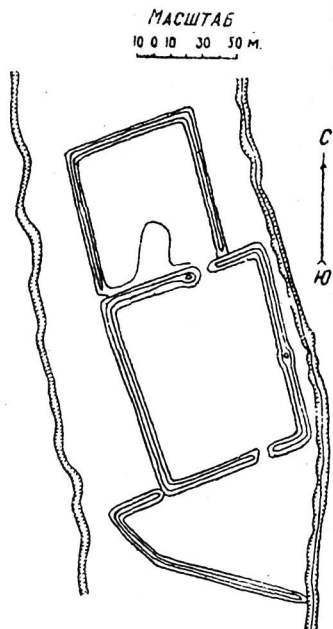

Рис. 57. Схематический план Маевского городища.

ризует этот комплекс как значительное поселение с небольшой укрепленной частью в центре.

К комплексу Ключевского городища с длинными валами относятся развалины, стоящие к юго-востоку от с. Маевки (рис. 57). От них до центральных развалин Ключевского городища около 4—4,5 км. Находятся они между двух логов, идущих в общем направлении с севера на юг и состоят из трех частей, расположенных в цепочку. Средняя часть, представляет в плане четырехугольник неправильной ориентации размерами с севера на юг — 120 м и с запада на восток — 100 м. Здесь было два симметрично расположенных проезда в северной и южной сторонах. Оплывшие стены возвышаются над внутренней поверхностью до 1 м, их внешние склоны изрыты, и поэтому следов башен не видно, за исключением одной в во-

сточной стене. Внутреннее пространство слегка всхолмлено и возвышается над окружающей местностью до 2,5 м. Цитадели нет.

Северная пристройка имеет ту же ориентировку, но меньшие культурные наслоения—1,5 м. Размеры ее: с севера на юг—90 м и с запада на восток — 80 м. В южном секторе находится значительных размеров впадина, на одной части которой, по-видимому, был хауз. Въезды в эту пристройку вели из среднего турткуля и извне через западную стену.

Южная пристройка не замкнута, вал ее высотой до 1,8 м, начинаясь от юго-западного угла среднего турткуля, делает три изгиба и упирается в восточный лог, оставляя восточную сторону открытой. Внутреннее пространство возвышается до 1 м.

На городище собран подъемный керамический материал: обломки от узкогорлых сосудов с вертикальными коленчатыми ручками, крышки с вмятинами по краю, части облицовочных плиток толщиной 3 см. с гранеными ребрами. В коллекциях Фрунзенского дома пионеров хранится найденная на этом городище медная монета с квадратным отверстием в центре и китайскими иероглифами.

Подъемный материал дает право допускать наличие жизни на поселении (разумеется ориентировочно) в VIII—X вв.

Вокруг описанных развалин, на распаханых полях, кое-где виднеют-

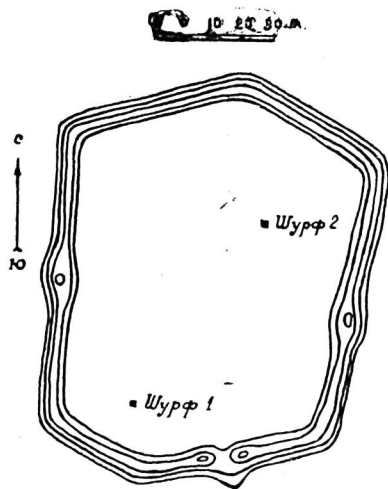

Рис 58. Схематический план Гавриловского городища.

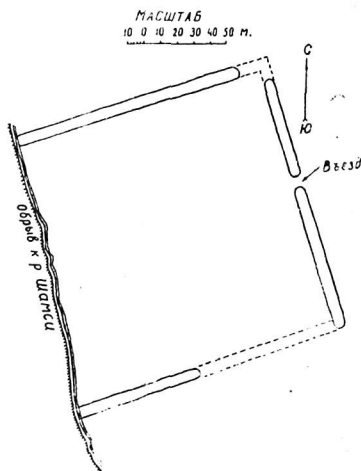

Рис. 59. Схематический план городища I в ущелье Шамси.

ся небольшие холмики, на которых были подобраны фрагменты керамики, обломки обожженных плиток или кирпичей. Вероятно, поселение у с. Мавевки было довольно большим. Это обстоятельство имеет значение для объяснения других подобных ему поселений.

На 24 км дороги Фрунзе—Калининское, в 200 м к северу от дороги, стоит небольшое городище (рис. 58). Развалины расположены на краю луговины, из которой начинается несколько ключей. С запада и востока вплотную к городищу подходят усадьбы села Гавриловского. В плане это не-

правильный шестигранник, окруженный обвалованными стенами высотой около 4 м, изнутри 1—1,5 м. Только в некоторых местах видны следы башен: по одной в западной и восточной стенах и две в южной стене, по сторонам единственного въезда. Дорога к воротам—по пандусу. Внутреннее пространство слабо всхолмлено. Здесь было разбито два разведочных раскопа, каждый площадью 8 м². Раскопы показали, что мощность культурных наслоений не превышала 2,3 м. Остатков строений не встречено, слои составлены завалами сырца и пахсы, пылевидной засыпью и зольниками. Деление наслоений на горизонты исключено. Но в керамике, в крайних точках напластований, отчетливо заметна разница. В верхних слоях до отметки 1,8 м преобладает гончарная посуда. На гончарном круге сделаны: кувшины с высокой узкой горловиной, открытый сосуд типа горшка с отогнутой закраиной и серия обломков закраин. В нижних слоях преобладает лепная посуда, представленная частью котлообразного сосуда, глубокими чашами, боковинками сосудов с глухими полулунными, а также петлеобразными вертикальными и горизонтальными ручками, боковинками с наклепными жгутиками. Часто встречаются плоские конические крышки, с тремя-четырьмя цилиндрическими выступами на ручке. Поливной керамики не встречено.

По составу керамики Гавриловское городище может быть датировано VIII—XII вв. Отсутствие поливной керамики может быть объяснено ролью и назначением, которые играло укрепление.

Расположение городища в 2,6 км от внешнего кольца стен Сокулукских развалин напоминает мелкие поселения около Краснореченского, Ак-Бешима, Кысмычи и других городищ с длинными стенами. Вслед за А. Н. Бернштамом¹ мы считаем, что подобного типа небольшие укрепления были форпостами больших поселений, рассчитанными на оборону дальних подступов.

В 0,5—1 км к юго-востоку от второго длинного вала Бураинского городища, на расстоянии 120—250 м друг от друга, находится группа из 6 холмов, являющихся остатками укрепленных усадеб. Планы их очень сходны, размеры также не очень разнятся.

Усадьба № 1 в плане представляет четырехугольник неправильной ориентации со стороной в 40 м, с въездом в южной стене. Стены высотой 1,5—2 м, шириной по основанию 10 м. Постройки располагались у северо-восточной и южной стен, остальное пространство являлось двором. Все постройки ниже гребня валов и занимают не более половины площади усадьбы.

Усадьба № 2—квадрат со стороной 42 м, ориентированный углами по странам света. И здесь застроенной была только северо-восточная половина, а юго-западная являлась двором. Высота валов 1,2—1,5 м, ширина по основанию 10—12 м. На северном и восточном углах видны башни. Застройка ниже гребня стен. Въезд в усадьбу был в юго-восточной стене.

Планы и размеры других усадеб имеют небольшие отличия от вышеописанных.

В 1952 г. три усадьбы в этой группе были снесены землеройными машинами при распланировке полей. В одной из них было вырыто очень много обожженного кирпича. После сообщения инженера Чуйского управления оросительных систем Н. В. Шамахова мы осматривали эту усадьбу. Наблюдения Н. В. Шамахова и наши позволили установить, что полы в

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 70—71. Его же. Основные этапы истории культуры..., стр. 376.

постройке мостились обожженным кирпичем. Кирпичи были: шестигранные (с размером грани 14 см и толщиной 5 см); прямоугольные (24,5×15×3,5 см и 35×17,5×5 см) и квадратные (24×24×4,5 см и 37×37×5 см). Форма кирпичей и сохранившийся участок пола дают основание говорить об определенном «орнаменте» в вымостке: в центре комнаты был прямоугольник из фигурного шестигранного кирпича, а затем последовательно шли узкие пояса из мелких прямоугольных и квадратных кирпичей, по краю проходил бордюр из большегомерного квадратного кирпича. В разравненных усадьбах было найдено несколько хумов с одним-трем отверстиями у поддона, идущих по горизонтали, жернов диаметром 1,2 м, толщиной 20—25 см, с отверстием и гнездами для крепления на оси. Здесь же подобрана часть шестигранной бронзовой трубы (размер грани 4 см), по поверхности которой нанесен врезной геометрический орнамент и стилизованная арабская надпись. Собраны и фрагменты керамики, среди которой имеется поливная.

Все это, с большой долей вероятности, позволяет датировать эти усадьбы X—XII вв. Местоположение их рядом с Буранинским городищем дает основание относить их к комплексу этого большого позднего поселения.

В северо-восточной части города Фрунзе расположены развалины кокандского укрепления Пишпек, называемые ныне Кузнечной крепостью. Крепость дважды бралась русскими отрядами в 1860—1862 гг. После второго штурма она была совершенно разрушена. В литературе сохранились только описания стен, возведенных по приказанию кокандских ханов. Однако осмотр холма показывает, что крепость сооружена на месте старого поселения, где накопились многометровые культурные толщи. Известно, что еще одна из небольших кокандских крепостей была сооружена на древнем городище Шиш-Тюбе. Наличие остатков более древнего поселения под кокандской крепостью подтверждают свидетельства старожилов г. Фрунзе, рассказывающих, что с юга к холму кокандской крепости примыкала обширная площадка, на которой было устроено городское кладбище.

Приведем, наконец, археологические свидетельства в пользу нашего мнения. В течение ряда лет археологический кружок средней школы № 10 ведет наблюдения за Кузнечной крепостью. Им собран обширный керамический материал, относящийся к VIII—X вв. Во время строительства Большого Чуйского канала, проходящего в 0,6—0,8 км от Кузнечной крепости, в районе улиц Карпинского и Алма-Атинской, был вскрыт ряд поселений XI—XII вв.¹ Весьма вероятно, что эти постройки относились к комплексу Кузнечной крепости. Мы допускаем здесь и существование в прошлом длинного вала. Расположение центрального бугра и одиночных построек аналогичны городищам с длинными валами.

II. Поселения и укрепления в ущельях

После обследований 1938—1940 гг. и, особенно, после работ экспедиции надзора на строительстве Большого Чуйского канала в 1941 г. проф. А. Н. Бернштам высказал мнение, что оседло-земледельческие центры тяготели к средней части подгорья, где «затишают» горные потоки, уменьшается опасность силей и камнепадов. Территория же между

¹ МИА, № 14, стр. 91.

зоной оседлых поселений древности и каменистым подгорьем продолжала оставаться в руках кочевников. Чем ближе к горам, тем меньше оседлых поселений и больше памятников кочевников.¹

Регистрация развалин поселений, проведенная нами, показала, что это мнение не отражает действительного положения. Установлено наличие развалин поселений почти в каждом значительном ущелье Киргизского Ала-Тоо, в большинстве случаев у самого выхода их в долину. Но есть случаи расположения их в глубине ущелий до 1—2 км (Ак-Су, Сокулук, Ала-Арча) или в долине, но недалеко от входа в ущелье (Кара-Балты, Аламедин, Иссык-Ата). Во всех случаях расположение поселений может быть связано только с выходом ущелий.

Эти небольшие поселения со следами значительных укреплений и часто незначительными культурными наслоениями. Возникали они, по-видимому, как укрепления, рассчитанные на предотвращение какой-нибудь опасности со стороны ущелий, не исключена и функция охраны поймы реки как источника орошения, но она приложима далеко не ко всем укреплениям, так как в целом ряде случаев они стоят в глубине ущелий на столь высоких террасах, что в ближайшей округе их совершенно исключены возможности возведения водозаборных сооружений (Шамси, Кегеты).

Возможно допущение, что укрепления в ущельях создавались жителями больших долинных поселений для охраны скота, выпасаемого там во время летней жары. В пользу такого предположения говорят размеры и конструкция укреплений, незначительный культурный слой в них, иногда существование нескольких укреплений в одном ущелье (Шамси, Ак-Су). В ряде случаев это просто огороженные стенами пространства, которые могли служить для временной охраны стад.

В дальнейшем, в период наивысшего расцвета оседло-земледельческой жизни, некоторые из укреплений разрослись в поселения, где имелись ремесленные производства (Кегеты, Сан-Таш, Сокулук, Кара-Балты). Некоторые же не выросли за рамки небольших укреплений — форпостов долинных поселений (Шамси, Ала-Арча, Советское и др.).

Таким образом, мелкие поселения в ущельях свидетельствуют о том, что оседло-земледельческое население осваивало и долинную часть и близлежащие ущелья Киргизского Ала-Тоо. Это — небезынтересное обстоятельство для географии поселений в Чуйской долине, а также для определения сферы деятельности оседлых земледельцев.

Городище I в ущелье Шамси (северное). В 0,5 км от начала ущелья над левым обрывистым берегом р. Шамси (рис. 59), стоит хорошо обозначенное валами городище. Ориентировка его с отклонением сторон на 15° от стран света объясняется расположением вдоль берега реки. В плане это неправильный четырехугольник с размерами сторон: северной—160 м, восточной—180 м и южной—170 м. По западной стороне длиной 180 м вдоль обрыва берега Шамси стены не было. Высота валов 1,3—1,5 м, ширина по основанию 10—12 м. В центре восточной стены был въезд. Внутреннее пространство распахивается, и в настоящее время следов застройки на нем не видно, нет и заметной разницы его уровня с уровнем окружающей местности, которая свидетельствовала бы о культурном слое. Подъемный материал отсутствует.

Городище II в ущелье Шамси (среднее) стоит в 400 м от первого (рис. 60). Оно также расположено вдоль обрывистого берега Шамси и имеет только три неправильно ориентированных оплывших стены. С западной стороны вдоль реки стены не было. Высота валов до 2,5 м, ширина 14 м.

¹ МИА, № 14, стр. 104.

Длина северной стены 200 м, восточной — 330 м, южной — 230 м. Южная стена не прямая, её западный конец, проходя по краю оврага, делает из-

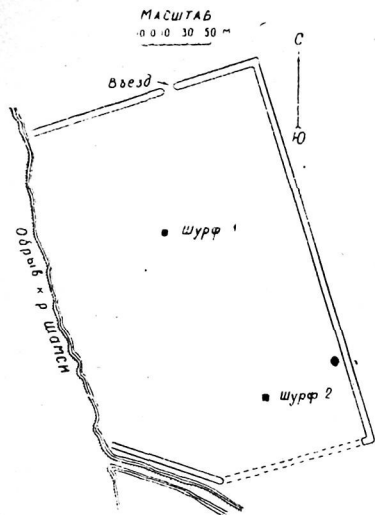

Рис. 60. Схематический план городища II в устье Шамси.

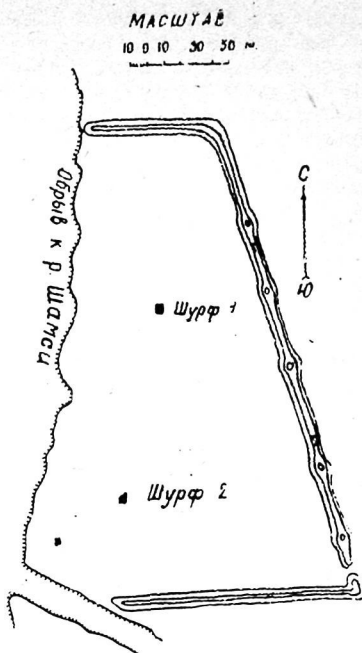

Рис. 61. Схематический план городища III в устье Шамси.

гиб под тупым углом. Длина западной стороны по берегу Шамси 270 м. Валы имеют седловины и возвышения, слегка напоминающие башни.

Внутренне пространство этого укрепления также распахивается. Его уровень выше окружающей местности не более чем на 0,5—0,8 м. Но все неровности снесены постоянной распашкой и угадываются теперь по очень небольшим и пологим возвышениям.

На городище было заложено 2 шурфа. Их расположение из-за посевов было неудачным. Они дали небольшую серию фрагментов керамики. Но на распаханых местах был собран довольно значительный подъемный материал, идентичный материалу из шурфов. Это обломки кувшинов с высоким и узким горлом и вертикальной коленчатой ручкой, больших чаш с плоским сильно расширяющимся венчиком, банкообразных сосудов, хорошо сформированных горшкообразных сосудов и т. п.

По керамике городище следует отнести к X—XII вв.

Городище III в устье Шамси (южное) расположено к югу от второго городища за глубоким оврагом (рис. 61). Его форма четырехугольная, неправильной ориентации. Оплывшие стены имеются только по трем сторонам, длина северной — 80 м, восточной — 300 м, южной — 150 м.

Обрыв на западной стороне извилистый, промер по прямой составляет 290 м. На лучше сохранившейся восточной стене видны следы башен, выступающих наружу за линию стен до 3 м и возвышающихся над их уров-

нем до 0,5 м. Всего прослеживается 5 башен через 30—50 м друг от друга.

Внутреннее пространство пересечено несколькими промоинами, распахано и засеяно. Культурного слоя внешне не заметно. Здесь было разбито два раскопа. В одном находки попадались до 0,5 м, в другом до 0,45 м. Это только глиняные изделия, среди которых больше всего найдено фрагментов стенок хумов. Обнаружена серия обломков от сосудов, сделанных на станке, в том числе: кувшин с высоким узким горлом и вертикальной коленчатой ручкой, боковины сосуда с полулунной круглой в сечении ручкой, чаша большого диаметра с толстой стенкой.

И это городище по раскопочным материалам может быть отнесено к X—XII вв.

Таким образом, все три городища в ущелье Шамси имеют весьма сходные планы. Слабый культурный слой не оставляет сомнения в их назначении — это временные укрепления. Сходство в керамике не дает возможности относить их к разным периодам. Все они жили в X—XII вв. и, по-видимому, среднее из них относится к наиболее позднему времени.

Городище в ущелье Кегеты. Ущелье Кегеты в отличие от других кончается обрывистой террасой высотой до 10 м, не выступающей за линию прилавок. На самом краю этой террасы стоит небольшое городище, склон его северной стены составляет одну линию с обрывом террасы. Ширина

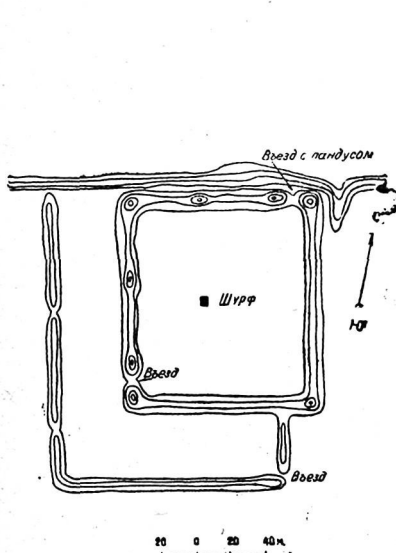

Рис. 62. Схематический план городища в ущелье Кегеты.

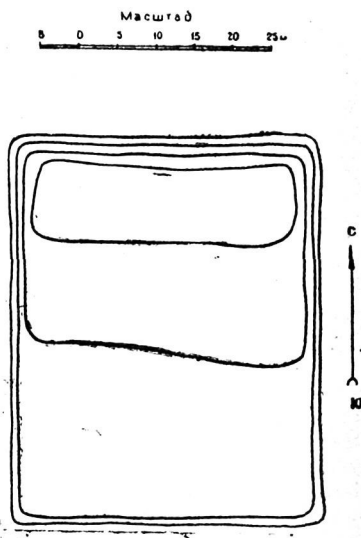

Рис. 63. Схематический план городища у с. Нижняя Серафимовка.

террасы ущелья при выходе около 1 км. Речка Кегеты течет у левой западной гряды ущелья.

Городище стоит примерно в середине и состоит из двух частей. Основное укрепление в плане прямоугольник (120×130 м), с отклонением сторон от направления по странам света до 15°. Валы возвышаются над ок-

ружающей местностью до 4 м. На них по всем четырем углам возвышаются башни, кроме того по северной и западной стенам видны еще по две башни. В этих же стенах были и въезды. Въезд в северной стене выходил к обрыву, по которому шел пандус. Ворота защищались угловой и рядом с ней расположенной башнями. Въезд в западной стене находился у юго-западного угла и также защищался угловой и следующей башнями. Внутреннее пространство ниже гребня валов на 1—1,5 м. Бугры построек особенно ясно видны у восточной, южной и западной сторон, где они сливаются со склонами стен.

Вторая часть городища — пристройка шириною 45 м вдоль южной и западной стен. По южной стороне она начинается, отступя на 20 м от юго-восточного угла основного укрепления. Остатков стены в пристройке не видно только вдоль обрыва террасы. В пристройку было два въезда, один в юго-восточном углу, второй в западной стене. Следов застройки в этой части нет.

На основном укреплении был разбит раскоп площадью 4×2 м. Наслоения, прорезанные раскопом, трудно читаются. Значительный керамический материал в большей своей части относится к X—XII вв. За это убедительно говорят два обстоятельства: первое — поливная керамика, встречающаяся до глубины 1,45 м, при толщине культурного слоя в 2 м. Второе — станковая посуда здесь резко преобладает над лепной, что характерно только для поздних городищ. Из поливной посуды встречены закраины и поддоны чаш с белой и зеленой поливой. В одном случае отмечен подглазурный процарапанный орнамент геометрического характера. Кроме того, найден один фрагмент стеклянного сосуда. Станковая посуда имеет высокую технику изготовления и многочисленные формы: маленькие чаши с петлеобразной ручкой, кувшины с узким высоким горлом и колеччатой вертикальной ручкой, чаши большого диаметра, горшкообразные сосуды с слабо выраженным венчиком, хумы и др. На одном фрагменте боковины есть штампованный орнамент из квадратов и опоясывающих их линий. Лепная посуда встречается во всех слоях, но чаще в нижних: лепная чаша малого диаметра, основание подставки (подсвечника?), закраина горшка с отогнутым венчиком, по краю которого вмятины, в другом случае насечки, невыразительные фрагменты боковин, иногда с наlepным дугообразным жгутом, с насечками по его гребню, достарханы, витые ручки. Особо должно быть отмечено тулово терракотовой фигурки животного.

Описанная часть поселения может быть датирована VIII—XII вв. Вокруг нее есть ряд холмов, весьма напоминающих остатки отдельных построек. Видимо, в последний период жизни крепости вокруг нее выросло небольшое поселение, в котором было развито и ремесло. Несколько обломков шлаков гончарного происхождения подтверждают такое предположение. Тенденцию к перерастанию укрепления в поселение мы наблюдали и в других устьях.

Турткуль южнее с. Нижне-Серафимовка стоит у входа в небольшое ущелье (рис. 63). Это укрепление с оплывшими стенами размерами 40×50 м, ориентированное сторонами по странам света, возвышается над поверхностью до 1,7 м в южном, до 2,5 м в северном конце. Внутреннее пространство заполнено культурными наслоениями не в равной мере. Так, вдоль северной и восточной стен оно имеет высоту 0,7—1,5 м, а вдоль южной и западной сравнивается с гребнем стен. Подъемный материал, по ко-

торому укрепление ориентировочно можно отнести к X—XII в. малочисленный и невыразительный.

Городище в ущелье Ала-Арча стоит юго-западнее с. Воронцовки на

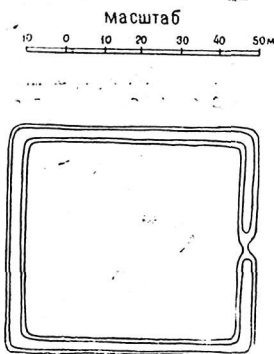

Рис. 64. Схематический план городища в ущелье Ала-Арча.

левой плоской надпойменной террасе (рис. 64). Это четырехугольник, ориентированный сторонами по странам света, размером 60×65 м. Валу хорошо сохранились (их высота извне 2,5—2,8 м, изнутри 1—1,2 м). Следов башен не видно. Въезд в укрепление был с восточной стороны. Внутреннее пространство сплошь заполнено культурными наслоениями, достигающими вдоль восточной стены 1,6 м, а к западу понижающимися до 1,2 м. На укреплении из-за густой травы, покрывающей всю поверхность, удалось собрать небольшое количество фрагментов керамики, судя по которому можно говорить лишь

очень приближенно о дате укрепления, отнеся его к X—XII вв.

Городище в ущелье Сокулук находится недалеко от выхода ущелья в Чуйскую долину (рис. 65). Ущелье здесь настолько широкое, что в 2 км вглубь находится значительное село Белогорка. Небольшой турткуль стоит близ края левой надпойменной террасы. В плане это четырехугольник неправильной ориентации с размерами сторон: северной — 80 м, западной — 70 м, южной — 86 м, восточной — 66 м. Стены невысокие (до 1,3 м), шириной по основанию 8—10 м. На северо-восточном и юго-восточном углах чуть заметны следы башен. На других углах и в пролетах стен башен не видно. Въезд был один, в западной стене. Внутреннее пространство имеет незначительный культурный слой, наибольший по толщине у северной стороны, наименьший — у западной. Северо-восточный угол наиболее заполнен наслоениями, так как здесь, по-видимому, была значительная постройка.

В турткуле разбит раскоп размером 4×2 м, прорезавший метровый культурный слой. В раскопе найдены куски обожженного кирпича (толщиной 4,5—5 см), обломки стеклянного изделия и фрагменты от станковой и лепной посуды. Из станковой посуды встречены две формы: кувшины с высоким узким горлом и коленчатой вертикальной ручкой и горшкообразные сосуды с плохо выраженным венчиком. Эти сосуды и обожженный кирпич определяют дату укрепления — IX—XII вв. Такая датировка подтверждается также находкой стекла и преобладанием станковой керамики над лепной. Из лепной керамики встречены только невыразительные фрагменты боковин сосудов.

К западу и северу от турткуля расположены довольно многочисленные небольшие холмики, весьма напоминающие остатки одиночных построек. Для проверки на одном из таких холмиков, севернее турткуля, был заложен шурф площадью 4×1,5 м. Он прорезал культурную толщу мощностью 1,6 м. Стратиграфия наслоений невыразительна: рыхлый пылевид-

ный суглинок и изредка окатанные камни. Получено довольно значительное количество керамики. В основном это мелкие фрагменты от боковых лепных сосудов. Но встречена и станковая посуда, идентичная станковой керамике из раскопа в турткуле.

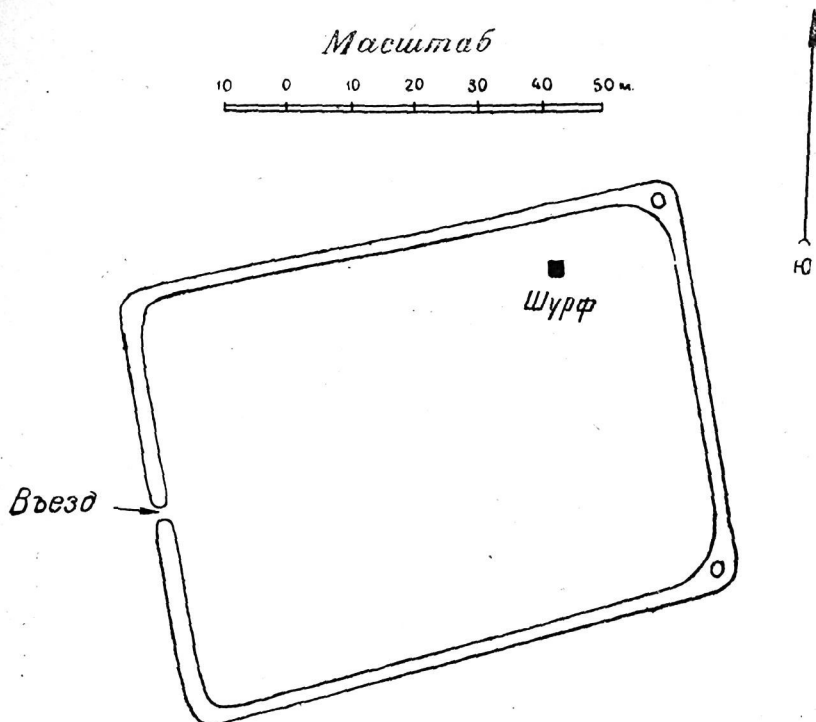

Рис. 65. Схематический план городища в ущелье Сокулук.

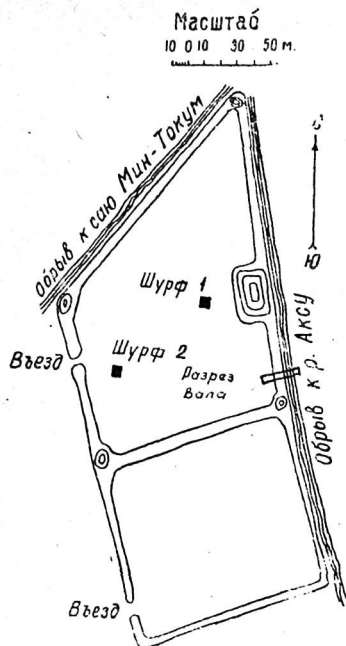
Таким образом, мы имеем здесь маленькое укрепление и вокруг него небольшое поселение. Аналогичную картину мы наблюдали в ущелье Кегеты.

Следовательно, вокруг форпостов, выдвинутых в ущелья, со временем, там, где позволяли природные условия, возникли небольшие поселения.

Городище I в ущелье Ак-Су расположено глубоко в ущелье, километрах в 2—3 от его начала, на левой высокой террасе (рис. 66). Выбор места для укрепления говорит о серьезном учете стратегических выгод. Восточная сторона идет вдоль обрыва к Ак-Су, а северная вдоль глубокого сая, впадающего в Ак-Су, и только две стороны проходят по ровной террасе. Это использование естественных условий для усиления обороны укрепления обусловило и ориентировку и его неправильный план.

Городище состоит из двух частей. Основная, северная часть, имеет валы высотой до 2,5—2,8 м, шириной по основанию до 16 м, по всем че-

тырем углам видны башни, в пролетах стен башни четко не прослеживаются. В восточной стене находится

цитадель размерами 20×35 м и высотой до 3 м. Холм цитадели выступает только внутрь городища. Въезд в эту часть был один, в западной стене.

Внутреннее пространство имеет заметно возвышенные площадки шириной до 20 м вдоль западной и северной сторон, остальная площадь представляет западину к центру. Близ цитадели расположен небольшой холм, на котором заложен раскоп площадью 4×2 м. Второй раскоп, такой же площадью, был разбит близ западной стены. Установлено, что культурные наслоения укрепления достигали 0,9—1,5 м. Стратиграфия наслоений разбирается плохо—мягкий суглинок с золистыми линзами, завалы пахсы и сырцового кирпича. Много обломков от станковых и лепных сосудов. В количественном отношении в нижних слоях преобладает лепная керамика, в верхних же слоях соотношение меется. По добытым образцам посуды городище датируется VIII—XII вв.

Рис. 66. Схематический план I городища в ущелье Ак-Су.

Городище II в ущелье Ак-Су (рис. 67) находится в 250 м к югу от первого городища. Оно меньше по размерам, стоит на террасе, поодаль от обрыва р. Ак-Су. В плане четырехугольник, неправильной ориентировки, со сторонами 85×85 м. Валы высотой до 2,5 м, шириной по основанию до 12 м. По всем углам—башни. Кроме этого, в каждой стороне видны следы еще 2—3 башен. Въезд был один, в восточной стене, следов оборонительных сооружений по его сторонам нет. Внутреннее пространство турткуля без заметных холмов и впадин. Но в целом оно сильно понижается от всех стен к центру. Судя по нивелировочным данным, культурный слой не превышает 0,2—0,3 м. Раскопок на турткуле не производилось. Подъемного материала из-за густой травы собрать не удалось. Городище по типу можно считать синхронным первому городищу в ущелье Ак-Су, т. е. отнести его к X—XII вв.

Городище в ущелье Кара-Балты расположено в с. Сосновка, на правом берегу р. Кара-Балты, недалеко от выхода ее из ущелья в долину. Остатки этого поселения в настоящее время представляют неправильный сильно изрытый холм, размерами 70×80 м, высотой 2—3 м. В середине холма—западина, ближе к краям—возвышение. Подъемный материал: шлаки, спекшаяся глина, керамика (лепная и станковая). В 100 м к западу стоит второй, еще более изрытый ямами, маленький холм, в срезе

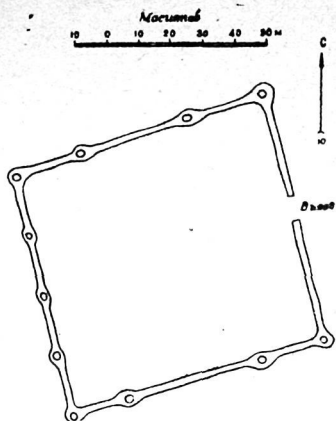

Рис. 67. Схематический план городища II в ущелье Ак-Су.

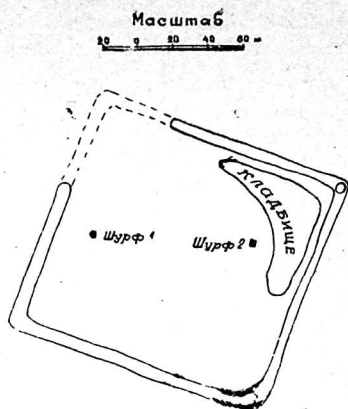

Рис. 68. Схематический план городища близ с. Советского

которого видна пахсовая стена и встречается керамика. Возможно, что эти холмы составляли один комплекс.

Имеющиеся данные дают возможность отнести верхние слои этого поселения к X—XII вв.

Двух-трехметровый культурный слой на основном холме городища и наличие рядом второго холма, составляющего с основным один комплекс, говорят о том, что это поселение в последний период существования имело значительные размеры. Среди его жителей были и ремесленники (наличие шлаков, спекшейся глины). Аналогичные разрастания укреплений в поселениях были отмечены в ущельях Сокулук, Кегеты и др.

На северной окраине с. Сосновки зарегистрировано небольшое городище размерами 60×50 м (длинная ось идет с севера на юг) и высотой 1,7—2 м. На поверхности его подняты фрагменты лепной и станковой керамики, кусок обожженного кирпича. Эти находки позволяют отнести сооружение также к X—XII вв.

Городище Санташ стоит на правом берегу р. Иссык-Ата, недалеко от выхода ущелья в долину Чу. В настоящее время от городища ничего не осталось. Но в 1929 году, когда его обследовал А. И. Тереножкин,¹ развалины имели размеры около 0,5 км.² По краткому перечню находок, приводимому автором, городище следует отнести к X—XII вв.

По аналогии с другими городищами, расположенными у выходов ущелий в долину, мы вправе допускать, что первоначально это поселение возникло как небольшое укрепление, в процессе дальнейшего роста оседло-земледельческой жизни в Чуйской долине, в силу благоприятных условий своего расположения, оно переросло в значительное поселение.

Городище у с. Кара-Джигач очень плохо сохранилось. Во время обследования его в 1929 г. А. И. Тереножкиным оно также уже не имело сколько-нибудь четко выраженных форм.² Вероятно, здесь не было высокого центрального бугра, как во многих других городищах. Но и сейчас ви-

¹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки..., стр. 145—147.

² Там же, стр. 148.

ден неправильных форм невысокий (до 1,5 м) холм, размерами 80×200 м. Вокруг, в радиусе до 0,7—1 км, на распаханых полях и в арыках видно большое количество керамики, среди которой очень много поливной. В некоторых местах еще видны сильно оплывшие небольшие холмики. К югу расположена группа холмов, на одном из которых в очень большом количестве нами подобрана поливная черепица. Подобная черепица отмечена и А. И. Тереножкиным. Подъемный керамический материал в большей его части, мы, вслед за А. И. Тереножкиным, должны отнести к XIII—XIV вв. Следует отметить находки двух терракотовых плит с глубокой резьбой: на одной — меандровое плетение, а на другой, по-видимому, арабская надпись.

По всему комплексу признаков верхние слои городища — поздние. Оно, на наш взгляд, может быть отождествлено с одним из христианских селений, упоминаемых в письменных источниках монгольского времени¹. В пользу этого говорит и открытое Н. Н. Пантусовым в 1885 г. к югу от городища христианско-несторианское кладбище². Но находки керамики караханидского времени, а также расположение развалин у выхода Аламединского ущелья, как и других городищ в ущельях, допускает возможность существования здесь небольшого укрепления и в более раннее время — VIII—XII вв.

Турткуль близ с. Советского (рис. 68) находится в 0,5 км к юго-западу от него. Городище было обследовано Семиреченской археологической экспедицией,³ но никаких подробностей о нём в публикациях нет.

Это правильный четырехугольник, северная и южная стороны которого отклоняются от линии восток-запад на 20°, а западная и восточная — от линии север-юг на 15°. Длина сторон с севера на юг 130 м и с востока на запад 140 м. Валы хорошо выражены, но не по всему периметру сохранились: их нет в северо-западном углу (по линии север-юг разрыв этот идет на протяжении 50 м, а по линии запад-восток — 40 м). Ширина валов по основанию 14—16 м, высота — 1,5—1,8 м. Следов въезда в сохранившихся частях стен нет, по-видимому, он был в северо-западном углу. Башни в стенах если и были, то только по углам, о чем говорят небольшие возвышения в северо-восточном и юго-западном углах.

Внутреннее пространство возвышается над окружающей местностью от 0,6 до 1,4 м. Оно относительно плоское, за исключением северо-восточного угла, где около стен есть приподнятость до 1 м. Вся эта площадь давно распаханна, и сейчас разница в уровнях отдельных точек не превышает 30—40 см. По всему периметру стен и на возвышении в северо-восточном углу расположено современное киргизское кладбище.

На турткуле было разбито два раскопа по 10 м² каждый. Один раскоп, в восточном секторе, прорезал культурные наслоения толщиной 0,6 м, состоявшие из напластований разных оттенков лёссового суглинка серовато-коричневого цвета.

В раскопе обнаружено значительное количество керамики. Среди нее преобладает станковая очень правильных форм и сложной профилировки: кувшины с узким высоким горлом и вертикальной коленчатой ручкой, кувшины с широким горлом, горшкообразные сосуды с плохо выраженным

¹ С. Волин. Сведения арабских, персидских и тюркских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районов..., стр. 36—37.

² Н. Н. Пантусов. Христианское кладбище близ г. Пишпека (Семиреченской области) в Чуйской долине, ЗВРАО, т. 1, вып. 1, стр. 74—83.

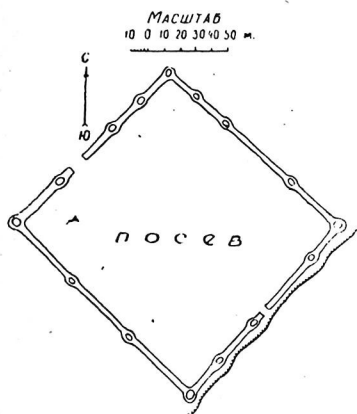
³ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 80. Его же. Архитектурные памятники Киргизии, стр. 18.

венчиком, котлообразные сосуды с круглой горизонтальной ручкой. На некоторых фрагментах виден орнамент, сделанный гребенкой в виде волнистых линий. Лепная посуда встречена в гораздо меньшем количестве и представлена невыразительными обломками от стенок сосудов.

Второй раскоп заложен в западном секторе и показал, что здесь культурный слой достигает в среднем 1 м. В срезах раскопа и снятых слоях зарегистрированы глинистые заплывы, слежавшиеся завалы пахсы с древесными угольками и довольно толстые зольные линзы. Керамики здесь меньше. Но формы и техника изготовления сосудов та же.

Весь керамический материал по соотношению лепной и станковой посуды и качеству станковой посуды может быть отнесен к XII вв. Отсутствие поливы объясняется малым значением и периферийностью поселения.

Турткуль у устья Тар-Су (рис. 69) находится в 2,5—3 км к юго-западу от с. Новороссийска, на левом берегу р. Чон-Кемин у выхода ущелья Тар-Су в Чон-Кеминскую долину. В плане это правильный четы-

реугольник, размерами 140×150 м, ориентированный углами, по странам света, что обусловлено расположением городища северо-западной стеной по краю высокой, обрывистой надпойменной террасы. Развалины носят следы значительных укреплений, а именно: по всем четырем углам были башни, выступающие за линию валов до 8 м и возвышающиеся над их гребнем до 0,5 м. Кроме угловых, в трех стенах было еще по три башни, а в юго-западной — две. Ширина валов по основанию — 8 м, высота — 1,5—1,75 м. В укреплении был всего один въезд в северо-западной стене. Вдоль юго-восточной стены, с внешней стороны, обращенной в сторону ущелья Тар-Су, хорошо виден ров шириной 7—8 м и глубиной 0,4—0,5 м. У двух других сторон, выходящих на террасу, ясных следов рва нет.

Рис. 69. Схематический план городища в ущелье Тар-Су.

Внутреннее пространство городища совершенно ровное, по-видимому, от постоянных распахов. В момент обследования оно было засеяно ячменем, произвести раскопки и сбор подъемного материала на нем не было возможности. Толщина культурных наслоений, судя по соотношениям поверхности внутри стен и окружающей местности, не превышает 0,35—0,4 м. Местонахождение в горном ущелье, сходство в планировке и незначительный культурный слой дают основание датировать эти руины, как и турткуль у с. Советского, X—XII вв.

Новороссийское городище (рис. 70) находится в глубине долины р. Чон-Кемин, в 25 км вверх по течению от места впадения ее в р. Чу, в 1 км к западу от с. Новороссийска. Дорога к нему идет в узком ущелье по левому берегу р. Чон-Кемин, расширяющемуся в районе развалин до 2—4 км.

Значительные по площади развалины вытянуты вдоль правой высокой

надпойменной террасы Чон-Кемина и поэтому имеют неправильную ориентировку, представляя в плане несколько перекошенный прямоугольник, вытянутый с севера на юг на 490 м и с запада на восток — 860 м. Городище пересечено широким логом (идушим с северо-востока на юго-запад, проходящим через северную и западную стены), по которому протекает ручей. По своей структуре оно отличается от городищ Чуйской долины, на нем нет центрального высокого холма, хорошо виден только четырехугольник оплывших стен высотой до 2,5 м и шириной по основанию 18—20 м; в стенах регулярно через 70—80 м повторяются холмы башен, выступающие только наружу до 8—10 м за линию стен. Над гребнем стен они возвыша-

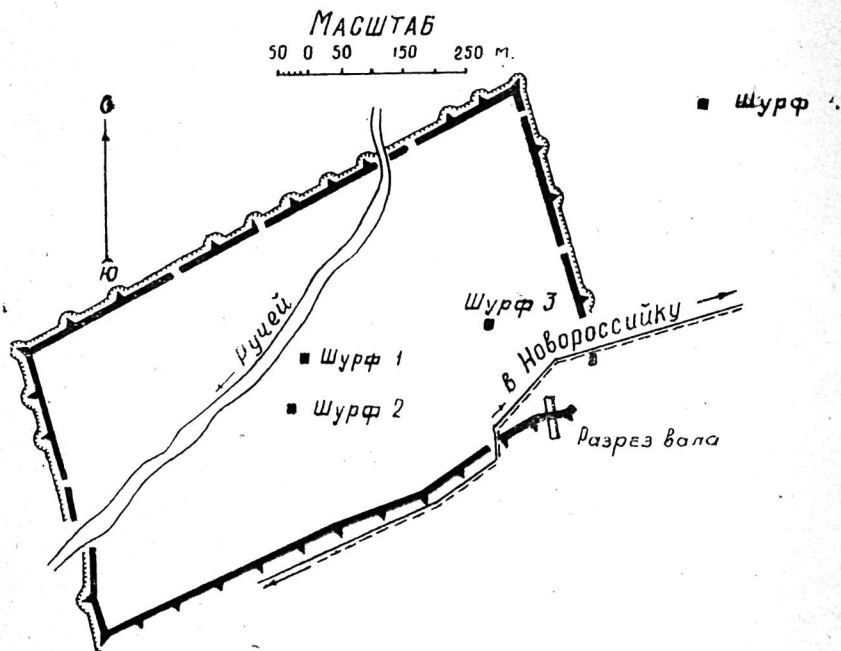

Рис. 70. Схематический план Новороссийского городища.

ются до 0,8—1 м; в северной и южной стенах, кроме угловых, видно соответственно 11 и 12 башен, а в западной и восточной, хуже сохранившихся, — осталось только по три башни, а было не менее 5—6.

С внешней стороны валов очень ясно виден ров (шириной до 8 м, глубиной до 2 м). Ров, обходя выступы башен, в плане имеет вид извилистой линии. Внутреннее пространство в настоящее время слабо всхолмлено и давно распахивается. Поверхность очень мало возвышается над окружающей развалины местностью, только в центральной части видно несколько холмов, расположенных цепочкой с севера на юг, да у восточной стены есть еще несколько невысоких холмиков.

Тщательный осмотр распаханной и прорезанной сетью арыков западной части внутреннего пространства почти не дал подъемного материала и не создал впечатления наличия здесь более или менее значительного

культурного слоя. У западной стены (в десяти метрах от нее) вырыта силосная яма (2,5×22 м и глубиной до 2,5 м). При самом внимательном осмотре в ее срезах не оказалось никаких признаков культурных наслоений. Следует отметить, что за пределами стен (к западу, востоку и северу) расположены небольшие холмики, на которых в обнажениях встречались фрагменты керамики, обожженного кирпича и др. материалы, свидетельствующие о застройке этих мест.

Занятость посевами внутреннего пространства, а также отсутствие более или менее ясно выраженных остатков построек обусловило расположение разведочных раскопов.

Раскоп № 1 размером 4×2 м заложен на одном из холмов упомянутой выше цепочки. Он прорезал земляную насыпь с редкими камнями без следов культурных наслоений. Но в насыпи оказалась овальная яма (2,25×1,5 м) глубиной 1,8 м с мягкой засыпкой, в которой найдены лепная и станковая (в том числе и поливная) керамика и обломки стеклянной посуды. Найдены: тонкостенная чаша с зеленой поливой внутри, боковина тонкостенного сосуда с двусторонней зеленой поливой, неполивные горшкообразные сосуды с широким устьем, боковинки грубых лепных сосудов и куски больших стеклянных сосудов из зеленого и бесцветного стекла. Встречены и обломки обожженного кирпича.

По всей вероятности, раскопом вскрыта часть курганной насыпи, в которой в XI—XII вв. была вырыта яма. Наличие нетронутых курганных насыпей внутри городища в XI—XII вв. говорит о том, что здесь не было интенсивной строительной деятельности и плотной застройки территории.

Раскоп № 2 площадью 4×2 м разбит на плоском незначительно возвышающемся участке между двумя курганами цепочки, в 100 м к югу от раскопа № 1, с целью определения толщи культурного слоя на городище. Этот участок (за исключением курганов) наиболее возвышенный на всем внутреннем пространстве городища. Раскоп прорезал остатки постройки в центре так, что не задел стен и других строительных остатков. Нижняя граница культурного слоя хорошо прослеживается по основанию вскрытого тандыра, стоящего на каменной круговой вымостке на глубине 1,1 м. Ниже этой отметки культурный слой и находки на всей площади раскопа прекращаются и только в мусорной яме, выходящей в раскоп одной своей частью из-под западного обреза, в засыпи, прослеженной до 1,9 м, изредка попадались находки.

Из находок по всей толще культурного слоя наиболее характерны несколько фрагментов сосудов из прозрачного и зеленоватого стекла, узкогорлые кувшины с коленчатой вертикальной ручкой, боковины станковых сосудов с гребенчатым орнаментом, горшкообразные сосуды с широким устьем, фрагменты железных изделий.

Раскоп № 3 был заложен в юго-восточном углу городища так же, как и раскоп № 1, на плоском незначительно возвышающемся участке. Им прорезан слабый культурный слой почти без находок. До глубины 0,65 м попадались мелкие невыразительные фрагменты керамики, куски обожженных кирпичей, а ниже залегал материк. В северо-западном углу раскопа обнажилась кладка из обожженных кирпичей. После расчистки установлено, что кладкой (вышиной в 6 кирпичей и толщиной в один кирпич) была замурована подбойная могила с костяком хорошей сохранности без инвентаря.

Раскоп № 4 был заложен за пределами стен городища (к востоку), на одном из невысоких всхолмлений неопределенной формы. Размер раскопа 1,5×3 м. Вскрыты несомненные остатки постройки из сырцовых клад-

ки со штукатуркой, фрагментами керамики (в том числе с белой поливой) и кусками фигурного сосуда из стекла. Постройку по этим материалам можно датировать X—XII вв.

Таким образом, и на городище, из за его пределами зафиксирован слабый культурный слой с предметами, относящимися к XI—XII вв. Говорить о существовании жизни на этом городище в более раннее время нет оснований и, очевидно, его следует считать сооружением военно-оборонительного характера, в котором не было значительного количества ремесленного и оседло-земледельческого населения. Находки внутри стен «парадной» посуды (поливной и стеклянной) подсказывают, что здесь было, видимо, временное местопребывание владетельного лица, может быть это была укрепленная летняя резиденция одного из караханидских владетелей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенные выше сведения по оседлым поселениям Чуйской долины дают возможность сделать ряд выводов.

Природные условия долины, благоприятные для земледелия (плодородные почвы, жаркий климат, большое количество водных источников), способствовали возникновению и развитию земледелия и связанных с ним оседлых поселений еще в глубокой древности.

Характер и объем наших работ не позволили пока выявить полностью процесс развития и превращения части их в средние века в развитые оседло-земледельческие и торгово-ремесленные поселения. Вместе с тем, имеющиеся в настоящее время данные позволяют говорить, что возникновение ряда их можно отнести к очень раннему времени.

Наиболее ранние археологические свидетельства о наличии земледельческих поселений относятся к усуньскому времени (III в. до н. э.—I в. н. э.). В 1930 г. во время раскопок М. В. Воеводского близ с. Ленинского было обнаружено селище с культурным слоем, насыщенным обломками от глиняной посуды, подобной посуде из усуньских курганов. В слое найдены также пряслица, различных размеров грузила, кости животных¹. При раскопках усуньских курганов также обнаружены признаки занятия земледелием.² Об отличии хозяйств обитателей селищ и погребенных в курганах можно будет судить только после более детального изучения обеих категорий памятников.

Следует отметить, что на раннесредневековых городищах в нескольких случаях в нижних слоях отмечены вещи усуньского времени. Их нахождение А. Н. Бернштамом объясняется тем, что поздние поселения перекрывали усуньские могильники.³ Но вполне допустимо, что они возникли не на месте могильников, а развились из селищ типа, обнаруженного близ с. Ленинского.

Для первых веков нашей эры известен пока единственный памятник оседло-земледельческой культуры—сельское поселение близ с. Луговое. Раскопки показали, что продукты скотоводства составляли еще основу питания его обитателей, но жители занимались и земледелием. Это подтверж-

¹ А. И. Тереножкин. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. ПИДО № 5—6, стр. 142. Его же. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии, ВДИ, № 1 (2), 1938, стр. 210.

² М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР, ВДИ, № 3/4, 1938, стр. 178.

³ МИА, № 14, стр. 102.

дается находками зерен проса и значительного количества ручных зерно-терок. На поселении выявлены сильно разрушенные жилища полуоседлого типа с глинобитными стенами и перекрытиями из дерева. Из вещевого материала найдены поделки из кости и небольшое количество фрагментов лепных глиняных сосудов, сделанных на матерчатом шаблоне. А. Н. Бернштам датирует это селище II—IV вв. н. э.¹

Таким образом, уже в начале I тыс. н. э. местное население занималось земледелием. Создаваемые им поселения носят полуоседлый характер; их культурные наслоения содержат малочисленный невыразительный материал, еще не поддающийся классификации.

В дальнейшем процесс развития оседло-земледельческих поселений был ускорен новым явлением — переселением в Семиречье жителей Шаша и Согда. Сведения о наличии в Чуйской долине согдийцев содержатся в письменных источниках.

Уже Сюань-Цзянь говорит, что от Суяба до Ге-шуан-на страна носит название Су-ли и жители имеют одну письменность, язык и одинаковую одежду². А для XI в. мы имеем совершенно определенные данные о наличии в поселениях Чуйской долины согдийцев. Махмуд Кашгарский пишет: «Сугдак — группа людей, которая поселилась в Баласагуне. Они из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они приняли обличье тюрков и их обычаи».³ Несомненность участия согдийцев в жизни поселений Чуйской долины при наличии таких сведений не нуждается в особых доказательствах.

Вопросами, связанными с согдийской колонизацией Семиречья, занимались В. В. Бартольд и А. Н. Бернштам. Если В. В. Бартольд разбирает эти вопросы только на основании данных письменных источников,⁴ то А. Н. Бернштам, привлекая археологические материалы, касается конкретных вопросов о начале колонизации в Семиречье, ее этапах и роли согдийцев в жизни этой области. Автором подчеркивается, что они принесли сюда земледелие и ремесла, и в дальнейшем большинство чуйских поселений развивалось на базе колоний согдийцев.⁵

Раскопки поселений Чуйской долины, проведенные в последние годы, дали вещественные материалы, имеющие прямые аналогии в коллекциях, собранных в Согде и Шаше. Это подтверждает переселение сюда значительных групп людей из Согда и Шаша уже в VI—VIII вв. Однако наши стратиграфические раскопки дают материал, позволяющий считать, что процесс возникновения и развития здесь оседло-земледельческих поселений в значительной мере связан с переходом части кочевников-скотоводов к оседлому образу жизни. Процесс этот, как известно, обуславливается классовой дифференциацией в кочевых обществах на базе развития феодальных отношений. Беднейшие слои кочевников, лишенные скота в результате классовой эксплуатации, переходили в оседлые поселения, пополняя ряды земледельцев и ремесленников.

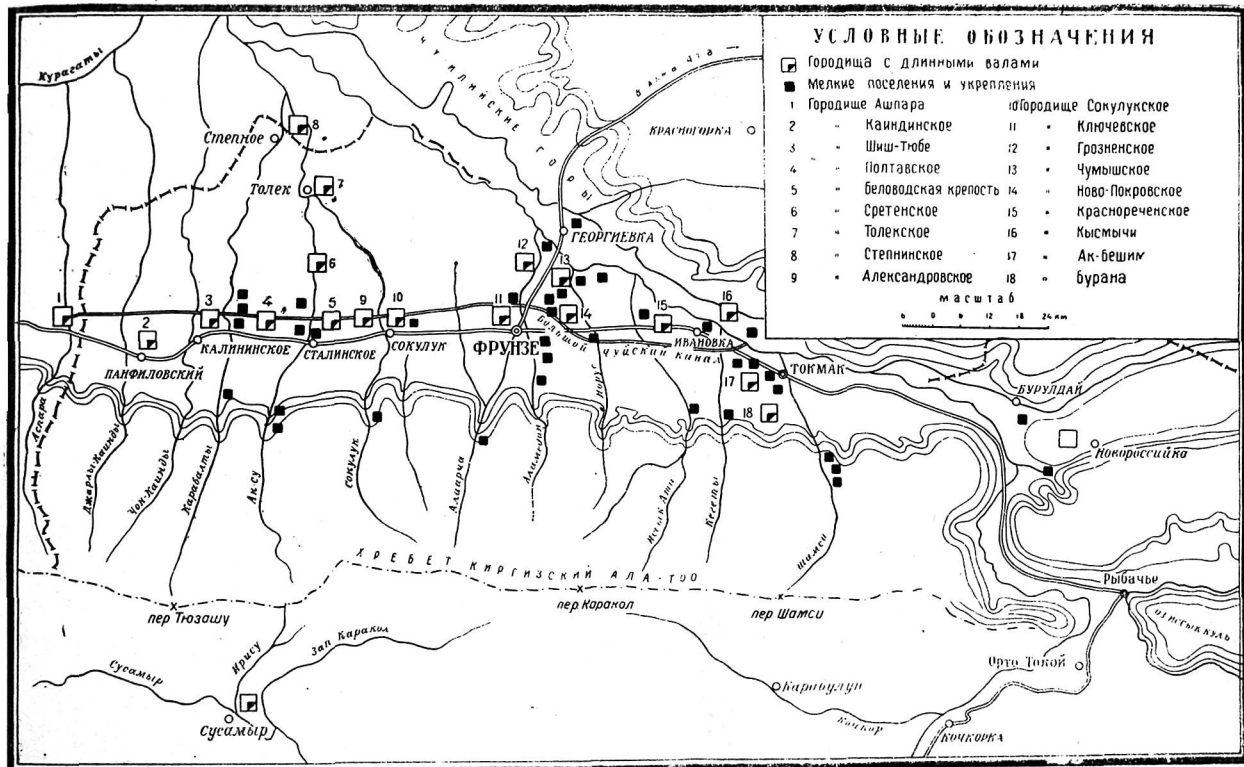
¹ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины, стр. 13—14; МИА. № 14, стр. 71—72.

² В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, стр. 3. Его же. Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 17.

³ С. А. Волин. Сведения арабских, персидских и тюркских источников..., стр. 25.

⁴ В. В. Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тохарском. Сб. «Иран», т. 1, Л., 1926, стр. 32—41.

⁵ А. Н. Бернштам. Согдийская колонизация Семиречья. КСИИМК, вып. 6, М.—Л., 1940, стр. 34—43. Его же. Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941, стр. 18—20. Его же. Археологический очерк..., стр. 55 и сл. Ср. МИА, № 14, стр. 72—76.

Археологическая карта
раннесредневековых поселений Чуйской долины VI—XII вв.

Письменные источники свидетельствуют о том, что среди карлуков, кроме кочевников и охотников, были и земледельцы.¹ Участие в жизни изучаемых поселений местных насельников из числа тюркоязычных племен, обладавших здесь политической властью (тюркшей, карлуков и др.), устанавливается также по вещевому материалу, полученному из раскопок, и по названиям поселений, известных в письменных источниках. В керамическом материале из некоторых городищ довольно четко заметно сходство с мавераннахрской посудой, в материалах же других городищ, наоборот, мы встречаемся с преобладанием местных форм и техники. Из названий поселений с тюркскими корнями можно привести: Сарыг, Джуль, Харран-Джуван, Баласагун и др.²

В этой связи нельзя не привести также наблюдение С. В. Киселева, основанное на летописных свидетельствах о широком развитии земледелия и об оседлой жизни у части племен, входивших в тюркский каганат.³ Наконец, при оценке исторического процесса необходимо помнить высказывание К. Маркса относительно прошлого Азии: «У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части».⁴

Начиная с V—VI вв., археологи встречаются в Чуйской долине с памятниками развитой оседлой жизни. Так, раскопками Семиреченской экспедиции на Краснореченском городище вскрыто сооружение замкового типа, которое, к сожалению, почти не дало остатков материальной культуры, синхронных зданию и датируется, по архитектурным данным V—VII вв.⁵

В 1954 г. на городище Ак-Бешим, также за пределами центральных развалин, были вскрыты остатки замка VI—VII вв.⁶ От замка сохранился только высокий паховый стилобат, но в завалах были обнаружены фигурные обожженные кирпичи, аналогичные найденным М. Е. Массоном на шахристане средневекового Тараза⁷ и А. И. Тереножкиным в замке Ак-Тепе близ Ташкента, построенном не позднее V в.⁸ круглые, с крестовидным углублением, зубчатые в пять уступов и в форме перевернутой буквы «у».

В дальнейшем в культурных напластованиях городищ, возникших в VI—VII вв., наблюдается преемственность вплоть до XII в.

В предыдущих главах были приведены многочисленные наблюдения над топографической структурой, оборонительными сооружениями и другими элементами сохранившихся городищ, свидетельствующие о том, что раннесредневековые поселения в Чуйской долине по сравнению с поселениями этого времени других районов Средней Азии, имели ярко выраженные особенности.

В этом плане наиболее важное значение имеет открытие вокруг основ-

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 24.

² МИА, № 14, стр. 24, 80. А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 85.

³ С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, № 2, 1957, стр. 93.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. т. XXI, М.—Л., 1929, стр. 488.

⁵ МИА, № 14, стр. 30—36.

⁶ Л. Р. Кызласов. Остатки замка VI—VII вв. на городище Ак-Бешим. СА, 1958, № 3, стр. 152—161. Его же. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, М.—Л., 1957, стр. 94.

⁷ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 109—110.

⁸ А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 130. Его же. Согд и Чач. КСИИМК XXXII, стр. 162, а также рис. 69, XXI, 18, 19, 20, и рис. 71—9.

ных поселений долины одного или нескольких длинных валов, а также застройки территории внутри первого кольца длинных стен.

Длинные стены вокруг поселений в единичных случаях были зарегистрированы еще в 1867 г. Н. П. Остроумовым вокруг городища Сайрам¹ близ Чимкента, а в 1893 г. В. В. Бартольд у городищ Садыр-Курган и др. в Таласской долине². О длинных валах в Чуйской долине В. В. Бартольд упоминает, со слов С. Дудина, при описании городищ у с. Лугового и у с. Мерке³. У него же есть указание на большие размеры Толекского городища, правда, о стене, окружающей поселение, упоминаний нет⁴. Оба они объяснения длинным стенам не дают.

В 1920-х гг. П. П. Иванов вновь обследовал два кольца валов у городища Сайрам⁵ и у городищ Садыр-Курган и Ак-Тюбе в Таласской долине⁶, а также длинные валы у ключевского городища в Чуйской долине⁷.

П. П. Иванов допускает отождествление внешней стены Сайрама со стеной, построенной, согласно письменным источникам, в первой половине IX в. вокруг культурно-земледельческого района того времени, но функции внутреннего кольца им не объясняются.

Большой интерес для уяснения назначения длинных валов Чуйских и Таласских городищ представляют данные М. Е. Массона, полученные при обследовании старого Сайрама, ценность которых в том, что они увязаны с известиями письменных источников, совершенно точно определяющих функции одной из стен вокруг Сайрама, построенной в IX в., вокруг виноградников и пашен жителей для защиты культурной полосы от кочевников⁸. Протяженность стены определяется М. Е. Массоном приблизительно в 42 км⁹. Вторая стена ограничивала рабад, протяжение которого с запада на восток было более 5 км, а с севера на юг — не менее 4 км¹⁰.

Длинные валы зарегистрированы в Чуйской долине и Семиреченской археологической экспедицией. В одних случаях (у городищ Шиш-Тюбе и Ак-Бешим) они выявлены отдельными отрезками и определение их функции двоякое: ирригационные сооружения, служившие для удержания весенних паводковых вод и направления их в сторону города, или стены, отделявшие пригородные сельские поселения вокруг Шиш-Тюбе от других сельских поселений¹¹.

В других случаях (у городищ Кысмычи, Ашпара и Садыр-Курган на Таласе) зафиксированы стены, замыкающиеся в кольцо вокруг поселений,

¹ Н. Лыкошин. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии. Отд. отт. из журнала «Среднеазиатский вестник», июль и сентябрь 1896 г., Ташкент, стр. 47.

² В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Среднюю Азию. ЗВОРАО, т. VIII, 1893/94, СПб, 1894, стр. 339.

³ Его же. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью..., стр. 21.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ П. П. Иванов. Сайрам. Историко-археологический очерк. Сб. Туркестанского Восточного Института в честь А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 46—56. Его же. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 151—164.

⁶ Его же. «К вопросу о древностях в верховьях Таласа». Сб. «С. Ф. Ольденбургу». М., 1934, стр. 242—243.

⁷ Его же. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Труды Института истории АН Киргизской ССР, вып. III, Фрунзе, 1957, стр. 102—106.

⁸ М. Е. Массон. Старый Сайрам. Изв. Среднеазиатского музея, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 38.

⁹ Там же, стр. 41.

¹⁰ Там же, стр. 37.

¹¹ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое..., стр. 25; МИА, № 14, стр. 99.

они считаются оборонительными сооружениями городов, но возведение их относится к XIV в., ко времени правления Тимура, восстановившего, по мнению А. Н. Бернштама, в качестве крепостей для своих военных целей на территории Киргизии ряд городов, разрушенных монголами¹. Восстановленные города являлись укрепленными лагерями, служившими для содержания военных отрядов с лошадьми².

В других работах характерным признаком городищ, существовавших в более раннее время, считается прямоугольный или квадратный план, ориентированный либо сторонами, либо углами по странам света³.

Против приведенного мнения о плане домонгольских городищ, такой датировки и определения назначения длинных стен говорит ряд обстоятельств:

1) такие стены имеют городища, существование жизни на которых в XIV в. совершенно исключено;

2) Наличие застройки VIII—XII вв. внутри длинных стен в городищах Чуйской долины, подтвержденное наличием холмов, подъемного материала, проведенными раскопками и строительными разрезами;

3) свидетельства письменных источников IX—X вв. о стенах вокруг поселений Чуйской долины (Макдиси о Харран-Джуване) и особенно прямое свидетельство о строительстве стены вокруг Исфиджаба в середине IX в.

Материалы топографии Сайрама-Исфиджаба почти идентичны с топографией некоторых городищ Чуйской долины. И там и здесь мы имеем по два кольца длинных стен, но, допуская идентичность функций длинных стен Чуйских городищ и городища Сайрама, мы не можем не обратить внимания на одно очень важное обстоятельство, отличающее их от последнего. Исфиджаб был крупным городом, центром большого административного округа и конечным пунктом мавераннахрских владений перед владениями семиреченских кочевников-тюрков, в нем рабад достигал площади около 15 км². Для Исфиджаба эта цифра хотя и велика, но допустима, в связи с вышеперечисленными особенностями.

В Чуйской долине очень многие городища имеют застроенную площадь, приближающуюся по величине к рабаду Исфиджаба. Трудно допустить, что все 18 городищ, расположенных в среднем на расстоянии 10—14 км (а иногда всего в 3 км) друг от друга, были бы городскими центрами со столь большими рабадами. Они занимают лучшие территории, пригодные для земледелия. Обследование всех других памятников говорит как будто за то, что нет достаточных данных допускать наличие необходимой сельскохозяйственной округи для такого количества и таких размеров городов. С другой стороны, мы имеем убедительные доказательства сплошной застройки пространства, окруженного первым (внутренним) кольцом валов уже на ранних этапах их жизни. Это говорит против возможности существования на этой площади отдельных групп поселений, а, следовательно, и отождествления длинных стен со стенами целых земледельческих районов типа рустикав.

Возникают вопросы: 1) какой же характер имели поселения с длинными стенами? 2) Как объяснить наличие в них наряду с городским ти-

¹ А. Н. Бернштам. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942, стр. 18. Его же. Археологический очерк... стр. 84 и 109.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 84. Его же. Основные этапы..., стр. 375; МИА, № 14, стр. 147; МИА, № 26 стр. 97—116.

пом застройки — улицами и кварталами — застройки усадебного типа, где рядовые усадьбы достигали размеров 0,8 га?

Для ответа на эти вопросы необходимо привлечь известия письменных источников и накопившиеся в советской востоковедческой литературе данные о структуре и внутреннем строе среднеазиатских и переднеазиатских средневековых городов, а также сравнительный материал о развитии городов древней Руси и Западной Европы.

А. Ю. Якубовский, используя сведения письменных источников, большой археологический и топографический материал с сохранившихся развалин поселений, накопленный дореволюционными исследователями и работами советских археологов и востоковедов, предложил следующую схему сложения средневековых феодальных городов Средней Азии.

От позднеантичного города (IV—V вв. н. э.), состоящего из трех элементов: замка царя, храма огня и 10 домов-массивов, к дофеодальному городу, состоявшему из тех же трех элементов, претерпевших дальнейшие изменения: замка владельца, целой группы храмов, вместо одного, и отдельных домов-усадб, заменивших общинные дома-кварталы, далее к феодальному городу. Последний резко отличается от двух предыдущих. Крепости разрушаются (старая крепость), а если и сохраняются, то не как жилище владельца, а как арсеналы или казнохранилища, шахристаны отмирают или нивелируются с другими частями города, а центр экономической и политической жизни переходит в рабад, новую часть города, возникающую в условиях становления феодальных отношений¹.

Точка зрения А. Ю. Якубовского вызвала критические отзывы исследователей, занимавшихся изучением средневековых городов в других областях Средней Азии.

С. П. Толстов считает, что эта концепция может быть отнесена в полном своем объеме лишь к некоторым городам Средней Азии. Сам же он на материалах Хорезма намечает несколько других линий развития, гораздо более характерных для этой области. А именно: города, возникшие в VIII—IX вв., развиваются как посады или укрепленные рабады у подножья замка (Беркут-кала и др.), города же, возникшие в X в. и позднее (Гульдурсун, Кават-кала и др.), не связаны с замком и состоят из одного шахристана, они имеют относительно регулярную планировку и производят впечатление построенных сразу по определенному плану. Вокруг шахристана иногда расположены неукрепленные, реже укрепленные предместья. Никаких признаков упадка шахристанов и переноса их функций на рабады в Хорезме не улавливается².

М. Е. Массон на материалах Самарканда доказывает, что его топография не укладывается в условную схему, вошедшую в научный обиход со времени В. В. Бартольда. В действительности эта схема для всего фео-

¹ А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Л., 1933, стр. 4—27. Его же. Городище Миндахкан. Записки Коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 555—556. Его же. Развалины Ургенча. ИГАИМК, т. VI, вып. 2, Л., 1930, стр. 9—10. Его же. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. Труды Таджикского филиала АН СССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 3—16. История народов Узбекистана, т. 1, Ташкент, 1950, стр. 204—212 и 237—245.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 351—352. Его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 240—241.

дальнего периода не приложима ни к одному из крупных городов Средней Азии¹.

В Южном Туркменистане массовое обследование средневековых городищ также показывает, что схема с трехчастным делением средневековых городов не является универсальной².

Для Южного Казахстана намечается иная градостроительная традиция, чем в Средней Азии. Там не было деления городской территории на шахристан и рабад, развитие шло по пути простого разрастания древних кишлаков или укрепленных резиденций феодалов³.

Мы привели основные точки зрения на развитие средневековых городов в Средней Азии и Казахстане. Их авторы материалами Чуйской долины не пользовались. А. Ю. Якубовский даже специально подчеркивал, что его концепция построена на материалах Мавераннахра и относится только к его территории. За пределами его он допускал иное развитие городов⁴.

О развитии средневековых городов Чуйской долины, до А. Н. Бернштама никто не высказывал своего мнения. А. Н. Бернштам при общей характеристике развития поселений неоднократно подчеркивал полную аналогию в сложении городов Чуйской и Таласской долин со схемой развития городов, предложенной А. Ю. Якубовским и конструктивное их сходство с городищами Мавераннахра (цитадель, шахристан, рабад)⁵. Но в периодизации развития городов он намечает несколько иные даты. По А. Ю. Якубовскому, шахристаны существовали VI—IX вв., а полная их перестройка в феодальные города происходит в течение двух столетий (с конца VIII до конца X вв.). А. Н. Бернштам в одной из своих работ указывает на существование цитадели, шахристана и рабада еще в досаманидскую эпоху⁶, в других же—считает, что шахристаны появились за счет перехода в них жителей отдельных замков (запустение которых относится ко времени не ранее VII в.).⁷ В IX—X вв. жизнь городов еще сосредоточивалась в шахристанах. И только с XI в. начинают формироваться типично-феодальные города, в которых появляются торгово-ремесленные предместья—рабады⁸. В отличие от концепции Якубовского, полагающей отмирание шахристанов, А. Н. Бернштам подчеркивает, что с развитием рабадов стены шахристанов сохраняют свое боевое значение⁹.

Для других областей А. Н. Бернштамом намечается иная линия развития городов. Безцитадельные городища долины р. Или и Центрального Тянь-Шаня он считает возникшими на базе кочевнических ставок, не ранее IX—X вв.¹⁰.

При описании обследованных развалин в ряде работ, основанных на материалах Семиреченской экспедиции, неоднократно упоминаются все три части города. Но если две первые части (цитадель и шахристан) все-

¹ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950. № 4, стр. 166.

² Его же. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. Известия АН Туркменской ССР, 1951, № 1, стр. 95.

³ История Казахской ССР, том I, Алма-Ата, 1957, стр. 89.

⁴ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии..., стр. 9. 16.

⁵ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата 1941, стр. 39. Его же. Археологический очерк..., стр. 93. Его же. Историко-культурное прошлое..., стр. 22.

⁶ Его же. Памятники старины Таласской долины..., стр. 39.

⁷ Его же. Археологический очерк..., стр. 73; МИА, № 14, стр. 20.

⁸ Его же. Историко-культурное прошлое..., стр. 22. Его же. Основные этапы..., стр. 376.

⁹ Его же. Основные этапы..., стр. 376.

¹⁰ Там же, стр. 375; Его же. Археологический очерк..., стр. 93.

гда четко определены и в описаниях и на опубликованных планах развалин, то третий элемент—рабад—ни для одного городища не определен в более или менее точных границах ни в тексте, ни на планах.

При характеристике некоторых наиболее крупных городищ рабад в числе составных частей отсутствует. Так, например, в описании городища Ак-Бешим, отождествляемого с двукратной столицей Средней Азии—Баласагуном, упоминается три основных комплекса: основное укрепленное городище с цитаделью, часть городища с мелкими буграми построек, окруженная дополнительной стеной, и группа холмов, представляющих развалины отдельных замков.¹ Как видим, здесь ни одна часть развалин не отождествляется с рабадом. Первая часть называется древнейшей и основной частью города, возникновение второй относится только ко времени господства кара-китаев (XII—XIII вв.)². Третий комплекс также не является рабадом.

В городище Шинш-Тюбе, одном из крупнейших по размерам, называются только цитадель и шахристан,³ а расположенные непосредственно с запада мелкие холмы считаются развалинами сельских поселений.⁴ Рабад не выделяется и на плане.

Отсутствуют какие-либо данные о наличии рабада в городищах Ашпара, Ключевское, Сретенское.

При описании отдельных городищ, в разных контекстах говорится о рабадах. Наиболее многочисленны упоминания о рабаде Краснореченского городища, отождествляемого с Сарыгом. Рассмотрим их. В одних случаях без каких-либо конкретных данных говорится о развитии рабада⁵. В другом месте указывается приблизительное протяжение рабада в одну сторону—на юг от шахристана и до шоссе Фрунзе—Токмак—около 1 км.⁶ Есть указание на то, что территория, по которой прошла трасса Большого Чуйского канала, являлась предместьем Сарыга и о том, что граница города проходила юго-западнее с. Ивановки⁷. Два последних указания отодвигают южную и юго-восточную границу рабада значительно далее; около 2 км от шахристана.

Таким образом, определения границ наиболее изученного городища разноречивы и в каждом отдельном случае не дают полного представления о размерах той части города, которая являлась средоточием жизни в XI—XII вв.

В характеристиках Сокулукского⁸ и Александровского⁹ городищ рабад упоминается без каких-либо подробностей.

Такова в общих чертах точка зрения А. Н. Бернштама на развитие городов Чуйской долины и археолого-топографический материал, на котором она основана.

В литературе еще имеет место ничем не обоснованное деление центральных развалин некоторых Чуйских городищ на шахристан и рабад¹⁰.

¹ МИА, № 14, стр. 10.

² Там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 24.

⁴ Там же, стр. 99.

⁵ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 74, ср. МИА, № 14, стр. 20, 30.

⁶ МИА, № 14, стр. 43.

⁷ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое..., стр. 23.

⁸ Там же, стр. 93.

⁹ МИА, № 14, стр. 139.

¹⁰ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 55, 59 и 73.

После раскопок 1953—1954 гг. Л. Р. Кызласов высказал свое суждение о структуре городища Ак-Бешим. Он называет основную часть городища шахристаном с цитаделью, восточную часть с самостоятельной стеной — остатками малозастроенного рабада, в котором не было сплошных кварталов, обычных в феодальных рабадах и сплошного культурного слоя, а находились лишь разбросанные кое-где отдельные здания, т. е. понимает термин «рабад» как укрепленный пригород.

Территорию, огражденную длинным валом, Л. Р. Кызласов называет городской округой, на которой, по его мнению, располагались остатки земледельческих усадеб, укрепленных башен, храмов и сырцовых погребальных сооружений — кладбищ города¹.

Собранные нами данные по топографии развалин показывают, что раннесредневековые поселения Чуйской долины конструктивно значительно отличаются от наиболее полно изученных — мавераннахрских.

Во-первых, в Мавераннахре мы не знаем наличия вокруг городов или сельских поселений нескольких длинных стен, подобных стенам вокруг чуйских городищ. Длинные стены такие, как стена Согда², достигавшая 120 км, Мерва³, Бухары⁴, Шаша⁵, Мерзы Туркмении⁶ — ограждали большие земледельческие районы, в состав которых входили несколько городов и целые серии сельских поселений.

Большие размеры стен вокруг отдельных городов, например, 10-километровая стена Самарканда и вал Гилякин-Чильбурдж вокруг Мерва объясняются большими размерами этих столичных городов. Вокруг Самарканда нет стены округи города, подобной стенам чуйских городищ. О 40-километровой стене, построенной еще в первых веках до н. э., есть прямые указания, что она окружала рустика Самарканда⁷. Вал Гилякин-Чильбурдж вокруг Мерва, охватывающий территорию около 40 км², возник в кушано-парфянское время как стена округи. Эту функцию он выполнял и в III—VI вв. н. э. В более позднее время он не имел оборонительного значения⁸.

Следовательно, в Мавераннахре мы имеем длинные стены вокруг обширных районов, а в Семиречье каждое поселение имеет их, и притом, часто не одно кольцо. Разрезы первых, окружающих заостренную часть поселе-

¹ Л. Р. Кызласов. Работа Чуйского археологического отряда..., стр. 78—90.

² М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 157, 161 и 162. В. Л. Вяткин. Материалы к исторической географии Самаркандского вайляета. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VII, Самарканд, 1902, стр. 21. Его же. Кандия Малая. Справочная книжка Самаркандской области, вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 287.

³ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники под ред. С. А. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1939, стр. 173. В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва. СПб., 1894, стр. 4. С. А. Вязигин. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 260—275.

⁴ Л. А. Зимин. Отчет о поездках по Бухаре с археологической целью. ПТКЛА, год 20, вып. II, Ташкент, 1916, стр. 129—146. В. А. Шишкин. Археологические памятники Бухары, Ташкент, 1936, стр. 9—10. А. Ю. Якубовский. Археологическая экспедиция в Зеравшанскую долину в 1934 г. ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 113—127 и 144—147.

⁵ Е. Т. Смирнов. Древности в окрестностях Ташкента. ПТКЛА, год I. Приложение к протоколу от 26 февраля 1896. Ташкент, 1896, стр. 22—23. Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе Узбекской ССР в 1934 г., Ташкент, 1935, стр. 48. В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950, стр. 58, рис. 140.

⁶ М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ). 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 43—46.

⁷ Его же. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 159, 163.

⁸ З. А. Алямова. Полевые отчеты VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада городища Старого Мерва в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 405—407.

ний, валов показали, что они являются остатками оплывших глинобитных стен значительных размеров. Так, в Степнинском городище первое кольцо стены имело ширину 4,4 м, высоту по реконструкции 4,5—5 м. В Толекском и Бурачинском городищах стены имели ширину 3 м, высоту по реконструкции 4—5 м. Плохая сохранность валов, образующих вторые и последующие кольца, не позволяет определенно говорить о их функциях. Некоторые из них, вероятно, были насыпными, выполнявшими не оборонительную роль, а роль «административно-полицейской» границы.

Это отличие приводит к выводу об ином принципе расселения оседлого населения в Семиречье. В городищах Чуйской долины мы, кроме того, сталкиваемся с иным делением на части и иными хронологическими рамками жизни на них. Одна группа наших городищ имеет центральные части, аналогичные мавераннахским (имеются в виду центральные развалины, которые вполне можно называть шахристаном с цитаделью). Площадь же, окруженная длинной стеной, не может быть названа торгово-ремесленным предместьем в том значении, какое эта часть города имеет по мавераннахским, данным из-за своих больших размеров и наличия в ряде случаев усадебного типа застроек на ее окраинах, а также и по времени застройки этой территории. Рабады в Мавераннахе стали возникать с конца VIII в.¹, в Чуйской же долине, на территориях, окруженных первыми кольцами длинных стен (в городищах Краснореченском, Ак-Бешим и др.), раскопками зафиксированы сооружения и слои VI—VII вв.² а уже с VIII в. в Краснореченском городище эта территория была густо населена³. Письменные источники начала VII в. еще не знают для Семиречья больших городов. Так, например, Тараз того времени, выделявшийся своей экономической ролью, имел в окружности 4—4,5 км⁴. Все это, а также указание на постройку стены вокруг Исфиджаба, дает основание относить сооружение длинных стен, зарегистрированных вокруг чуйских поселений к VIII—IX вв.

Сложная система укреплений вокруг поселений объясняется социально-экономическим строем того времени. Города Семиречья и соседних с ним районов еще со времени Сюань-Цзяна⁵ были изолированными владениями, так как каждый город имел отдельного правителя, независимого от других, хотя все они подчинялись тогда тюркам. Китайские хроники для того же времени сообщают об острой междоусобной борьбе⁶.

В карлукский период феодальный строй еще более укрепился, вместе с этим усилились и те побудительные причины, которые вызывали создание столь сложных систем обороны. Определенную ясность в понимание раннесредневековых городов вносят данные В. Н. Пигулевской о том, что раннесредневековым городам Ирана выделялась окружающая их земля, чтобы населению было чем кормиться. Эта земля составляла с городом единый округ⁷.

Выше мы указывали ряд признаков, которые дают основание отрицать

¹ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы..., стр. 13.

² МИА, № 14, стр. 35—36, 39—42 и 80. Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг..., стр. 94.

³ МИА, № 14, стр. 89.

⁴ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы..., стр. 10.

⁵ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 17.

⁶ В. В. Бартольд. О христианстве в Туркестане в домонгольский период, стр. 7. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 314.

⁷ Н. В. Пигулевская. К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье. «Советское востоковедение», № 6, 1955, стр. 72.

наличие развитой сельскохозяйственной округи для каждого из этих поселений.

Названные обстоятельства приводят к мысли, что в этих огромных по площади и расположенных близко друг к другу поселениях жило население, в деятельности которого сочетались ремесленно-торговые и земельные занятия. Допустимо также, что в таких поселениях, кроме ремесленников и торговцев, жили и земледельцы.

Чрезвычайно характерны в этом отношении термины, применявшиеся авторами дорожников IX—X вв. к поселениям Чуйской долины. Из всех поселений, перечисляемых, например, Ибн-Хордадбеком и Кудамой, только одно называется городом, остальные именуются большими селениями¹.

Центральные развалины некоторых городищ настолько малы, что отождествить их с шахристаном невозможно. А территория, окруженная длинными валами, в них также обширна по площади и имеет планировку и укрепления, аналогичные городам с шахристанами.

Это различие в размерах центральных развалин, как показали стратиграфические раскопки, объясняется одновременным возникновением поселений. Городища с развитыми шахристанами (Краснореченское, Шиш-Тюбе, Ак-Бешим) дают материалы, начиная с VI—VII вв. Городища без развитых шахристанов возникли позднее. Степнинское, Полтавское, Грозненское, Буранинское и др. городища не имеют материалов ранее IX в. Возникновение и развитие этих поселений связано с быстрым ростом производительных сил, отмечаемым для IX—X вв. во всей Средней Азии. Как явствует из географического положения этих развалин, в долине осваивались все новые и новые территории: поселения выдвигались далеко в степь (Степнинское, Толекское, Грозненское), осваивались свободные площади между старыми поселениями (Полтавское, Бурана). Одновременность возникновения поселений подтверждается и письменными источниками. Мы знаем, что в списке поселений конца X в., приводимом Макдиси, по сравнению с более ранними списками ибн-Хордадбека и Кудамы (IX—X вв.) упоминается много новых названий².

Таким образом, очевидно, что из-за отсутствия различий в топографической структуре чуйских городищ мы не можем их четко разделить на поселения городского и сельского типов. Этому препятствуют многие общие черты, встречающиеся в каждом из них и в первую очередь, как уже подчеркивалось, огромные размеры, наличие в них смешанных планов застройки, окружение валами земельных угодий за пределами поселений и др.

Но все же и в этой большой серии поселений, столь схожих по своей общей планировке, по целому ряду данных (особенно стратиграфических раскопок) с X в., довольно ясно выделяются отдельные поселения (Шиш-Тюбе, Степнинское, Краснореченское, Ак-Бешим, Бурана и др.), игравшие роль крупных торговых и ремесленных, а возможно и административных центров. Это были, безусловно, городские поселения, с ярко выраженными чертами. Остальные поселения составляли хозяйственную округу этих центров, входя в их экономическую орбиту, а возможно были и в политической зависимости.

¹ Л. З. Писаревский. Извлечения из «Китаб ал-Масалик ва-л-Мамалик» Ибн-Хордадбека. Рукопись фонда Отделения общественных наук АН Кирг. ССР, инв. № 1820, стр. 7. Его же. Извлечения из «Китаб ал-Хорадж» Кудамы Ибн-Джафара. Там же, стр. 12—13.

² Л. З. Писаревский. Извлечения из «Асхан Ат-Таксим фи марифат ал-Акалим» Абу-Абдаллаха Мухамеда ибн-Абу-Бекра Ал-Мукалдаси (ал-Макдиси). Рукопись фонда Отделения общественных наук АН Киргизской ССР № 1820, стр. 30.

Мнение, что у жителей поселений Чуйской долины, сходных по своим планам, ремесленно-торговые занятия сочетались с земледельческими, а также, что здесь кроме торгово-ремесленного жило и земледельческое население, основано большей частью только на данных изучения топографической структуры поселений, их географического расположения, относительной плотности застройки в них и др. Окончательное решение этого вопроса будет возможно только после проведения крупных раскопочных работ на разных типах построек внутри первого длинного вала. Впрочем, для Ак-Бешима, где при раскопках зданий найдены: деревянный плуг, жернова от ручных и водяных мельниц, серпы, мотыжки и зерно—это может считаться установленным¹.

Для развития городов Средней Азии, и особенно Чуйской долины, огромное значение имело явление, глубочайший анализ которому дан К. Марксом: «...азиатская история—это своего рода нерасчлененное единство города и деревни...»².

Действительно исторические данные свидетельствуют, с одной стороны, о значительной роли аграрных занятий в городах Средней и Передней Азии и даже в городах, игравших роль крупных политических и торгово-ремесленных центров, и с другой стороны, о наличии у сельского населения не только земледельческих занятий.

Б. Н. Заходер, например, при описании городов Хорасана указывает: «...само понятие «город» и противостоящее ему в средневековой европейской лексике «деревня», по-видимому, в значительной мере были чужды средневековому мусульманскому мышлению. Подтверждением сказанного является отсутствие резко выраженной концентрации ремесла в городском центре: города мусульманского средневекового Востока имеют полуаграрный характер, селения, как правило, занимаются тем или иным видом ремесленного производства»³. Характеризуя крупный торгово-ремесленный центр—Нишапур, называемый источниками X—XI вв. «наибольшим городом», тот же автор пишет: «...явное преобладание ремесленно-торговой жизни не мешало Нишапуру сохранять его аграрный характер. Истахри сообщает, что каналы, имея выход за городскими стенами, орошали земли горожан»⁴. Далее он считает, что критерием «...для разграничения различных названий поселенных мест (города и деревни—П. К.) были религиозно-административные представления, соединенные, конечно, с историческими воспоминаниями о бывшей значимости того или иного места»⁵.

В. А. Гордлевский, характеризуя малоазиатские города пишет: «...иногда стирались, сливались границы между городом и деревней, и трудно сказать, город ли это: здесь, как например, в Ахлате или Изнике, были не только сады, но и пашни; у всякого жителя—двор, поле и сад, и все это расположено рядышком»⁶. О столице сельджуков Конье есть сообщение ибн-Батуты, свидетельствующее о наличии и здесь аграрных пережитков.

¹ Л. Р. Кызласов. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Рукописный фонд Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 1678, стр. 36—37.

² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 13.

³ Б. Н. Заходер. Хорасан и образование государства сельджуков. Вопросы истории, 1945, № 5—6, стр. 124.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 125.

⁶ В. А. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 125.

«Это—большой город, хорошо застроенный, изобилующий водой и ручьями, садами и фруктами»¹. В другом месте В. А. Гордлевский пишет о ремесленниках: «...работая в городе, он заводил себе небольшое загородное хозяйство. Во всяком случае, как я наблюдал в Малой Азии, у ремесленников часто есть за городом клочок земли, дом с усадьбой, где у них сад и виноградник»².

Немало сведений о сохранении аграрных пережитков и в среднеазиатских городах. Возьмем хотя бы известие ал-Белазури³ о постройке в IX в. саманидом Нухом стены вокруг Исфиджаба, охранявшей виноградники и посеvy его жителей. Из слов «виноградники и посеvy его жителей» совершенно очевидно, что горожане занимались сельским хозяйством.

Истахри и ибн-Хаукаль, говоря об Исфиджабе, прямо указывают, что «в рабаде его сады и воды»⁴. Свидетельство Рашид-ад-дина об этом городе подчеркивает очень большие размеры его: «от начала до конца его один день пути; сорок ворот имеет»⁵. Большие размеры города могут быть объяснены, вероятно, тем что к его территории причислялась земля, обрабатываемая горожанами. Это подтверждается и топографическими данными, выявленными П. П. Ивановым и М. Е. Массоном.

Макдиси, сообщая о Таразе, говорит, что это «большой укрепленный город с множеством садов и сплошной населенностью»⁶.

Тот же автор об одном из городов Таласской долины пишет: «Атлах—большой город, по величине приближается к столице (Таласу или Исфиджабу), имеет стены. Большую часть города составляют сады»⁷.

У него же город Бинкет описывается так: «Бинкет—главный город Шаша, он обширен по площади, с просторными жилищами. Редчайший дом обходится без того, чтобы при нем не было сада, конюшни и виноградника». И далее: «Размером город будет фарсах на фарсах, но только большая часть его сады, как мы упоминали. У него два предместья, вокруг каждого предместья—крепостная стена... Цитадель находится позади внутреннего города; одни из ее ворот выходят на него, другие ведут в предместье. У внутреннего предместья восемь ворот... А у внешнего предместья—семь ворот... Соборная мечеть находится у стены цитадели, а большая часть рынков в предместьях»⁸.

Весьма показательно описание Самарканда, данное на основе исторических известий акад. В. В. Бартольд: «...значительная часть пространства была занята садами, сад был почти при каждом доме; когда смотрели на город с вершины цитадели, то за деревьями садов не было видно зданий»⁹.

Бухара, по данным О. А. Сухаревой, в VIII в. еще не утратила сельского облика. Ее жители занимались земледелием, а пашни находились даже на территории шахристана¹⁰.

¹ В. А. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии, стр. 126.

² Там же, стр. 102.

³ С. [А.] Волин. Сведения арабских, персидских и тюркских источников..., стр. 16.

⁴ Там же, стр. 19—20.

⁵ М. Е. Массон. Старый Сайрам. Изв. Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 41.

⁶ Л. З. Писаревский. Извлечения..., стр. 35.

⁷ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью..., стр. 16.

⁸ Л. З. Писаревский. Извлечения..., стр. 37—38.

⁹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 91.

¹⁰ О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958, стр. 28—29.

Археологические материалы позволяют допускать, что известная часть земледельцев жила в шахристане раннесредневекового Пенджикента¹.

Следует вспомнить также данные наблюдений В. А. Шишкина о наличии усадебного типа застройки в древнем Термезе².

Комплексное хозяйство, сочетающее городской быт с земледелием и скотоводством, характерно для обитателей раннесредневековых «городов гузов»³, а также хазар⁴.

Факты владения землей ремесленниками Самарканда в XV—XVI вв. отмечает А. М. Беленицкий⁵.

Сельскохозяйственные занятия в Бухаре, по письменным источникам и этнографическим данным О. А. Сухаревой отмечаются для XVI в.⁶ и даже для XIX в.⁷ Такие же данные приводятся для Карши⁸ и Шахрисяб-са⁹.

По этнографическим данным, в Фергане земледельцы, имевшие собственные участки, а также батраки жили в стенах города¹⁰.

Некоторые сведения для сравнения застройки огромных площадей городищ с длинными стенами в Чуйской долине дают материалы по топографии поздних поселений Туркмении, собранные В. А. Левинной. В позднем городище Анау ею отмечаются кварталы ремесленников, рынки и большое количество усадеб, площадью свыше 0,5 га. Автор называет это поселение городом сельского типа¹¹. В жизни городов других стран Азии имели место аналогичные явления.

В средневековой Армении городская жизнь в значительной степени вращалась в сельскохозяйственной атмосфере¹².

С. В. Киселев в древних городах Монголии отмечает некоторые черты, напоминающие чуйские поселения: большие размеры, сады внутри города, обширные усадьбы и многочисленные следы занятия земледелием за внешними валами¹³.

Представляют интерес и сведения о городах Индии, где отмечается отсутствие противоположности между городом и деревней в составе социальной верхушки и в развитии ремесла¹⁴.

Мы привели наиболее яркие данные, указывающие на наличие сельскохозяйственных занятий у жителей средневековых городов Азии. Число их без труда можно было увеличить.

¹ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА № 1, 1959, стр. 102.

² В. А. Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза. Труды УзФАН, сер. 1, История, археология, вып. 2, ТАКЭ, 1936. Ташкент, 1941, стр. 139.

³ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, № 3, 1947, стр. 71 и 100.

⁴ Там же, стр. 75.

⁵ А. М. Беленицкий. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. КСИИМК, VI, 1940, стр. 45, см. там же прим. 3.

⁶ О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958, стр. 45—46.

⁷ Там же, стр. 95—105.

⁸ Там же, стр. 116, 126—127, 141—142.

⁹ Там же, стр. 138.

¹⁰ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии, СА, № 1, 1959, стр. 102. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.—Л., 1954, стр. 16—18.

¹¹ В. А. Левина. Позднее городище Анау. Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951, стр. 352—353. Ее же, Жилище Анау. Там же 380—381.

¹² Я. Л. Манандян. О торговле в городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Еривань, 1930, стр. 154, см. там же примечание.

¹³ С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, № 1, 1957, стр. 94—100.

¹⁴ К. А. Антонова. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605). М., 1952, стр. 127—129.

С другой стороны, в деревнях наличествуют признаки, присущие городам. Так, Наршахи, описывая местности вокруг Бухары, говорит, что деревня Искаждкат имеет большое укрепление и что благосостояние ее жителей зависело не от земли, которой было мало, а от ремесла и торговли; в селении каждый четверг был базар¹. А селение Зандана, также имевшее крепость и базар, славилось знаменитой бумажной тканью «занданачи», вывозившейся даже в Ирак и Индустан.² Сведения об укреплениях содержатся также в повествовании о селениях Нур, Тававис, Шарг, Вардана, Баркад, Рамитан, Варахша.³

А. Ю. Якубовский, характеризуя сельские поселения Мавераннахра до арабского времени, отмечает в них наличие укреплений⁴. А для времени восстания Муканны (70-е гг VIII в.) тот же автор селения описывает так: «Селения эти были, за редкими исключениями, укреплены стенами, иногда башнями, и мало чем по своему топографическому строению отличались от небольших городов»⁵. В другой своей работе он подчеркивает: «Редкая деревня между Самаркандом и Бухарой не отдавала часть труда в системе своего домашнего хозяйства изготовлению тканей, идущих на городской рынок»⁶. О. А. Сухарева приводит такого же характера данные для района Бухары⁷.

О длительности и сложности процесса отделения города от деревни, ремесла и торговли от сельского хозяйства свидетельствует история западноевропейских городов и городов древней Руси. Все исследователи городской жизни подчеркивают сохранение в течение многих столетий в экономике городов сельскохозяйственного профиля.

В Англии, по данным Е. А. Косминского, процесс отделения города от деревни протекал медленно. Города долго сохраняли полуаграрный характер. Горожане держали землю в соседних манорах. Ремесла развивались и в деревне⁸. Аналогичные сведения мы находим и у других исследователей истории Англии⁹.

Подобная же картина наблюдается и в Германии. В. В. Стоклицкая-Терешкович для XIV—XV вв. отмечает в германских городах сельскохозяйственный отпечаток и приводит данные о том, что некоторые из них по своему виду и занятиям напоминали большие деревни¹⁰. В. А. Ермолаев, подчеркивая тесные связи германских городов XVI в. с сельским хозяйством, говорит, что в отдельных городах сельское хозяйство имело доминирующее значение и поэтому некоторые из них называли крестьянскими городами¹¹.

¹ Наршахи. История Бухары, Ташкент, 1897, стр. 21—22.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 19—26.

⁴ История народов Узбекистана, т. 1, стр. 174—175.

⁵ История народов Узбекистана, т. 1, стр. 197.

⁶ А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Л., 1933, стр. 6.

⁷ О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 83, 93.

⁸ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.—Л., 1947, стр. 327, 393—394.

⁹ Корбетт. Земледелие. В кн. Общественная жизнь Англии, т. 1, М., 1896, стр. 438; У Дж. Эшли. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897, стр. 78.

¹⁰ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 204, 211.

¹¹ В. А. Ермолаев. Франконский город в крестьянской войне 1525 г. Сб. средние века, вып. V, М., 1954, стр. 114—115.

Данные, подтверждающие эту черту германских городов, мы находим также у К. Лампрехта, Г. Белова, Юл. Борхарда, И. Янсена, Ю. А. Корхова¹.

В XII—XIV вв. экономическую связь между городом и деревней и наличие земледельцев в итальянских городах отмечают М. М. Ковалевский и Дж. Луццато². У целого ряда других исследователей—А. К. Дживелегова, Д. М. Петрушевского, А. Пиренна, А. П. Погребинского и др.³, мы встречаем немало сведений такого характера.

В древней Руси в XI—XII вв. занятие горожан сельским хозяйством является характерной чертой⁴.

Такое явление для средневековых городов было очень четко подчеркнуто Ф. Энгельсом: «Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали большую часть нужных для собственного потребления предметов самостоятельно; они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо...»⁵

Выше мы привели признаки, которые сближают города и сельские поселения раннего средневековья как в занятиях жителей, так и в топографической структуре. К сожалению, для раннесредневековых городов и сельских поселений Чуйской долины мы подобных сведений в письменных источниках не имеем. Но приведенное ранее сходство в строении чуйских городищ с городищем Сайрама позволяет пользоваться этими сведениями как сравнительным материалом и аналогиями.

Кроме того, нам кажется, что для правильного понимания структуры поселений Чуйской долины и занятий их жителей необходимо учитывать историческую обстановку Семиречья, в которой возникали и развивались оседло-земледельческие поселения Чуйской долины.

В первую очередь надо помнить о совместном существовании в Чуйской долине кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев и о принадлежности племенной верхушке первых политической власти.

В этой связи представляют интерес данные древне-тюркских рунических памятников VII—VIII вв. об отношении городов Семиречья с западно-тюркским каганатом, принуждавших жителей городов строить значительные укрепления и создавать территориальную федерацию⁶.

Не могло не оказать влияния на сложение оседло-земледельческих поселений Семиречья и известное нарушение его связей с Мавераннахром,

¹ К. Лампрехт. История германского народа, том 2. М., 1895, стр. 457—458. Г. Белов. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии. М., 1912, стр. 78; Юл. Борхард. Экономическая история Германии, ч. II, М.—Л., 1924, стр. 194. И. Янсен. Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа, накануне реформации. СПб., 1898, стр. 33 и сл. Ю. Л. Корхов. Страсбург и Трир в конце XII в. Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, том 59, М., 1949, стр. 20, 25, 27.

² М. М. Ковалевский. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. III, М., 1903, стр. 9. Дж. Луццато. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 270.

³ А. К. Дживелегов. Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902, стр. 90. Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории средневековой Европы, М.—Л., 1928, стр. 287. А. Пиренн. Средневековые города и возрождение торговли, М., 1941, стр. 123. А. П. Погребинский. Средневековый город в XI—XV веках. М., 1946, стр. 4.

⁴ Н. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. В кн. История культуры древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 69. Н. Н. Воронин. Поселение. Там же, стр. 188.

⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Л., 1950, стр. 256. Ср. Ф. Энгельс. Закон стоимости и норма прибыли. В кн. К. Маркс. Капитал, т. III, Л., 1950, стр. 911.

⁶ С. Г. Кляшторный. Согдийцы в Семиречье. СЭ, № 1, 1959, стр. 10—11.

в связи с завоеванием последнего арабами, падающее как раз на время сложения средневековых городов и сельских поселений Средней Азии. По письменным источниками мы знаем, что Сайрам до середины IX в. был конечным пунктом мавераннахрских владений, а дальше шли владения кочевников—тюрков.

Вот как характеризует географическое положение этого города аль-Якуби: «От Шаша до величайшей пограничной крепости—Исфиджаба, два дня пути, это округ, откуда воюют с тюрками, это конец области Самарканда».¹ В саманидское время после известного похода Исмаила Саманида (893 г.) эта граница была отодвинута до Таласа. Дальше Таласа мусульмане не заходили². Очень характерно в этом отношении географическое расположение городищ с длинными стенами. Они начинаются именно от Сайрама и затем известны только в долинах Таласа и Чу.

Нарушение связей Семиречья с Мавераннахром в VIII—X вв. достаточно ярко подчеркивается отсутствием здесь саманидской монеты, которая неизвестна ни в раскопках предыдущих исследователей,³ ни в наших стратиграфических шурфах.

Но совместное расселение ремесленно-торгового и земледельческого населения в поселениях с длинными стенами, обусловленное названными выше обстоятельствами, отмечается не на всем протяжении их жизни. Обследование мелких развалин в зоне городищ с длинными стенами и при выходе ущелий Киргизского хребта в долину, а также ближайшей округи таких городищ, как Краснореченское, Ак-Бешим и др., говорит за то, что в последние столетия перед монгольским нашествием жизнь в больших поселениях вышла за пределы длинных стен. Если возникновение мелких поселений было связано с обороной подступов к большим населенным пунктам и с необходимостью обеспечения торговых караванов в пути, то в дальнейшем, в XI—XII вв., эти форпосты переросли в самостоятельные поселения. Об этом свидетельствуют их мощные культурные напластования. В пользу этого говорит также и изменение исторической обстановки, связанное с объединением всей Средней Азии под единой политической властью караханидской династии. Ликвидировалась политическая граница между Мавераннахром и Семиречьем. Изменилось отношение правящей династии к оседло-земледельческой части населения государства. В «Кудатку-Билик», памятнике XI в., автор в своих советах караханидскому владетелю явно на стороне оседлых поселений⁴.

Итак, раннесредневековые поселения Чуйской долины VI—IX вв. возникали и развивались, как отдельные оазисы оседлой торгово-ремесленной и земледельческой жизни на территории, бывшей центральной областью обитания крупных племенных групп кочевников-скотоводов. Политическая власть в этой области принадлежала знати кочевых племен. В названный период процесс отделения ремесла от сельского хозяйства и города от деревни не получил еще глубокого развития, хотя на многих городищах отмечено наличие ремесленных производств уже на начальных этапах их существования. Завершение данного процесса относится к X—XII вв., о чем говорят, правда, еще немногочисленные, археологические данные, которые свидетельствуют о выделении крупных городских центров, игравших доминирующую роль в ремесленно-торговой деятельно-

¹ С. А. Волин. Указ. рукопись, стр. 3.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 15.

³ МИА, № 14, стр. 147.

⁴ А. Валитова. О классовой природе караханидского государства. Труды Кир. ФАН СССР, 1, вып. 1, Фрунзе, 1943, стр. 127—136.

сти значительных районов. Но аграрные пережитки продолжали оставаться в них вплоть до начала XIII в., когда разрушительное монгольское завоевание положило конец оседло-земледельческой жизни в Чуйской долине.

Резюме

П. Н. КОЖЕМЯКО

Адепки орто кылымдагы Чүй өрөөнүндөгү элдүү жайлар.

Бул эмгек орто кылымдагы Чүй өрөөнүндө отурукташып дыйканчылык менен жашаган элдүү жайлардын пайда болуу жана өсүү маселелерине арналат. Эмгек көп археология-топографиялык материалдын негизинде жазылган. Көпчүлүк материал автор тарабынан кийинки жылдарда табылган.

Эмгекте элдүү жайлардын пайда болуу убактысы каралып, ошонун негизинде жазуу маалыматтарына жана археологиялык материалдарга баа берилет. Шаарлардын пайда болуу доорун аныктоочу негизги материал болгон карападан жасалган буюмдарды классификациялоого көпчүлүк көңүл бурулду.

Өрөөндүн түз жайларына жайланышкан көп сандаган узун жолдуу шаарларга тарыхый-топографиялык мүнөздөмө берүүгө орчундуу орун берилген. Ошону менен бирге аларда жүргүзүлгөн жазуу иштеринин натыйжаларынын негизинде ар бир шаардын жашоо доору аныкталган.

Мындан башка узун жолдуу шаарлардын айланасында жана Кыргыз Ала-Тоосунун Чүй өрөөнүнө салаңдап кирип келген энкейиш жерлерине жайлашкан бир канча майда чептер жана элдүү жайлар туралуу жасаган байкоолор берилет. Жазуу иштеринин жана элдүү жайлар туралуу жасаган байкоолор берилет. Жазуу иштеринин жана жер үстүнөн чогултуп алган материалдардын негизинде алардын жашоо убактысы аныкталат.

Жыйынтыкта, автор, адабий жана археолого-топографиялык материалдарды анализдөө негизинде төмөнкү пикирлерге келет. Чүй өрөөнүндөгү адепки орто кылымдагы шаарлар, Орто Азиянын башка районундагы бир мезгилде пайда болгон шаарлардан өзгөчөлүгү бар. Буга ошол убактагы Жети-Суу өрөөнүндөгү тарыхый шарт таасир кылган. Ал убакта бул райондордо шаардын кыштактан, кол өнөрчүлүктүн айыл чарбадан айырмаланышы акырындык менен өнүккөн. Ошондуктан Чүй өрөөнүндө X кылымдан гана тартып соода-өнөрчүлүк мүнөздөгү элдүү жайлар пайда боло баштайт. Балким бул шаарлар саясий административдик борбор болушу дагы мүмкүн. Монголдордун бүлдүргүч жортуулунун натыйжасында Чүй өрөөнүндө отурукташкан дыйканчылык турмушу токтолот.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1. АН Кирг. ССР — Академия наук Киргизской ССР.
2. АН Каз. ССР — Академия наук Казахской ССР.
3. АН Уз. ССР — Академия наук Узбекской ССР.
4. БЧК — Большой Чуйский канал.
5. ВДИ — Вестник древней истории.
6. ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
7. ИВАН — Институт востоковедения Академии наук СССР.
8. ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры.
9. Изв. РГО — Известия русского географического общества.
10. ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
11. Кирг. ФАН — Киргизский филиал Академии наук СССР.
12. КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
13. КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР.
14. ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
15. МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
16. МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
17. ОАК — Отчеты Археологической комиссии.
18. ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ.
19. ПТКЛА — Протоколы заседаний и сообщения Туркестанского кружка любителей археологии.
20. СА — Советская археология.
21. САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
22. СЭ — Советская этнография.
23. Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по охране памятников старины, искусства и природы.
24. ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция.
25. ТОВЭ — Труды Отдела Востока государственного Эрмитажа.
26. ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I — Историко-географическая справка	6
Глава II — Вопросы датировки поселений	20
Глава III — Историко-топографическая характеристика городищ с длинными валами	65
Глава IV — Мелкие поселения и укрепления.	131
Заключение	167

Редактор Кызласов Л. Р.
Технический редактор Анохина М. Г.
Корректор Блюхман Л. М.

* *

Сдано в набор 9/VI 1959 г. Подписано
в печать 5/VIII 1959 г. Формат
70×108¹/₁₆. Объем 11,75 п. л.
Уч.-изд. 13,25 л. Цена 10 руб. 30 коп.
Д—02588. Тираж 500 экз. Заказ 1440-1

* *

Фрунзе, тип. АН Киргизской ССР.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
19	21 сверху	Южная	Северная
20	9 сверху	Сюань-Цзяна	Сюань-Цзана
20	10 сверху	Сюань-Цзянь	Сюань-Цзан
32	14 снизу	горловины кувшина	горловина кувшина
33	20 сверху	только головка	только головки
36	16 снизу	район	раскоп
42	11 сверху	наибольших	небольших
48	1 сверху	ручки, идущей	не читать
52	7 снизу	круглых желобка	круговых желобка
55	13 сверху	ярко выраженные	яркое выражение
55	6 снизу	Изд-во Уз. ФАН	Изд. Уз. ФАН
59	16—17 сверху	отыскивался	оттискивался
62	15 сверху	конца IX в. ⁷	в слоях конца IX в. ⁷
78	12 сверху	Караханидская керами- ка	Поливная керамика
80	3 снизу	защищенной	защищенный
89	20 сверху	в юг	в лог
90	6 снизу	холм пристройки	холм постройки
90	2 снизу	холм пристройки	холм постройки
102	25 снизу	Третий шурф	Четвертый шурф
108	1 сверху	Вали	Холмы
108	2 сверху	Стена	Вал
137	13 сверху	обнаружениях	обнажениях
163	15 сверху	с. Новоросийска	с. Новоросийска
168	15 сверху	Сюань-Цзянь	Сюань-Цзан
178	22 сверху	само понятие	самое понятие
178	16 снизу	стиралась, сливались границы	стиралась, сливалась граница
185	2 колонка 3 снизу	Южно-Туркменская	Южно-Туркменистан ская

Цена 11 руб. 30 коп.